

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 3(13)
2019**

ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ
JULY–SEPTEMBER

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
директора Института законодательства
и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации, член-
корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, заслуженный юрист
Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор
Института Европы РАН, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор
политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, доктор
политологии Оксфордского университета,
управляющий директор Оксфордского
международного центра (Великобритания)

ПРОРОК Владимир, проректор Института
международных и общественных отношений,
доктор философии (Чехия)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Ответственный секретарь Ежов Д. А.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2019

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Director
of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian
Federation, Associate Member of RAS,
Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian
Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich, Director
of the Institute of Europe of RAS, Associate
Member of RAS, Doctor of Political Sciences,
Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, PhD (Pol.Sci.)
of the Oxford University, Managing Director
of the Oxford International Centre
(United Kingdom)

PROROK Vladimir, Vice-Rector of the College
of International and Public Relations
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Executive Secretary D. A. Ezhov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue "Russian Press" 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:
Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (заместитель председателя)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правопведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, Председатель Совета Российского общественного института избирательного права, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, кандидат юридических наук

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета (МПГУ), доктор политических наук, доцент

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

VEDENEEV Yuri Alekseevich, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Deputy Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Chairman of Council of the Russian Public Institute of Electoral Law, member of the Presidential Council for Development of Civil Society and Human Rights, Candidate of Law

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Head of the Department of Social and Political Studies and Technologies, Moscow Pedagogical State University (MPSU), Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Head of the Department of Constitutional and International Law, Ural Institute of Administration — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Law, Professor

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal "Citizen. Elections. Authority", Candidate of Political Sciences

ЕЖОВ Дмитрий Александрович, ответственный секретарь журнала «Гражданин. Выборы. Власть», доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат политических наук, доцент

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

КОМАРОВА Валентина Викторовна, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЩЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета, кандидат политических наук

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

СМИРНОВ Вильям Викторович, заведующий сектором теории права и государства Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, доцент

УСМАНОВ Рафик Хамматович, заведующий кафедрой политологии и международных отношений, директор департамента социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока Астраханского государственного университета, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

EZHOV Dmitry Aleksandrovich, Executive Secretary of the Journal "Citizen. Elections. Authority", Associate Professor of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Political Sciences, Associate Professor

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the State Sector Faculty, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (Academy MNEPU), Candidate of Political Sciences

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

SMIRNOV William Viktorovich, Head of the Sector of Theory of Law and State, Institute of State and Law of RAS, Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Associate Professor

USMANOV Rafik Khammatovich, Head of the Department of Political Science and International Relations, Director of the Department of Socio-Political and Economic Studies of Eurasia and East, Astrakhan State University, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Professor of the Department "State and Municipal Law", Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor

Теория права**9 Ю.А. Веденеев**

Юриспруденция: концептуальный статус дисциплины в эпоху перемен

Избирательное право**44 А.А. Головина, А.Г. Головин**

Язык и стиль избирательного законодательства в современную информационную эпоху: горизонты развития

59 А.С. Офицеров

О судимости и пассивном избирательном праве

Политические процессы**68 В.В. Карякин**

Геополитика постмодерна: восприятие гибридных войн и цветных революций в общественном сознании

79 Н.Е. Шакурова

Интеграционные процессы между Россией и Европейским союзом в условиях взаимных санкций

Пространство молодого ученого**91 Т.Ю. Полежаева**

К проблеме определения понятий «партийная идентичность» и «партийная идентификация»

104 А.М. Фатехов

Основные тенденции электоральной активности московской студенческой молодежи

114 Д.В. Матюшенко, С.В. Миронова

Электоральная грамотность молодежи как фактор политической активности: региональный аспект

Конкурс «Атмосфера»**128 Т.Н. Сидорук, Н.В. Желтиков, А.С. Борминцева**

Независимость выборов в контексте вмешательства в избирательный процесс

- 145 М.А. Потужняя**
Электронное голосование: перспективы правовой регламентации в Российской Федерации
- 154 В.А. Григоревский**
Правовые проблемы назначения наблюдателей на выборах
- 166 А.В. Демченко, А.А. Шалаева**
Статус члена участкового избирательного органа: сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта
- 181 Г.Б. Ващенко**
Участие студентов в работе участковых избирательных комиссий как способ повышения правовой культуры молодых избирателей
- 190 Н.Г. Дашкевич**
Низкая явка избирателей в России: нестандартное решение проблемы
- Рецензии**
- 198 М.Ю. Кошмаров**
Информационные войны и психологические операции
- 203** Сведения об авторах

Theory of Law

- 9 Y.A. Vedeneev**
Legal Science: Conceptual Status of Discipline in the Age of Changes

Electoral Law

- 44 A.A. Golovina, A.G. Golovin**
Language and Style of Electoral Legislation in the Modern Information Age: Horizons of Development
- 59 A.S. Ofitcerov**
About Criminal Record and Passive Electoral Right

Political Processes

- 68 V.V. Karyakin**
Geopolitics of Postmodernism: Perception of Hybrid Wars and Color Revolutions in the Public Consciousness
- 79 N.E. Shakurova**
Integration Processes Between Russia and the European Union in the Conditions of Mutual Sanctions

Young Scientist's Space

- 91 T.Y. Polezhaeva**
To the Problem of the Definition of "Party Identity" and "Party Identification"
- 104 A.M. Fatekhov**
Main Trends of Electoral Activity of Student Youth in Moscow
- 114 D.V. Matyushenko, S.V. Mironova**
Electoral Literacy of Youth as a Factor of Political Activity: Regional Aspect

The Competition "Atmosphere"

- 128 T.N. Sidoruk, N.V. Zheltikov, A.S. Bormintseva**
The Election's Independence in the Context Meddling in Election Process
- 145 M.A. Potuzhnyaya**
E-voting: Prospects of Legal Regulation in the Russian Federation

- 154 V.A. Grigorevskiy**
Legal Problems of Appointing Election Observers
- 166 A.V. Demchenko, A.A. Shalaeva**
Status of the Member of the Regional Electoral Body: a Comparative
Analysis of the Domestic and Foreign Experience
- 181 G.B. Vashchenko**
Participation of Students in the Work of Sectional Election
Commissions as a Way to Increase the Legal Culture of Young Voters
- 190 N.G. Dashkevich**
Low Turnout of Voters in Russia: Non-standard Solution of the
Problem
- Reviews**
- 198 M.Y. Koshmarov**
Information Warfare and Psychological Operations
- 203 Our authors**

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СТАТУС ДИСЦИПЛИНЫ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН¹

Аннотация. *Право существует в форме институтов и в форме представлений об институтах, поскольку представление чего-либо (феномен) имеет концептуальное измерение в представлении о чем-либо (понятие). Репрезентации права и представления о праве — два аспекта выражения и манифестации общей правовой реальности. Отсюда собственно и проистекает фундаментальная дилемма в определении предмета юридической науки. Это наука о праве или наука о правовой науке. Принимая во внимание, что понятие права есть развернутая в систему определений теория права, практический язык права обнаруживает себя в теоретическом языке юриспруденции и наоборот. Языки, в рамках которых действует право, и языки, на которых осмысляют явление права, и составляют общий объект и предмет юриспруденции. Юриспруденция — концептуальная часть правовой реальности, одновременно и объект, и предмет юридической науки. Эволюция юриспруденции в культурно-исторической логике изменений ее предмета и методов лежит в основании изменений ее дисциплинарной структуры и связей в общей системе социальных и политических наук. Каждой культурно-исторической эпохе существования права корреспондирует своя грамматика правопорядка и своя эпистемология права, то есть свой аналитический язык и дисциплинарный формат юридического знания. Право существует в определениях своего понятия. Каждая традиция понимания права понятийно видит в явлении «право» то, что не видят или не замечают другие традиции правопонимания. В истории развития понятия права (концептуализации права) заключена история развития правовых институтов (институционализации права). Обе составляющие правовой реальности живут в рамочных определениях своей социокультуры, ее языка и дискурса. То есть, исторических форм осознания и осмысления своего права — от права, обозначенного в ритуалах, мифах, знаках и символах, к праву, обозначенному в канонических текстах, доктринах и понятиях.*

Ключевые слова: *грамматика традиционного правопорядка, грамматика рационального правопорядка, дисциплинарный кластер, коммуникативные и когнитивные основания права, юридическая картина мира, структура и язык дисциплины, классическая и неклассическая юриспруденция, юриспруденция понятий и ценностей, постюриспруденция, интегративная теория права, юридический дискурс, юридический язык, культурный капитал.*

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич — доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

¹ Статья является продолжением дискуссии в рамках «круглого стола» по вопросам развития теоретической юриспруденции, проведенного кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журналом «Государство и право» [1].

LEGAL SCIENCE: CONCEPTUAL STATUS OF DISCIPLINE IN THE AGE OF CHANGES

Abstract. *The law exists in the form of institutions and in the form of ideas about institutions, since the representation of something (a phenomenon) has a conceptual dimension in the concept of something (a concept). Representations of law and ideas about law are two aspects of the expression and manifestation of a common legal reality. Hence the fundamental dilemma in the definition of the subject matter of jurisprudence. This is the science of law or the science of legal science. Taking into account that the concept of law is a theory of law developed into a system of definitions, the practical language of law reveals itself in the theoretical language of jurisprudence and vice versa. Languages within which the law operates and languages in which conceptualize the phenomenon of law and constitute a common object and subject matter of jurisprudence. Jurisprudence is a conceptual part of legal reality, simultaneously both an object and a subject of legal science. The evolution of jurisprudence in the cultural-historical logic of changes in its subject and methods lies in the basis of changes in its disciplinary structure and connections in the general system of social and political sciences. Each cultural-historical epoch of the existence of law corresponds to its own grammar of law and order and its own epistemology of law, that is, its own analytical language and disciplinary format of legal knowledge. The right exists in the definitions of its concept. Each tradition of understanding the law conceptually sees in the phenomenon of law that other traditions of legal thinking do not see or overlook. In the history of the development of the concept of law (conceptualization of law) lies the history of the development of legal institutions (institutionalization of law). Both components of legal reality live within the framework definitions of their socioculture, its language and discourse. That is, historical forms of awareness and understanding of their right – from the right indicated in rituals, myths, signs and symbols to the right designated in canonical texts, doctrines and concepts.*

Keywords: *traditional law grammar, rational law grammar, disciplinary cluster, communicative and cognitive principles of law, legal picture of the world, structure and language of discipline, classical and non-classical jurisprudence, jurisprudence of concepts and values, post-jurisprudence, integrative theory of law, legal discourse, legal language, cultural capital.*

...различные языки формируют
различные структуры мира.
Томас Кун

Эволюция дисциплины и смена гештальта

Если существует такая вещь, как теория литературы, то *кажется* очевидным, что есть нечто, называемое литературой, о чем собственно и говорит эта теория [2, с. 19; 3]. Данное утверждение британского литературоведа Терри Иглтона вполне применимо ко всему корпусу исследовательских

проблем, связанных с сосуществованием права и теории права. Отвечая на вопрос, что есть право, мы должны ответить и на вопрос, что есть правоведение. Вместе с тем, очевидно, что в данной постановке вопроса заключено двойное отношение. Определение, что есть право, предполагает определение, что есть теория права. Это не герменевтический круг — движение части к целому и целого к части. Здесь одно неизвестное лежит в основании другого неизвестного. Как выскочить из логического круга? Видимо, можно предположить, что обе категории являются составными элементами, точнее, измерениями другой, более широкой культурно-исторической реальности, а именно, правовой реальности. Правовая реальность существует и выражает себя в категориях и понятиях определенной правовой системы. Правовая система и есть ни что иное, как концептуально и институционально организованная в институтах и представлениях своей культурно-исторической эпохи правовая реальность.

Право — одновременно концепт и конструкт, социальное явление и социальный продукт, феномен регулярных практик и политического проектирования. Становление права, формирование и развитие нормативного языка правовых институтов, сопровождает параллельный процесс формирования и развития представлений о праве или знаниевых форм права, выражающих культурно-исторические логики и подходы в осмыслении и понимании феномена права. Связь знаний о праве и институтов права, развития дисциплинарной структуры юридической науки и институциональной структуры права очевидна. Это эмпирический факт, не нуждающийся в доказательствах, но требующий объяснения. Право и представления о праве есть ни что иное, как отображения юридических форм и смыслов существования человеческой реальности в нормативных и концептуальных определениях ее социокультуры. Правовая реальность, поскольку ее становление и движение в исторически различных практиках и техниках юридической организации социальных отношений связано культурой восприятия, оценки и переживания должного или недолжного социального порядка как правопорядка, — это ментальная и когнитивная реальность в ее феноменологии, отражаемой в различных юридических картинах мира, стилях правового мышления и понимания права.

Эволюция права представляет собой эволюцию множества конкурирующих культурных цепей: идей, верований, доктрин и учений составляющих в совокупности внутреннюю и внешнюю среду обитания любого исторического явления или аксиологию права. Ментально-сущий или юридический концепт действительности — интегральное ядро правовой реальности, как в ее онтологии (*категориях*), так и в ее эпистемологии (*представлениях*), лежат в основании другой базовой категории юриспруденции — правовой коммуникации. Правовая коммуникация — это обмен образами, представлениями, понятиями или языками понимания и рассуждения о праве в нормативной лексике и семантике своей социокультуры [4]. Познавательная

ценность категории юридический концепт действительности, введенной в научный оборот Г. Гаджиевым [5]², в изучении правовой реальности в том и состоит, что она включает в самой себе и онтологические, и эпистемологические основания формирования и права, и науки права. Именно в этой синтетической данности пересечений представлений о действительности и самой действительности, ее субъективной и объективной общей коммуникативно-когнитивной онтологии права и заключено то, что составляет совокупный предмет юриспруденции: понятие явления и категории право, и понятие явления и категории науки права.

Интегральный концептуальный статус данной категории превращает ее в рамочную структуру всех возможных изменений и трансформаций правовой реальности — и в ее правовых конструкциях, и в ее аналитических определениях. История права и история науки права — это история смены юридических концептов действительности, мысленных нормативных образов правовой реальности или выражения должного в разнообразных понятийных и нормативных формах его культурно-исторических манифестаций. Каждой категории наличного правопорядка корреспондирует свой понятийный комплекс и концептуальный цикл движения определений ее содержания и формы [6; 7; 8]. В этом аспекте своего проявления именно генезис юридического концепта действительности (*концептогенез*) и является внутренним источником права (*нормогенеза*). В нем ментально и когнитивно заключено юридическое основание процесса правообразования, которое в свое время было определено Г. Кельзенем в качестве основной нормы или метанормы — мысленного образа должного в наличных культурных практиках социального общения как выражения жизненной энергии различных культурно-исторических форм правосознания своей эпохи³.

² Правовая реальность всегда осмысливается в основополагающих категориях должного или недолжного порядка отношений, но определяется в образах, метафорах, представлениях и понятиях своей исторической эпохи. Процесс осмысления правовой реальности и есть процесс ее категоризации и концептуализации, посредством которой право обретает свою нормативную и понятийную историческую структуру. Процесс осмысления правовой реальности протекает в системе расширения (сужения) и переопределения ее категориальных и понятийных координат в зависимости от культурно-исторического контекста их формирования и обозначения.

³ Категории метанорма (когнитивные нормы, конвенциональные правила, паттерны, стереотипы восприятия и переживания права) корреспондирует категория мононормы. Данные категории, в историко-генетическом аспекте своего существования и развития являются взаимосвязанными характеристиками отдельных фаз нормативной эволюции систем социального общения, а значит, и концептуальных систем их познания. Мононормы представляют собой продукты органического синтеза первоначального права. Метанормы — это итог социокультурного процесса расщепления общего нормативного ядра органических юридических систем и их дифференциации на отдельные автономные составляющие, каждая из которых вырабатывает свой механизм воздействия на поведение отдельных социальных единиц и их коллективных образований. Метанормы являются выражением юридических картин мира или представлений о должном порядке в определенных культурах социального общения, внутри которых оформляют свои относительно автономные сферы нормативной регуляции — религия, мораль, право. На их пересечении возникают свои нормативные комплексы, представленные традиционными правовыми системами, религиозными правовыми системами и этико-нормативными системами. Каждую из перечисленных формаций нормативных систем характеризует своя Основная норма или свое базовое представление (*концепт*) о ключевых источниках и формах выражения Своего

Правовые явления в их собственной онтологии отображаются в категориях, понятиях и определениях практического и теоретического языка права. Важно при этом различать язык правовых категорий и язык правовых понятий. Категории открываются. Понятия раскрываются. Язык правовых категорий имеет статус существования. Это то, что составляет реальность права определенной исторической эпохи. Правовые категории открывают и осмысливают. Язык правовых понятий имеет эпистемологический статус. Это то, что составляет реальность знания о праве конкретной исторической эпохи. Правовые понятия разрабатывают и определяют. Обе составляющие правовой реальности — и правовые категории (*ее объективное начало*), и правовые понятия (*ее субъективное начало*), живя в социокультурных границах правосознания своего исторического времени и места, составляют объективную и субъективную онтологию конкретно-исторического правопорядка или практический и теоретический юридический язык своей исторической эпохи.

Каждая историческая эпоха существования права живет в категориях и определениях языка своего права. Язык, на котором говорит право, определяет и юридическую форму и юридическое содержание права. Различение публичного и частного права, жесткого и мягкого права обозначается различиями прескриптивного и дескриптивного языка права, его нормативной грамматики, семантики и терминологии. Язык, на котором говорит наука права, определяет ее дисциплинарную структуру и ее концептуальное ядро. Значение практического и теоретического языка юриспруденции в том и состоит, что им обозначаются границы и институционализации, и концептуализации права. В этом аспекте своего юридического бытия, язык права обладает и формальной, и концептуальной нормативностью. Язык права выражает должное в его коммуникативных значениях (*семантике*) через систему представлений о должном (*концептах*). Язык права, выполняя одновременно и коммуникативную и когнитивную функции, заключает в себе и регулятивную и концептуальную грамматику, образующие в совокупности и в их взаимных переплетениях общую грамматику правопорядка, включая его метафорические и символические конструкции.

Мы до сих пор недооцениваем нормативный и аналитический потенциал, *заклоченный* в языке метафор. Метафорика — составная часть языка права. Ее символические определения образуют письменность глубинных оснований права своей эпохи и являются органичной частью правовой реальности. Такие конструкции как «*невидимая рука рынка*» или «*живое право*» дают для понимания сущности бытия реальной действительности больше, чем горы теоретико-методологических причитаний на эту тему. Метафорическое содержит в себе потенциальную возможность превращения

права. Разнообразие форм не меняет фундаментальный смысл правил. Он заключается только в одном — облегчать жизнь, а не мешать быть тем, чем она может быть.

символического в фактическое. Резонно предположить — если есть нечто, именуемое как «позитивное право», то его теневым проявлением является негативное право; если имеет место естественное право, то его латентным продолжением является противоестественное право, жесткому праву корреспондирует мягкое право. Язык метафор — индикатор возможного будущего, спрятанного в его прошлом и настоящем. Метафорическое отношение к действительности выражает универсальное основание и шкалу возможных процессов институционализации и концептуализации права (правообразования и правопонимания) — органическую бинарную структуру, в которой эвентуально присутствуют все актуальные и потенциальные формы права и знания о праве. Есть только фундаментальная парадигматическая оппозиция «*a* и *не-а*». И все остальное, заключенное между ними, — и ничего больше. Иначе говоря, наличные правовые институты и понятия об институтах — изначально и всегда незавершенные в себе и преходящие формы выражения и существования *живого* практического и теоретического языка права.

Понимание права и правоведения как особых форм существования и выражения юридического языка открывает новую перспективу в изучении правовой реальности как языковой и символической реальности. Смена доминирующих концептуальных традиций понимания и отношения к праву или правовой гештальт, благодаря чему собственно и движется и меняется правовая реальность, чтобы снова и снова периодически возвращаться к своим фундаментальным истокам и открывать новые циклы своей культурно-исторической эволюции, и составляет действительный предмет правовой науки. Различные исторические формации юридического знания выражают содержательные и концептуальные рамки права и науки права каждой исторической эпохи. Каждая историческая эпоха существования науки права говорит на своем языке описания и объяснения права.

Познание права включает в себе критику науки права. Эволюция права и есть эволюция языка рассуждений о праве в культурно-исторических границах своего концепта юридической действительности. Теоретическая разработка данной категории охватывает весь спектр фундаментальных проблем и тем юридической науки и, прежде всего, вопросов комплексного изучения различных правовых систем с точки зрения общих и особенных оснований и условий *происхождения* и исторического развития лежащего в их основании юридического языка, грамматики и семантики конкретных правопорядков. Изучение сходства и различия юридических языков позволяет идентифицировать те или иные культурно-исторические традиции и практики правовой организации социальных отношений, а значит, нормативные и интеллектуальные основания выражающих их правовых систем с точки зрения их совместимости или несовместимости, открытости или закрытости, комплементарности и транзитивности.

Явление права существует с начала исторических времен. Это категория фактического бытования социальной реальности. Представление о праве —

также категория исторической эпистемологии. Развитие права предполагает становление, формирование и трансформации языка его осмысления. На смену грамматики традиционного правопорядка приходит грамматика рационального правопорядка. Социальный язык права и концептуальный язык права, неравномерные и разновременные аспекты (слои) выражения и манифестации правовой реальности и правопорождающей грамматики ее языков, языка практик социальных коммуникаций и языка их определения. Практический язык права и теоретический язык науки права неотделимы друг от друга, но существуют в различных измерениях их общей правовой реальности. Собственная история правоведения, получившая отражение в классической и неклассической традиции понимания права, фактически может быть сведена к четырем стадиям или состояниям концептуальной эволюции. Первая архаическая фаза — фаза ритуальной юриспруденции или юриспруденции отражения права в символических обозначениях его содержания и формы (*юриспруденция архетипов или практическая юриспруденция*). Вторая переходная фаза — фаза метафизической юриспруденции или юриспруденции этико-нормативных оснований возникновения и развития права (*юриспруденция ценностей*). Третья, собственно концептуальная фаза — фаза юриспруденции рациональных определений, проблематика которых вращается вокруг различных исторических систем юридических знаний и понимания правовых явлений (*юриспруденция понятий*). Современная фаза дисциплинарной эволюции юридической науки постепенно открывает новую аналитическую перспективу своей теоретико-методологической рефлексии, связанную с изучением юридической науки как таковой, то есть разработки самой юридической науки в качестве предмета исследования (*юриспруденция эпистем или критическая юриспруденция*). Поскольку каждый формат предметной и методологической эволюции юриспруденции существует в рамочных определениях своего категориального и понятийного языка, именно язык юриспруденции образует ее новый предмет. В этом отношении, действительный предмет юриспруденции и есть сама юриспруденция. Развитие концепции юриспруденции отражает движение языка юриспруденции. Язык юриспруденции в самом себе включает язык социокультуры своего места и времени. Язык социокультуры является выражением юридических картин мира, то есть метафизических смыслов и нормативных переживаний разнообразных (фактических, символических) исторических практик социального общения.

Юриспруденция в различных аспектах и контекстах своего существования и осмысления составляет, наряду с ментальной, языковой и институциональной, концептуальную часть правовой реальности. Поэтому активно обсуждаемая в литературе вопроса тема особого формата юридической науки — интегральной юриспруденции нуждается в переосмыслении, поскольку на любой исторической фазе своего образного, символического или теоретического развития, юриспруденция в своей собственной онтологии,

аксиологии и эпистемологии отображает правовую реальность в ее предметной конкретике. Интегральная целостность правовой системы уже в себе заключает историю становления интегральной юриспруденции в различных формациях знаниевого или категориально-понятийного выражения ее предмета и ее аналитики. Совокупный предмет юриспруденции — сложная, многосоставная и многоуровневая конструкция с исторически меняющимися наслоениями правовой реальности, представленной категориальными, дисциплинарными и понятийными кластерами, отражающими культурные — ментальные и когнитивные сдвиги в практиках соционормативного общения.

Концептуальная эволюция любой научной дисциплины заключает в самой себе кризис собственного развития, которым одновременно завершается и начинается очередной цикл поиска новых предметных и аналитических оснований. Саморефлексия на предмет самое себя — вершина научной эволюции теории права, в которой она находит смысл своего существования как явления с постоянно меняющейся исторической формой концептуализации знания о праве. Структурный разрыв в культурно-исторической эволюции знаниевых форм права заключен в переходе от одного исторического формата осмысления права к радикально другому. От рефлекторной формы отражения правовой действительности (*через подражание, мимесис*) к рефлексивной форме (*через определение, концепт*), от правовых архетипов и ритуалов к правовым концепциям и понятиям. Язык традиций исключает критику наличного правопорядка. Язык новаций — по определению язык его критики. В этом смысле, догматическая и критическая юриспруденция — фундаментальные концептуальные эпохи и альтернативы репрезентации правовой реальности.

Первая и одновременно всегда актуальная проблема теории права, вокруг которой вращаются ее ключевые определения, состоит в периодическом открытии неопределенности своего дисциплинарного статуса. Еще вчера — это доктринальное *ядро* в системе юридических научных иерархий, сегодня — существование с едва понимаемыми и разделяемыми притязаниями на право быть универсальной и безусловной истиной для всех отраслевых юридических наук. Власть догматического дискурса (концептуальная власть статусных номинаций и классификаций) закончилась тем, чем все кончается, — кризисом жанра и ожиданием, что все когда-нибудь само собой вернется на свое привычное место, а эпоха разрушительной критики формально-логических оснований юриспруденции придет к своему естественному концу.

Отечественная юридическая наука, как и все, что составляет ее доктрину, аксиоматику и аналитику, подвержена инфляции и девальвации. Это эмпирический факт, масштабы и последствия которого для развития и судьбы самой дисциплины еще предстоит осмыслить, но совершенно очевидно, что парадигмальные сдвиги в понимании места и роли теоретической юриспруденции в общем корпусе юридической науки предполагают появление в ее составе критической юриспруденции в собственном смысле данного поня-

тия [9; 10]. Предметные и концептуальные изменения юридической науки заключены в элементарной формуле — «от идеологии к научному методу» или «от эмпирического факта к теории», за которыми скрывается собственная дисциплинарная история науки права. Новая юриспруденция — это не только новый предмет и метод, а новое понимание эпистемологических оснований дисциплины или способов мыслить то или иное явление в категориях, понятиях и определениях нового языка дисциплины. Это — проблема и тема концептуальных переносов языка юриспруденции от мифа к эпистеме, от эпистемы к эмпирическому факту, от эмпирического факта к понятию.

Язык юриспруденции обладает двойственной природой. Это, с одной стороны, инструмент описания и объяснения феномена права, а с другой стороны, инструмент изучения самого языка научной дисциплины. Кризис формально-догматической юриспруденции лежит за рамками ее собственного предмета и метода. Его истоки заключены в природе вырабатываемого ею юридического знания, основные определения которого выводятся из юридических конструкций, составляющих содержание действующего законодательства. В их основании лежат нормы-дефиниции, нормы-принципы, нормы-декларации, образующие одновременно ее концептуальное и нормативное ядро. Язык формально-догматической юриспруденции — язык прескриптивных суждений, предписывающих понимание нормативного значения тех или иных аспектов правовой реальности, рассматриваемых в качестве объекта формально-догматического анализа. Язык формально-догматической юриспруденции вырабатывается не свободной средой критических высказываний, адресатом которых в первую очередь является и сама дисциплина с точки зрения достоверности получаемого ею знания. Основные категории и понятия здесь заданы системой идеологических инстанций, обеспечивающих их единообразное понимание и применение. Структура и содержание догматической юриспруденции подчинено логике формальных определений, ключевые значения которых санкционированы юридической доктриной. Сложившийся эмпирически под влиянием потребностей развития юридической практики язык догматической юриспруденции, как с точки зрения своего предмета, так и с точки зрения своего аналитического инструментария выражает определенный исторический этап в развитии самой правовой науки. Это, несомненно, фундаментальная часть общего правового наследия и капитала юридической науки, но она не является сегодня универсальной отмычкой от всех социальных проблем, которые существуют не сами по себе, а в нашем воображении, ограниченном в своем понимании всего разнообразия возможных форм проявления правовой действительности рамками существующей традиции видеть только то, что можно увидеть в границах определений языка своей социокультуры⁴.

⁴ Право в своей онтологии и генезисе определяется практиками социального общения и их осмысления на языке социокультуры своей эпохи. Оба процесса (аспекта, функции) юридического конституирования социальной действительности (коммуникативный и когнитивный) в их совместном

Кризис дисциплинарной матрицы: языка, предмета и структуры

Юриспруденция — категория с меняющейся исторической формой и содержанием. Это аксиоматическая формула Р. Штамллера, имеющая универсальное значение в осмыслении любых социальных явлений. Проблема состоит только в том, что динамика и траектории преобразований в составе знаниевых форм и содержания права асинхронны. Конфликт содержательных (*концептов*) и формальных (*аксиом*) определений задан изначально и объективно, в самом факте существования правовых категорий и понятий. Развитие юридической науки протекает в политической и культурной среде различного исторического времени и места. Юриспруденция, рассматриваемая в системе правовых знаний о правовой реальности, не существует в концептуальном пространстве только собственных представлений о праве, поскольку право является объектом изучения широкого комплекса социально-гуманитарных наук. Концептуальный статус юриспруденции — функция множества внешних и внутренних переменных. Дисциплинарные основания ее собственного развития лежат в системе взаимодействий с другими научными дисциплинами. Актуальная тема современного состояния развития юриспруденции заключена в проблеме совмещения категориальных и понятийных рядов юридической науки в общей системе социальных, политических и экономических наук [17]⁵.

Это позволяет рассматривать наличную систему юридических знаний в качестве социокультурного института, существующего в границах определенной системы правил и эпистемических стандартов квалификации полученных научных результатов, а также кодифицированного языка рассуждений о праве, адекватного или неадекватного той или иной эпохе существования и явления права, и науки права.

процессе правообразования и правопонимания лежат в основании формирования грамматики правопорядка, представленной правилами его организации — регулирования, оценки и анализа правовых ситуаций и событий, характеризующих культурно-исторический формат правовых систем своего времени и места [11; 12; 13; 14; 15; 16].

⁵ Резонно предположить концептуальную потребность формирования в общем корпусе юридической науки гибридных теорий политического права (политически ориентированной юриспруденции), теорий социального права (социологически ориентированной юриспруденции). Проблема лишь в формате конституирования гибридных языков права и науки права. Если процесс формирования интегрированных категориальных и понятийных комплексов будет протекать в рамочных определениях позитивистской версии понимания права, юридическая наука будет продолжать вращаться вокруг категории «*установленное право*», поскольку она не знает и не хочет знать категории «*действующее право*». И развитие собственного аналитического языка будет протекать в логике, исключаяющей социологическое или политологическое видение и понимание правовой реальности. Элементарная аксиома, что не все установленное право может быть действующим или являться действующим, должна иметь свое категориальное и концептуальное отображение при формировании любой гибридной конструкции теории экономического или политического права, ее аналитического языка и дискурса. Вопрос не в долгожданном явлении теории экономического права, а в ее концептуальном статусе быть именно *новой теорией* экономического права, развивающей свой категориально-понятийный аппарат в логике актуальных тенденций экономического развития, требующих новой аналитики, а не имитации или консервации концептуальных сдвигов в ее дисциплинарной структуре.

Кризис юриспруденции с точки зрения ее предмета, аналитического аппарата и дисциплинарной структуры — *исторический факт*, осмысление которого также должно быть предметом научной рефлексии. В этом отношении, юриспруденция объективно является предметом исследования, содержание которого составляет определение новой эпистемологической перспективы и выражающей ее юридической теории, теории юридической теории или метатеории, со своим предметом, аналитическим языком и структурой юридических знаний. В этом аспекте концептуальной эволюции юриспруденции именно эволюция ее знаниевых форм, то есть преобразований в системах языка организации и выражения ее предметного содержания составляет сегодня новую фазу развития юридической науки. Научными маркерами ее самоопределения в логике собственного парадигмального развития является признание наличия и далеко не мирного сосуществования различных конкурирующих исследовательских подходов, означенных в литературе вопроса в качестве классической и неклассической юриспруденции и представленных в составе относительно автономных юридических школ и сообществ.

Введение в проблематику развития права и науки права языковых изменений, протекающих в системе культурно-исторических и эпистемологических координат той или иной эпохи их возникновения и выражения, кардинально меняет общий исследовательский ландшафт существования юридической науки. Фактически оно предполагает одновременно радикальный концептуальный сдвиг не только внутридисциплинарных, но также и междисциплинарных связей, и предметных пересечений юриспруденции и лингвистики, юриспруденции и семиотики, юриспруденции и антропологии, лежащих в основании языкового, знаково-символического и аксиологического поворотов внутри самой юридической науки, меняющих ее традиционное место в общей системе социогуманитарного знания. Разработка теории структуры и динамики изменений практического языка правовых институтов и концептуального языка юриспруденции открывает возможность выявить и ввести в аналитическую повестку дня проблему синхронного и асинхронного сосуществования институциональной, концептуальной и языковой составляющих внутри самой правовой реальности. Кризис легитимности и права, и науки права [18] — в определяющей степени производная данного объективного несоответствия трех, языковой, институциональной и концептуальной, логик культурно-исторической эволюции права в их инерционном или опережающем формате развития. Данная постановка вопроса позволяет в общей структуре юридической науки формировать новое и актуальное для современных условий политико-правового развития исследовательское направление — юриспруденцию кризисов в системах социально-правового общения. Ее предмет — парадигмальные сдвиги правовых систем и смена гештальта или юридической картины мира в ее категориальных, ценностных и когнитивных основаниях и в их взаимных отношениях и определениях.

Теория и история юридической науки — это теория и история представлений о праве и порождаемых ими разнообразных форм права, структурной частью которых являются правовые доктрины и теории, правовые концепции и понятия, составляющие в совокупности юриспруденцию или совокупность знаний о праве и концептуальных форм их выражения и обозначения. Юриспруденция и есть ни что иное, как когнитивное проявление и продолжение правовой реальности, наряду с образующими ее нормами и ценностями, институтами и процедурами. Юриспруденция имеет свое собственное предметное содержание и свою собственную концептуальную форму, свой язык описания и объяснения различных практик и режимов социально-нормативного общения. Смещение теоретико-методологической рефлексии с традиционной постановки вопроса «*Что есть право, а что не есть право?*» и поиски ответа на вопрос «*Что есть наука права, а что не есть наука права?*» означает парадигмальный сдвиг в понимании собственного предмета юриспруденции. И, прежде всего, в понимании его сложной многоуровневой концептуальной структуры, предполагающей изучение знаниевых форм права и аналитического языка описания и объяснения социокультурной природы права и науки права. Разработка теории юридического языка рассуждения о праве в рамочных определениях классической и неклассической версий понимания права требует качественно иного видения предмета и аналитического инструментария самой юриспруденции, открытия и обозначения новых доктринальных оснований построения ее предметной и дисциплинарной структуры.

Разумеется, развитие юриспруденции или отдельных систем правовых знаний о фактах и нормах, ценностях и представлениях о должном или недолжном социальном порядке протекает в рамках наличного социо-политического и культурно-исторического контекста. Также очевидно, что базовые категории и понятия о праве заключают в своих конструкциях и определениях собственную историю юридической науки. Исторически система знаний о праве и форм их концептуализации образует сложную слоистую сегментарную структуру, включающую периферию и парадигмальное ядро, составляющее доктринальное основание формирования и воспроизводства различных систем юридических знаний. Его значение в самоопределении конкретно-исторических форм существования и развития юридической науки фундаментально. Содержание парадигмального ядра образуют когнитивные нормы, концептуальные стандарты и аналитические процедуры верификации и признания вырабатываемого юридического знания рамочным нормативным требованиям их производства и потребления той или иной исторической эпохи. С одной стороны, оно регулирует распределение когнитивных (познавательных) функций и позиций между общими элементами дисциплинарной матрицы — ее предметно-тематической и категориально-понятийной составляющими. С другой стороны, в зависимости от динамики изменений внешних и внутренних факторов инс-

титуционального и концептуального развития и преобразованиями в самой юридической науке меняется как структура внутри и междисциплинарных связей юридической науки, так и содержание, и состав ее аналитического языка, его собственной аксиоматики и догматики, лексики и семантики.

Язык права и язык науки права — это одновременно языки формы и содержания. Юридический язык в самом себе включает нормативные и концептуальные границы существования и выражения права, то есть его понимания, определения и институционализации. Культурно-историческая эволюция юридического языка в самой себе включает институциональную эволюцию права и концептуальную эволюцию науки права. В этом отношении симптоматично, что институциональная история развития права и концептуальная история развития науки права подчинены общей культурно-исторической логике преобразований в системах практического и теоретического юридического языка. Исторические эпохи развития и изменения юридического языка — это одновременно исторические эпохи изменения исторических форм регулирования практик социального общения и исторических форм их концептуализации. Любая состоявшаяся научная дисциплина — процесс и итог многовекторной концептуальной эволюции, в которой сосуществуют, наслаиваясь друг на друга, различные временные срезы ее становления и самоопределения в системе конкурирующих теорий, подходов и научных школ. Заклячая в себе, своей собственной структуре и языке, словах и значениях извилистую историю своего действительного и иллюзорного существования, сама наука становится предметом научной рефлексии — археологии социального знания, в своих исходных основаниях представленной в работах Мишеля Фуко [19; 20] и признанной научным сообществом исследовательской традицией [21; 22].

Отечественная юридическая наука в весьма ограниченной степени вписывается в современные тенденции и логики концептуального развития [23; 24; 25]. К сожалению, пребывая длительное время в изоляции от ключевых направлений их оформления и структурирования в основной части бытования своего исторического предмета, которая не связана потребностями международно-правового контекста общения [26], она продолжает жить в определениях формально-догматического подхода к праву, его аналитического языка и актуальной тематики. Преодоление сложившейся инерции научного развития [27] и практики механических заимствований идей и терминологии, выработанных в иных политико-правовых культурах понимания и отношения к праву в формате *актуальных* научных дискуссий и весьма скромной и несистемной переводческой активности зарубежной научных источников, не решает и не снимает накопленный груз возникающих юридических проблем. История концептуального развития без изменений и ностальгических воспоминаний о юридическом прошлом подошла к своему логическому концу [28]. Судьба Буриданова осла, по видимому, пока еще окончательно никого и ничему не научила, поскольку

унылая картина массового производства и оборота учебной юридической литературы, повторяющей когда-то аксиоматичные для своего времени правоположения [29; 30; 31; 32; 33; 34; 35]⁶ не прекращается, а напротив продолжает свое триумфальное шествие, несмотря на титанические усилия отдельных юридических школ и их представителей выйти из тени этатистско-легалистского наследия. Присутствие архаичного прошлого в настоящем, разумеется, всегда сохраняется, однако до поры до времени, которое, может просто закончиться без какой-либо перспективы наступления будущего.

Застывшая в себе классика и ее альтернативы

В литературе вопроса сложившееся состояние юриспруденции обозначено в качестве классической фазы концептуальной эволюции дисциплины. То есть завершенной в самой себе аксиоматической формы юридического знания, представленной системой необходимых и достаточных догматических правоположений, которые если и нуждаются в изменениях, но только в границах своих собственных санкционированных нормативных определений. Аналитическая реконструкция советской теории государства и права — занятие малопродуктивное. Одно и то же, об одном и том же на протяжении практически пятидесяти лет ее существования с известными новациями, в частности введения в оборот категорий «правоотношение» и «правосознание», открывших в дальнейшем перспективу социологического и аксиологического подходов в исследовании права. Предельно закрытые для изменений формальные и доктринальные основания дисциплины исключали собственно историю развития языка, предмета и структуры самой дисциплины, поскольку ее целевая функция заключалась не в объяснении явления государства и права и даже не в обосновании правомерности тех или иных политико-правовых решений. Марксистско-ленинская теория государства и права всегда позиционировала себя в качестве сферы рассуждений о власти в концептуальных границах установленных самой властью.

Вершина научного осмысления государственно-правовой реальности в исторической логике ее формационных изменений — издание в начале 1970-х годов четырехтомного фундаментального курса теории государства и права. Оно выражало главное интеллектуальное достижение эпохи — развернутое изложение общих предметных и инструментальных оснований научной дисциплины [36]. Поскольку определение понятия права в определениях понятия государства изначально заключало в себе идею доминирования института государства в процессах правообразования, теория государства сохраняла в этой аналитической конструкции роль концептуального ядра

⁶ Это — вершины советского позитивизма. Сегодня общий кризис отечественного правосознания выражается в появлении таких новых жанров юридического знания, как теория права в вопросах и ответах и шпаргалках, заполнивших рынок так называемых образовательных услуг. Промысел, судя по всему, приносит приличный доход. Это, конечно, еще не конец юридического света, но очевидный симптом наступления юридической тьмы.

дисциплины. В учебном варианте данное положение нашло отражение и в ее формальной структуре. В принятой дисциплинарной схеме теория государства всегда предшествовала теории права. Вопрос междисциплинарных связей в системе юридических наук, а также различных форм организации и построения юридического знания был представлен в элементарной форме энциклопедии права. Механическое совмещение философии позитивного права, нормативной теории государства и права и социологии права [37; 38; 39; 40] фактически и было первоначальным вариантом реализации интегративного подхода в изучении государства и права.

Постановка проблемы аналитической разработки самой юриспруденции в качестве предмета научной рефлексии, понимания не только познавательной, но и конститутивной роли юридического знания в формировании правовых институтов, а также влияния знаниевых форм права, то есть форм рефлексивности на процессы правообразования и правоприменения, постепенно входила в исследовательское поле юридической науки⁷. Изучение концептуальной эволюции юриспруденции имеет не только теоретическое значение, но также и практические последствия. Правовая реальность той или иной исторической эпохи своего существования и выражения есть итог одновременно и концептуальной, и институциональной эволюции. Конструкции институтов и определения понятий не существуют сами по себе. Правовые понятия лежат в основании институтов. Правовые институты заключают в себе свои определения. И правовые понятия, и правовые институты существуют и выражают себя на юридическом языке своей эпохи. Эволюция юридического языка в самой себе включает и эволюцию представлений о праве (исторических процессов концептуализации права), и эволюцию правовых институтов (исторических процессов институционализации права).

Язык формально-догматической юриспруденции в своем классическом определении понятия права особое внимание акцентирует на таком правообразующем свойстве права, как принудительность. Это нормативный маркер наличия или отсутствия права в собственном догматическом смысле определения его понятия⁸. Квалификация установленных правил

⁷ В весьма краткой и емкой формуле это положение высказал П. Бурдьё — «Наука о праве ...обособляется от юридической науки, принимая ее за предмет своего изучения» [41, с. 75]. Различение понятий наука права, юридическая наука, юриспруденция, правоведение, юридическая теория, наука о юридической науке, метатеория или теория теории и множество других конструкций понятийного и языкового разнообразия аналитического словаря дисциплины нуждается в более глубокой проработке и составляет ее собственное проблемное поле. В этом отношении несомненным событием является перевод и издание курса лекций в Коллеж де Франс П. Бурдьё «О государстве» в 2017 году, являющегося фундаментальным введением в теорию и методологию языка современного государствоведения.

⁸ Подобный социокультурный метаморфоз в литературном процессе сформулирован И. Пешковым: «то, что было признаком поэтики особого этапа, становится знаком этого этапа» [42, с. 438]. Данную конструкцию можно также распространить и на право. То, что было признаком права особого этапа, становится знаком этого этапа. Практики нормативного общения, безотносительно сфер социальных коммуникаций (экономических и политических) представляют, в конечном счете, обмен знаками — языками, символами и ценностями. Право и литература — категории общей языковой реаль-

как правовых форм юридической организации и регулирования социальных отношений самым непосредственным образом привязана к их аналитическим определениям. В терминах данного подхода законность всегда формальна и подобно невинности она либо есть, либо ее нет. Хотя все зависит от степени нормативности критериев оценки того или иного состояния фактического, которые, в свою очередь, являются производными социокультуры своего времени и места. То есть подвижны в своих юридических определениях и квалификациях в широком диапазоне возможных правовых последствий.

Институциональным выражением аналитики принудительности права является формирование в общей системе правовых категорий института юридической ответственности, составляющего нормативное ядро правовой системы, выстроенной в логике заключенного в ней понимания права. Именно в этом смысле право таково, каково представление о праве, развернутое в системе его определений, понятий и институтов. Другие конститутивные признаки позитивистской версии понимания права как общеобязательности и формальной определенности также имеют свое институциональное продолжение. Однако оно, в отличие от принудительности права, имеет более размытое материально-правовое и процедурное выражение, то есть, — скорее, доктринальное и декларативное значение. Нормативный статус данных характеристик права, лежащих в основании его догматического определения, обладает пониженным уровнем своей нормативности и юридической квалификации, что подтверждает простой факт. Право — это также и политический институт, действие которого определяется широким культурно-историческим контекстом его существования и развития. Изучение предпочтений одних языков описания и объяснения феноменов государства и права другим языкам, — предмет политической юриспруденции и социологии права, открывающих современную концептуальную перспективу в изучении государственно-правовых институтов. Институциональная теория права — это, прежде всего, история и теория процесса его концептуализации, который является также и историческим процессом⁹. Действительная история институтов и есть история представлений, заклю-

ности. Закономерности их бытования имеют общую коммуникативную и когнитивную природу. По существу, семиотическое прочтение признака *принудительности* (нормативности) права имеет уже делящуюся концептуальную традицию на материалах коммуникативной и когнитивной теории языка. Семиотика социально-правовых контактов и обменов органичная часть предмета и методов интегративной юриспруденции.

⁹ См.: Проблема доминирования волевой и принудительной нормативности права, детально проработанная в этатистской версии правопонимания, была преодолена в рамках альтернативной концепции ценностной нормативности, разработанной Лоном Фуллером в работе «Мораль права» [43, с. 227–234]. Ее современное терминологическое прочтение в рамочных метафорических определениях, см: [26; 44]. Изучение взаимозависимости процессов концептуализации и институционализации правовых категорий в различных правовых традициях понимания права, в различных правовых системах современного мира и в различных социокультурных контекстах своего воспроизводства, открывает новую аналитическую перспективу развития правоведения, прежде всего, компаративистики.

ченных в правосознании своей эпохи и развернутых в основополагающих текстах социокультуры своего времени и места.

Парадигмальный сдвиг в развитии отечественной юридической науки связан с именем В.С. Нерсесянца, основоположником либертарно-юридической теории права, знаменитая статья которого заложила новые теоретико-методологические основания в изучении и понимании права [6; 45; 46; 47]. Предложенная версия правопонимания радикально переопределяла онтологию взаимных отношений институтов государства и права [48], гносеологию междисциплинарных связей теории государства и теории права [49; 50] и, самое главное, аксиологию юридической организации социальных институтов [51]. Движение от юриспруденции норм и формальных понятий к юриспруденции интересов и ценностей составило собственную концептуальную фазу и традицию в эволюции юридической науки. Юриспруденция Нерсесянца составила эпоху в развитии теоретического правоведения. Ее значение не только и не столько в формировании новой аналитики и юридической школы со своей идеологией и языком рассуждения о праве. Любые новации когда-то становятся архаикой. История либертарно-юридической теории — это история становления критического дискурса в юриспруденции, без чего по определению не может быть науки как таковой. Это — и история его умирания, поскольку любая концептуальная война, отягощенная собственной идеологией, кончается тем, с чего она начинается — приходом другой, воюющей за собственное доминирование дискурса-концепции, всегда неполной и открытой переопределению.

Борьба за либертарное представление о праве в его взаимоотношениях с бюрократическим государством¹⁰ радикально преобразовала дисциплинарный ландшафт юридической науки в целом, вызвав появление целого спектра исследовательских подходов и направлений как внутри дисциплины, так и в ее взаимодействии с другими социальными и политическими науками. Юриспруденция начала выходить из тени собственной догматической традиции, импульс которому был задан еще в досоветский период ее развития, хладнокровно раздавленный в буквальном смысле советской доктриной и

¹⁰ Базовый концепт эпохи выражен в весьма лапидарной, но, тем не менее, точной формуле — «Право — это язык, на котором государство разговаривает с народом» [52, с. 316] К сожалению, автор не расширил свое понимание предмета, поскольку не затронул вопрос языка, на котором народ разговаривает с государством. А жаль, поскольку именно здесь и заключена сущность права. Позитивизм во всех своих юридических редакциях (этатизм, легализм, нормативизм, аналитическая юриспруденция и т.п.) не настолько наивен, чтобы не видеть ограниченный, утилитарный, рутинный и идеологически мотивированный смысл своего понятия права. В качестве компенсации скудности своего концептуального языка активно используются приемы риторических суждений о том, чего нет, но что должно быть и прячется за сухими формулами-предписаниями юридического текста. Риторика, как, впрочем, и пустая метафизика, поддерживающие систему наличной государственной иерархии, призваны возвысить юридическую прозу повседневной жизни до уровня правовой поэзии принципов и гарантий всевозможных благ, скрывающих простой эмпирический факт. За формальным юридическим текстом нет никакой иной социальной реальности, кроме реальности самого текста и определяющего его содержание, лексику и семантику доминирующего интереса. В этом смысле, *позитивное* означает всего лишь господствующее политическое или санкционированный наличной властью дискурс.

практикой государственно-правового строительства собственных институтов власти, собственности и управления¹¹. Проблемно-тематический поворот в юриспруденции имел свое логическое продолжение в качественном обновлении дисциплинарной структуры самой юридической науки, связанное с новым пониманием культурно-исторической природы права и становлением таких разделов научной рефлексии как антропология права [56; 57], сравнительное правоведение [58; 59; 60], социология права [61; 62], коммуникативная теория права [63; 64]. В известном отношении этот процесс был вызван широкой переводческой активностью зарубежных научных источников, которая была органично вписана в новые условия открывшихся контактов с коллегами по юридическому цеху [65; 66; 67; 68; 69; 70].

Оценивая подобную деятельность положительно, нельзя не отметить ее существенный недостаток, заключающийся в отсутствии институционально организованных форм научной коммуникации. Между написанием и изданием той или иной научной работы того или иного автора, ее переводом и последующим изданием зачастую лежал столь значительный лаг времени, что означало фактически введение в научный оборот уже утративших свою актуальность и проблематичность текстов¹². Очень редко первоначальная публикация на языке оригинала и ее перевод синхронизированы в приемлемых временных и предметных границах. Но, тем не менее, заграничный «крот» истории медленно, зигзагообразно и с известными отклонениями от курса делал свое дело, итогом которого в развитии отечественной юриспруденции стало рождение концептуального левиафана по имени «постюриспруденция» или категориально-понятийной формы права эпохи постмодерна — эпохи текучей современности в определениях Зигмунта Баумана [71]. Поэтому, прежде чем завершить это пространное введение о явлении неизвестно чего, от неизвестно кого, надо познакомиться с его действительными родителями и узнать, с каким посланием *urbi et orbi* они отправили в интеллектуальное путешествие своего ребенка и что от него можно ожидать в плане созидания или разрушения того, что называется онтология, феноменология, аксиология и эпистемология права. Для отечественной юридической науки адекватный ответ на этот концептуальный вызов имеет принципиальное

¹¹ Наука, как и любое живое явление — предмет культурной биологии и традиции. Мартиролог текстов отправленных в небытие, откуда, если что-то и возвращается, но только при условии сохранения самих текстов, востребованных, либо культурной памятью, либо для написания историографических обзоров, либо просто по факту своего джлящегося концептуального существования. Их аналитическая биография и судьба закрыты обстоятельствами темного времени [53, 54, 55].

¹² См., например, тексты и дискуссионные материалы, опубликованные в лучшем на сегодняшний день, на мой взгляд, издательском проекте «Российский ежегодник теории права»: № 1. 2008 / под ред. Полякова А.В. СПб., 2009; № 2. 2009 / под ред. Полякова А.В. СПб., 2011; № 3. 2010 / под ред. Полякова А.В. СПб., 2011; № 4. 2011 / под ред. Полякова А.В. СПб., 2012. Как всегда, на регулярное опубликование современной научной литературы и введение в научный оборот новых идей и концепций весьма ограниченными ресурсами располагают именно неформальные юридические коллективы, которые демонстрируют самый высокий уровень научных разработок. Таким объединением сегодня, несомненно, является Петербургская юридическая школа.

значение. Он предполагает развернутый ответ на вопрос соответствия или несоответствия проблематики и языка формально-догматического подхода к праву [27; 72; 73; 74] все еще сохраняющего доминирующее положение в системе отраслевых юридических наук, современным тенденциям в развитии самой юриспруденции, ее предмета, дисциплинарной структуры и аналитического языка.

Концептуальный трансфер или постюриспруденция

Логически приставка *post* означает явление *нечто* после всего того, что и как имело место в процессе развития той или иной категории, института и предмета. Для права это означает фазовое состояние в развитии правовой реальности, предполагающее радикальный переход от наличных форм юридического существования к формам, отрицающим ранее сложившиеся и устоявшиеся практики, что связано с изменениями в самой юридической науке, осмысляющей подобные трансформации, прежде всего в самой себе, в границах своего юридического языка. Язык постюриспруденции — это язык новых, сложных и текучих трансграничных отношений и институтов, открытых изменениям за рамками сложившихся стандартных форм и процедур производства юридического знания, его концептуализации и институционализации. Процесс концептуализации научного знания связан с двумя аспектами его сборки в общую систему. Во-первых, с процессами ее сегментации на отдельные дисциплинарные комплексы, характеризующимися простыми и сложными отношениями между отдельными дисциплинами. И, во-вторых, с процессами выделения внутри отдельных дисциплин или их комплексов концептуальных ядер, обеспечивающих наличие и поддержание на определенном аналитическом уровне их собственного исследовательского языка, его инструментария, включающего основные категории и понятия дисциплины, ее проблематику и правила или эпистемологические критерии и стандарты оценки достоверности и обоснованности получаемых знаний.

Для эпохи классической юриспруденции характерна жесткая дисциплинарная матрица ее развития и воспроизводства, в значительной мере определяемая внешними социально-политическими и доктринальными практиками, лежащими за рамками этоса самой науки или того или иного научного сообщества. Для эпохи неклассической юриспруденции, составной частью фазовой эволюции которой является постюриспруденция, характерно появление размытых и эластичных дисциплинарных зон и структур, подчиняемых в своем движении собственным правилам концептуальной организации юридического знания с режимами внутреннего саморегулирования и воспроизводства. По существу, речь может идти о двух базовых моделях институционализации юридической науки, представленной административной и либеральной концепцией организации ее развития и воспроизводства.

Это идеальные типы, различающие автономные саморегулируемые исследовательские практики, представленные системой неписаных правил, и практики, построенные на принципах внешнего управления в рамках универсальных и унифицированных письменных правил и процедур, посредством которых происходит отбор приемлемых для внешнего заказчика научных концепций и теорий. В действительности имеет место определенный баланс между этими двумя подходами в понимании природы знаниевых форм существования и развития юридической науки — научной репутацией и административным предписанием, динамика взаимных отношений между которыми зависит от типа социокультуры того или иного общества, открытого или закрытого, демократического или авторитарного, что подтверждает известный социологический факт. Социогуманитарное знание в целом и юридическое знание, особенно, в различных формах его выражения и трансляции, — это не только представления о должном порядке, но также и социальный институт, обладающий собственной когнитивной и социокультурной нормативностью, обеспечивающий порядок внутри самой системы юридических знаний и в ее взаимодействии с другими социальными и политическими институтами.

В этом аспекте понимания природы постюриспруденции как особой формы социокультурной рефлексии и процесса легитимации или делегитимации систем юридических знаний, выстроенных в логике различных культурно-исторических оснований своего признания или отрицания, является фундаментальной темой и проблемой. Ее теоретическая разработка составляет одну из самых актуальных задач современной фазы концептуальной эволюции юридической науки [18, с. 256–275]. Проблемы постюриспруденции — это проблемы, прежде всего, самой постюриспруденции. И заключены они в вопросе соционормативных и культурно-исторических оснований процесса формирования данной фазы институционального и концептуального развития. Это состояние и логический итог исчерпанности ресурсов прежних практик юридического развития или открытие новой перспективы преодоления этатистской версии понимания права и условие радикальных преобразований институциональной и концептуальной логик осмысления и функционирования существующих институтов. Что можно ожидать от юридического будущего в ситуации, когда диагностика кризиса производится в терминах языка, породившего кризис? Можно ли описать данное явление в терминах концепта «Куновской революции» смены парадигм [75]? Можно ли перенести на процессы трансформации правовых систем идеи генеративной грамматики языка Ноама Хомского и рассматривать протекающие внутри правовых систем процессы как проявления генеративной грамматики права, выраженной в правилах порождения, трансформации и признания альтернативных языков описания и объяснения права [76]? Чем определяются границы институциональных и концептуальных изменений юриспруденции — социальными и когнитивными

правилами или грамматикой самого правопорядка, — вопрос риторический. Грамматика правопорядка — комплексная категория. Это система правил институционализации и система правил концептуализации права в рамочных определениях и границах юридического языка своей социокультуры и ее этоса. И здесь существенно понимание фундаментальных различий линейной (инерционной) и циклической (генеративной) грамматики правопорядка, грамматики минимальных или имитационных и грамматики парадигмальных или структурных изменений в системах юридической организации социальных отношений. Грамматика воспроизводства прежнего правопорядка, его пролонгации или грамматика его преодоления и преобразования, грамматика авторитета, традиции и социальной иерархии или грамматика консенсуса, конвенций и социальных лифтов.

Новая правовая реальность с ее собственным практическим и теоретическим языком описания и объяснения процесса перехода возникает в пространстве социокультуры с накопленными в нем разнонаправленными практиками, настроениями и переживаниями ожидания прихода «мессии» с его символами грядущего светлого юридического будущего и способного предложить нечто удобоваримое и усваиваемое правосознанием кризисной эпохи. Как всегда носители нового символа веры рядом, надо лишь в него поверить, совместив идею *генеративной грамматики языка* Хомского с *юридическим концептом действительности* Гаджиева. Их объединяет фундаментальное основание социальной реальности — ее языковая и юридическая составляющие общего механизма социальной коммуникации. Исторические формы существования языка и права являются выражением органической нормативности социального порядка как такового, в самом себе заключающего все разнообразие будущих языковых и юридических практик социального общения. Право генетически задано процессами социального общения. Также генетически задана способность осмыслять данные процессы в терминах должного или недолжного социального порядка как правопорядка. Явление — права производная социальных коммуникаций, осмысляемых на языке социокультуры своей исторической эпохи. Язык права и есть язык социальной коммуникации, чье существование, развитие и воспроизводство определяется нормативной грамматикой социального порядка¹³.

¹³ Актуальность постановки вопроса социокультурной природы юридического языка и его концептуальная разработка за рамками формально-догматической интерпретации языковых конструкций и определений позволяет свернуть с проторенной дорожки отечественной традиции юридино-технического (инструментального) понимания языка права. Юридический язык в терминах генеративной грамматики социального порядка составляет основание, прежде всего, процессов правообразования и правопонимания. Правоприменение и толкование норм права, — всего лишь моменты его действительного существования. Догматическая трактовка права фактически и, по существу, не видит и не хочет видеть другой правовой реальности, кроме формально-логически и грамматически организованного языка официального письменного текста [77]. Доверие государства формально-догматическому правопониманию объясняется заблуждением, что постоянно редактируя тексты нормативно-правовых актов, можно редактировать и санкционированную ими реальность. Действительное право заключено в самой социальной реальности. Государство может лишь категоризировать и формализовать социаль-

При всем разнообразии подходов в понимании нормативной природы права, — классический позитивизм, неклассические версии понимания права (культурно-историческая юриспруденция, естественно-правовая доктрина, либертарно-юридическая теория) и постюриспруденция (феноменология, правовая герменевтика, синергетика), — государственный позитивизм продолжает благополучно жить, не обращая внимания на свой преклонный возраст и реанимируя себя в концепции дуальной природы права, сочетающей естественно-правовые (ценностные) и формально-правовые (догматические) определения. Все остальные конструкции, концепции и перцепции либо ушли в историческое небытие, либо продолжают грезить концептуальным реваншем. Для отечественной юридической науки квалификация и обозначение ее современного состояния как постюриспруденция весьма проблематична, поскольку никаких глубоких институциональных и структурных бифуркаций в праве и в доктринальных, и концептуальных основаниях дисциплины не происходит. Хотя социокультурный контекст и когнитивный запрос на изменения в понимании природы права, его языка и дискурса ощущается повсеместно [18; 25; 78; 79; 80; 81; 82]. Узок круг разрушителей установленного концептуального порядка. Начало положено, но пока ему не видно конца. Объясняется это, видимо, весьма значительным по своему воздействию на открывающиеся возможности эпистемологических изменений историческим обстоятельством. А именно, особенностью нашей культуры консервативного восприятия действительности и формального включения в ее аналитический словарь заимствованных слов, при отсутствии описываемой ими фактической реальности, то есть означающего без означаемого.

Слова формируют и меняют наличную реальность, если сама реальность готова и способна их адекватно понимать и воспринимать. Процессы ее категоризации, концептуализации и институционализации протекают в исторической логике социокультуры своего времени. А это уже тема и проблема правосознания не столько отдельных носителей перемен, а общества в целом как адресата одновременно и социокультуры традиции, и социокультуры развития. Постюриспруденция — явление и продукт не только глобализации и унификации социального порядка, а, скорее, общего кризиса онтологических, аксиологических и эпистемологических оснований в системах социального общения современной эпохи. Язык юриспруденции либо открывает, либо закрывает вход в новый меняющийся на глазах мир. Как мы справимся с этим соционормативным вызовом, так и будет. Ресурсы развития юридической науки, ее дисциплинарной структуры и

ные отношения, исходя из своего адекватного или неадекватного понимания внутренней нормативной логики функционирования наличной сети социальных коммуникаций. Социальные институты сами в себе заключают юридические порядки собственной организации. Юридическое начало имманентно социальным отношениям и предполагает возможность сосуществования различных формальных и неформальных техник и практик их нормативной регуляции.

языка заключены в накопленном, нерастроченном и не девальвированном символическом капитале идей и ценностей юридических картин мира, устанавливающих ментальные, когнитивные и эпистемологические основания и границы преобразований наличных соционормативных систем. Идея культурного капитала [83], высказанная П. Бурдьё еще в 1983 году, востребована отечественной юридической наукой эпохи перемен, нуждающейся в качественном обновлении своего словаря, способного уловить, понять и адекватно выразить новые потребности и условия собственного развития. Введение в юридический анализ пограничных аналитических единиц, имеющих собственную инструментальную биографию и традицию использования в других областях научного знания и позволяющих капитально расширить предмет и понимание природы права, представляется существенно значимым моментом преодоления концептуальной инерции классического юридического языка¹⁴.

Дисциплинарный кластер

Дисциплинарная структура юридической науки складывается в рамках юридических картин мира своей исторической эпохи и определяется принадлежностью к той или иной культуре понимания права, фиксирующей ее ключевые категории и понятия. Каждый акт социального общения в различных системах социокультурных координат наполнен собственным символическим смыслом и практическим значением. Аналогично историческим эпохам существования права — права до права (социоприродного права), классического (*формального*) права и права после права или пост-права (*права трансграничных коммуникаций*), можно также рассматривать

¹⁴ Достаточно полная иллюстрация непрерывной традиции переопределения базовых единиц научного анализа представлена в социологической теории, начиная с элементарных понятий дисциплины и завершая современным состоянием ее концептуальной эволюции. См.: Вебер М. Основные понятия социологии // Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М., 2006. С. 453–482; Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. Меняющийся контекст социальных отношений постоянно требует внимания к наличной номенклатуре используемых понятий, позволяющих социологически осмыслять явления общественной жизни, составляющих предмет социологии на адекватном предмету дисциплины языке. См.: Джонсон Т., Дандекер К., Эшуорт К. Теоретическая социология: условия фрагментации и единства. — Thesis. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Том 1. Вып. 1; Гидденс Энтони, Саттон Ф. Основные понятия в социологии. М., 2018. В постреволюционной юриспруденции опыт такого анализа представлен в статье отечественного правоведа Тимашева Н.С. «Фундаментальные социологические концепты», опубликованной в *American Journal of Sociology?* Vol. 58. № 2 в 1952 году. (Тимашев Н.С. Методологические работы 1920–30 годы. М., 2010. С. 53–75).

Общая схема изучения категориального и понятийного языка социологии включала такие структурные элементы как рабочее определение понятий и анализ происхождения, текущие значения и интерпретации, критические замечания и срез сохраняющейся актуальности аналитических единиц. Количественные и качественные изменения в базовом языке дисциплины в диахроническом аспекте его существования и выражения позволили обнаружить, описать и объяснить культурные и концептуальные различия отдельных практик социального общения. То есть выявить ключевые термины эпохи, устанавливающие аналитические границы их исследования. К сожалению, подобные научные проекты в юриспруденции не нашли своего системного, предметного и методического воплощения и приложения.

и эпохи формирования и существования науки права — юриспруденции до юриспруденции, классической юриспруденции и постклассической юриспруденции. Каждая эпоха существования права и науки права является выражением юридического концепта действительности своего исторического места и времени, представленного в определениях языка своей социокультуры — языка мифоритуальной, религиозно-символической и рационально-логической общей юридической грамматики права и науки права, порождающей тот или иной конкретно-исторический, нормативный и концептуальный формат права и науки права. Языкам определений и понятий права корреспондируют языки правил и институтов права, объединяемые общей историей своего становления, генезиса и развития. Это — две стороны общей правовой реальности — концептуальной и институциональной, движение которой подчинено собственной внутренней генеративной логике процессов ее концептуализации и институционализации.

Эволюция концептуальной структуры науки права и институциональной структуры права протекает в их взаимных отношениях и взаимовлияниях из одной юридической формы в другую и составляет предмет интегративной юриспруденции. Не вполне корректно связывать появление данного формата существования юридического знания только с современным состоянием развития юридической науки. Каждой эпохе осмысления права соответствует свой формат интеграции наличного юридического знания в определенные дисциплинарные комплексы. Каждой эпохе организации системы представлений о праве отвечает своя дисциплинарная структура, которая характеризуется своим составом элементов и связей, то есть имеет свой дисциплинарный кластер, в рамках которого протекает процесс осмысления правовой реальности в терминах и определениях языка ее исторической эпохи. Дисциплинарный кластер юридической науки каждой исторической эпохи аккумулирует в себе ее юридическое наследие, составляющее накопленный правовой капитал будущего в развитии языка права, и языка науки права. Историческая семантика и поэтика сакрального, религиозного и понятийного языка выражения и осмысления права, жанрово-тематические формы репрезентации юридических текстов, генерации терминологии и грамматики юридических дискурсов составляют новое проблемное юриспруденции. Лингвистический культурно-исторический поворот в юриспруденции еще тихо дремлет и ждет своего часа [84; 85]. Правовые системы типологически различные в своей онтологии (*категориях*), аксиологии (*ценностях*) и эпистемологии (*концептах*), входя в эпоху постмодерна, нуждаются в глубокой трансформации официального кодифицированного языка и дискурса.

Генеалогия бытия права и науки права предметно, содержательно и формально может быть представлена в истории становления и развития именно дисциплинарной структуры интегративной юриспруденции. Исследования, ведущиеся в рамках данного формата правоведения, предполагают совме-

щение как синхронического, так и диахронического аспектов и измерений существования и выражения науки права. Следует четко представлять исторический контекст эволюции дисциплинарной структуры юридической науки, поскольку различные подходы в понимании природы права и определении его понятия в значительной мере являются функцией языка его социокультуры, в рамочной аксиологии и эпистемологии которой изучаются конкретно-исторические типы отдельных правовых систем. Правовые системы, по существу, и являются выражением исторической эволюции грамматики правопорядков, совмещающих правила юридической организации социальных отношений (в системе наличных источников права и правовых институтов) и правила их осмысления, понимания, описания и объяснения (в системе наличных правовых доктрин и правовых знаний). В этом аспекте понимания концептуального статуса и дисциплинарной структуры интегративной юриспруденции ее общим предметом является нормативная и аналитическая грамматика правопорядка, на пересечении которых складывается ее общее понятийное ядро — язык интегративной теории права.

Составные элементы интегративной теории права могут быть аналитически представлены в определениях ее предмета и методов, научного языка дисциплины, его базовых категорий и понятий, а также междисциплинарных связей в общей системе социогуманитарного знания, в совокупности дающих логически достаточно полное представление о структуре и истории становления и развития самой дисциплины. Опыт концептуальной разработки самих научных дисциплин в исторической логике смены и заимствований знаниевых форм и форм рефлексии имеет собственную традицию и весьма подробно разрабатывается отдельными направлениями зарубежной исторической эпистемологии [22; 86; 87]. Для отечественной юриспруденции здесь открывается широкая перспектива в изучении концептуальной эволюции дисциплины, существенно обогащающей не только ее предметные и методологические основания, но также, и прежде всего, социокультурные, ментальные и когнитивные различия юридических картин мира в практиках восприятия, понимания, оценки и объяснения правовой действительности, ее цивилизационное измерение.

Право — не физическая реальность, хотя включает в себя учреждения, институты и процедуры законодательной, исполнительной и судебной власти. Право — метафизическая реальность. Ее нельзя потрогать руками. Ее можно коснуться только сознанием, через восприятие, переживание и осмысление в образах, мифах, представлениях и понятиях. Это субъективно-ориентированная онтология нормативно-должного, выраженная в топиках коллективного или индивидуального социального поведения. Право — своего рода юридический текст, одновременно концепт и конструкт — ментальное представление о должном и нормативная конструкция должного. Историческая эволюция права является выражением эволюции юридических

картин мира, смены гештальта эпохи или мировоззрения определенного исторического (культурного) *времени* и определенного исторического (культурного) *пространства*. Юридические картины мира лежат в основании конституирования систем правовых институтов и систем юридических знаний. Связь данных проявлений общей правовой реальности онтологически задана. Влияние правовых институтов на развитие юридических знаний (их содержания и структуры) и юридических знаний на развитие правовых институтов (их содержания и структуры) подтверждается исторической практикой функционирования типологически различных правовых систем.

Социокультурный контекст и механизм превращения или перехода знания о праве в правовые институты составляет ключевую тему современной юриспруденции. Отсюда собственно и проистекает то, что составляет предмет феноменологии права или права в восприятии и переживании права, аксиологии права или права в отношении и оценках права, эпистемологии права или права в определениях, теориях и концепциях. Феноменология, аксиология и эпистемология права это ментальное и когнитивное измерения существования права, выражение его онтологии. Онтология права или бытие права обнаруживает себя в двух модусах своего существования, внешнего бытия права и внутреннего бытия права, глубинной концептуальной реальности и поверхностной институциональной реальности. Явление права существует в определениях эмпирического языка права (*конструкциях*) и определениях концептуального языка права (*представлениях*). Язык, на котором говорят и рассуждают о праве, уже в самом себе заключает то, что мы мыслим о праве, то, как мы мыслим о праве, и то, что мы знаем и можем узнать о праве. То есть предмет рассуждения, способ рассуждения и результат рассуждения о праве. Иначе говоря, еще до того как мы начали размышлять о явлении права, границы его определений уже заданы и очерчены самим языком. В этом плане, правовая реальность, которая прячется в явлении права фактически и по существу — функция языка, его словаря и терминологии, и его грамматики, правил и процедур рассуждения. Все аспекты существования и выражения права в буквальном смысле связаны языком социально-правового общения и осмысления права¹⁵. Явление права существует и воспроизводит себя на языке социокультуры своей эпохи или ее нормативной и концептуальной грамматики. Юридическая грамматика или грамматика правопорядка формирует сложный, многоуровневый и многосоставной ансамбль возможных юридических практик, обеспечивающих

¹⁵ Язык права сущностен, то есть он возникает в онтологии права на пересечении объективных и субъективных оснований социального общения или когнитивной и коммуникативной составляющих социальной коммуникации. Право живет в сознании. Сознание формирует право в рамочных значениях (семантике) языка социокультуры своего времени. Общая грамматика правопорядка заключает в себе одновременно и правила мышления, и правила поведения. Проблема генезиса и взаимодействия когнитивной и коммуникативной грамматик правопорядка — предмет и тема интегративной теории права в двух логиках ее аналитического построения и определения — когнитивной теории языка права и коммуникативной теории языка права.

организацию социальных отношений в их нормативных конструкциях и определениях. Аналитический язык, на котором рассуждают о праве, обладает концептуальной нормативностью, устанавливающей границы понимания и определения права.

Постановка вопроса концептуального статуса и дисциплинарной структуры юриспруденции в социокультурном и междисциплинарном контекстах ее развития выражает разные аспекты проблематизации ее предмета и методов, соответственно, проблемы, связанные с изучением феноменологических и аксиологических оснований структуризации науки права и проблемы, связанные с изучением когнитивных и эпистемологических оснований структуризации науки права. Не касаясь всего разнообразия основных тенденций и векторов развития юриспруденции можно выделить следующие четыре фазы и схемы ее концептуальной структуризации в целом: формально-догматическую, реалистическую, культурно-историческую и собственно эпистемологическую. Перечисленные форматы построения юриспруденции в различных модусах их научно-практического выражения, как классического, так и неклассического, в конечном счете воспроизводят культурно-исторические логики эволюции самой дисциплины. Безотносительно чего бы то ни было, в основании этих процессов лежат парадигмальные сдвиги в практиках социального общения и, соответственно, языка и дискурса (*словаре и аргументации*) новой эпохи. Именно эти составляющие права — юридический язык и юридический дискурс образуют собственный предмет теории права, эпистемологию права. Эпистемология права и есть общая теория права в ее собственном смысле данного понятия, то есть, теория, предметом которой является сама теория.

Исторически первый формат юриспруденции включал в свою дисциплинарную систему философию права, историю государства и права и историю политических и правовых учений. Аналитический язык составлял четко структурированный круг понятий и догматических правоположений. В данном дисциплинарном контексте аналитика исследования права сосредоточена, главным образом, в определениях формальной теории и доктринальной истории права. Она сохраняет свое аналитическое значение, поскольку ее содержание образует предметный и категориальный фундамент юридической науки и составляет правовое наследие юриспруденции в целом¹⁶. Второй формат концептуальной эволюции теории права в орбиту своего внимания включил проблематику юридических дисфункций, определяемые влиянием социальных и политических факторов в практиках правоприменения и вызывающих отклонения системы установленного права и фактически

¹⁶ Классика жанра в отечественной юриспруденции представлена трудами Г. Шершеневича, И. Ильина, Н. Алексева, Е. Трубецкого, Ф. Тарановского. Это, действительно, гвардия отечественной юриспруденции, задвинутая в тень чужой советской истории. К сожалению, академические и университетские традиции «допереворотной» культуры научного общения утрачены и, видимо, навсегда. Сегодня в нашем распоряжении — сплошные «инновации», «менеджеры» от науки и продавцы воздуха.

действующего. Язык социологически ориентированной юриспруденции внес существенный вклад в исследование реальной практики юридической организации социальных отношений.

Новый этап в развитии теоретической юриспруденции был связан с пониманием роли историко-генетических и социокультурных оснований в процессах правообразования и эволюции правовых систем. Дисциплинарная структура юриспруденции пополнилась такими новыми направлениями концептуализации права, как правовая этнография, антропология и психология правовых институтов. Антропологическая ориентация юридической науки сыграла важную роль в понимании социогуманитарной природы права. В рамочных определениях языка культурно-исторической юриспруденции нашло свое предметное выражение человеческое измерение правовой реальности, как в ее феноменологии, так и в ее аксиологии. Четвертая фаза парадигмальных изменений в общем корпусе юридической науки, терминологически обозначаемая как постюриспруденция, связана и определяется общим кризисом онтологических оснований права и современного правопонимания. Потребность в преобразовании концептуального языка описания и объяснения новых тенденций в практиках юридической организации социальных отношений вылилась в критику теоретического инструментария юридической науки, его способности быть адекватным меняющимся условиям правового развития.

Понимание того, что эволюция права, это также эволюция форм и систем знаний о праве, их структуры и содержания, категориального и понятийного аппарата, под другим углом зрения выявило проблему предмета теоретической юриспруденции. Наука права — культурно-исторический феномен. Наука права, также как и право, — функция или производная исторического времени и пространства. Юриспруденция воспроизводит себя в системе меняющихся концептуальных и эпистемологических координат. Концептуальная эволюция, также как и институциональная эволюция, имеет собственную логику изменений, выраженную в таких фазовых преобразованиях систем юридических знаний, как донаучная, переходная и собственно научная (понятийная) фаза в развитии знаниевых форм рефлексивности, его аналитического языка. Фазовые переходы и изменения носят не линейный, а циклический характер. Все возвращается на круги своя, если не думать о будущем. Процесс концептуализации права связан с процессами дифференциации и интеграции знаний о праве, консервацией или формированием новой дисциплинарной структуры. Индикатором перемен являются изменения в содержании и структуре связей в системе общих и отраслевых юридических наук, сохранением закрытых и появлением новых, открытых предметных сфер в изучении права и науки права.

Процесс смены теоретико-методологических подходов в понимании природы, форм существования и выражения права, то есть ментальных, когнитивных и концептуальных оснований права получил логическое отображение

в появлении в составе юридической науки таких дисциплинарных областей как правовая лингвистика (поэтика и семиотика), правовая герменевтика, сравнительная юриспруденция. Предмет сравнительной юриспруденции, в отличие от предмета сравнительного права, акцентирующего внимание на сопоставлении правовых институтов, лежит в плоскости сравнения языков описания и объяснения различных правовых систем. Ее аналитическая повестка включает изучение культурно-исторических оснований обменов и заимствований языков права и науки права, жанровых форм и тематических сюжетов юриспруденции, риторических конструкций и формул, ее аналитики, терминологии и техники социокультурной мотивации и аргументации правовых суждений и определений. Это — проблема языковых транзитов в системе правовых систем — переопределения понятий и деформации правовых конструкций в процессах трансграничных пересечений и обменов. Здесь лежит еще «непаханое» поле аналитических тем и решений. Очень точно подобные концептуальные ситуации охарактеризовал Паоло Вирно, итальянский философ и методолог — «здесь мы имеем дело с представлениями, не имеющими истории и лексикона...» [88, с. 34]. По сути, реальная структура категориально-понятийных систем имеет сложную слоистую конфигурацию, каждый слой которой включает в себя элементы своей собственной истории развития. Слои перемешивались и образовывали внешне несовместимые, но внутренне спаянные общим культурным и правовым наследием концептуальные комплексы со своей иерархией аналитических определений, конструкций и терминологии¹⁷. Это — предмет археологии понятий или, в терминах М. Фуко, археологии знаний — исторической онтологии и эпистемологии права.

¹⁷ Заслуживает внимания введение в научный оборот концепта «*понятийные ряды*», хотя, очевидно, что его аналитическим коррелятом является конструкция «*категориально-понятийный аппарат*», совмещающая категориальные (конкретно-универсальные) и понятийные (инструментальные) рамки разработки теории права в целом и отдельных аспектов или уровней описания и объяснения государственно-правовых явлений. Действительный интерес представляет разработка концепции «*аналитических комплексов*», совмещающая предметные, эпистемологические и формально-логические основания и определения феномена права во взаимных, парадигматических и синтагматических отношениях между уже включенными и включаемыми в аналитический комплекс элементами-понятиями. Значение имеет не сам понятийный ряд как таковой в составе его элементов (перечней) и сочетаниях элементов (последовательностей), а сетевая структура связей между понятиями-элементами на различных уровнях их концептуальной организации. То есть само понятийное пространство и его внутренний порядок, что позволяет выявить собственное место элемента-понятия в общей категориально-понятийной системе — ее аналитическое ядро и периферию. Аналитическая разработка сетевой структуры понятийных связей, то есть понятийных сетей, имеет двойное назначение. Во-первых, понятийные сети являются логической импликацией сетевой структуры самой изучаемой реальности и скрытых в ней правовых явлений и институтов. Во-вторых, понятийные сети являются выражением и аналитическим продолжением базовой парадигмы, в рамочных определениях которой понятия-элементы получают свое предметное и функциональное значение. Ключевая проблема концептуализации сетевой реальности, то есть распределения понятий-элементов, исходя из их действительного места в общей логико-понятийной сети, заключается в ее многомерной мобильности, текучести и неопределенности (подвижности), как по факту ее существования, так по факту ее развития, что требует, соответственно, разработки новой грамматики правопорядка или логики и языка его понятийной репрезентации.

Наиболее значимый парадигмальный сдвиг в концептуальной эволюции теории права заключен в активном формировании в ее структуре двух взаимосвязанных дисциплинарных направлений — эпистемологии правовой науки и истории концептуальных форм существования и выражения права. Эпистемологическая ориентация в правоведении связана с переформатированием ее аналитического ядра, формированием в его структуре новой концептуальной и предметной категории — теории юридической теории или юриспруденции юриспруденции. Эволюция юридической науки — это эволюция юридического концепта действительности в его институциональном и когнитивном измерении в различных культурно-исторических контекстах формирования и развития юридической картины мира. И право, и наука права в целом и в отдельности есть проявления юридической картины мира в системе ее базовых категорий, ценностей и представлений о должном или недолжном порядке отношений. Выраженная в определениях и терминах культурно-исторической юриспруденции это — система метаоснований, ориентаций и траекторий возможных структурных трансформаций в системах права и системах знаний о праве. Смена паттернов, гештальта [89] или габитуса [41, с. 75; 90] (глубинных архетипов восприятия и понимания действительности) означает изменения культурной матрицы и культурного капитала определенной эпохи, медленно пополняемого, быстро расходуемого и постоянно девальвируемого в практиках социального общения.

Каждую историческую эпоху эволюции юридической картины мира характеризует своя система мышления о праве (осмысления и категоризации права), своя система понимания природы и источников права, своя система культурных и концептуальных границ определения права. Каждая историческая эпоха существования права в его собственной онтологии, то есть, в категориях ее исторического бытования, живет только в исторических определениях своего права, значит в понятиях его исторической эпистемологии. У каждой эпохи свое право в его категориях и определениях. Каждой кризисной эпохе в эволюции юридических картин мира корреспондируют свои исторические логики трансформации правовых институтов, ценностей и представлений о праве. Фазовые изменения юридических картин мира получают свое отражение в фазовых изменениях систем юридических знаний — от мифопоэтических форм через системы религиозно-символических представлений о праве — к системам рационально-логических определений понятия права.

Новая правовая реальность требует своего институционального и аналитического языка. На смену традиционным жестким категориально-понятийным сетям описания и объяснения права на языке догматической традиции, не спрашивая разрешения на право говорить о том, что составляло ее концептуальную монополию, приходят текущие аналитические конструкции, определяемые динамичной средой конкурирующих подходов, исключающих возможность апелляции к последней инстанции юридической истины — государству. Историческая эпистемология права и есть концептуальный

ответ на этот запрос современного понимания природы права и знания о праве. Ее аналитическое ядро — структурно-генетическая юриспруденция; ее аналитический подход — историческая грамматика правопорядка; ее аналитический предмет — право и наука права в категориях и определениях языка социокультур своего времени.

Смена гештальта в юридических системах постмодерна связана с феноменом сетевой власти социальных коммуникаций, что означает простой нормативный факт — государственная политика во всех институциональных формах и практиках своего существования определяется социальными сетями. Эпоха отождествления государственного и политического в практиках социального общения уходит с исторической сцены. На место ее регуляторных инструментов (правил, процедур и конструкций) приходит эпоха сетевых адаптаций и саморегулирования в процессах социализации и институционализации права. Эпоха сосуществования *концептов* жесткого и мягкого права обретает свою собственную историю. На смену правового языка, дискурса и аналитического инструментария монистической юриспруденции приходит правовой язык, дискурс и аналитический инструментарий плюралистической юриспруденции. Чем все кончится, слава богу, никто не знает, ни начальники, ни подчиненные, поэтому все вынуждены будут разговаривать друг с другом на языке общей судьбы, то есть общего права или общей грамматики правопорядка.

Остается только ответить на один сакраментальный вопрос. Феномен права — это функция социальных коммуникаций, социально-нормативный факт и его открывают в заключенной в нем онтологии, или феномен права — это функция политики социального конструирования и нормативное решение, санкционированное спрятанной в нем идеологии? В ответе на этот вопрос и лежит ответ на вопрос «*Что есть право, а что не есть право?*», что собственно и составляет главный предмет правоведения, представленной в определениях семиотики, поэтики и герменевтики юридического текста, соответственно, коммуникативной, когнитивной и интерпретативной теории права. Концептуальная биография юридической науки в определениях Шершеневича, Кельзена, Харта и концептуальная биография юридической науки в определениях Петражицкого, Эрлиха, Гурвича дают разные ответы на этот вопрос, и оба правильные в собственной парадигме.

Что делать с многоликим Янусом в его прошлом, настоящем и будущем? Ответ на вопрос, «*что есть право?*», означает определение того, что не входит в формально-догматическое определение понятия права. Эпистемологический статус постюриспруденции открывает новую концептуальную перспективу в развитии, прежде всего самой юридической науки. В отличие от закрытых форматов ее предметного и методологического существования [91, с. 28], постюриспруденция находится в открытом междисциплинарном пространстве, которое, постоянно обновляясь, собственно и является основанием ее рождения и воспроизводства. В этой логике своего развития категориаль-

ная и понятийная дорожная карта постюриспруденции неисчерпаема в определениях явления права. Право при всем разнообразии исторических форм своего институционального и концептуального выражения, видимо, в своей сущности непостижимо, поскольку новая юриспруденция, исследуя право, постоянно меняет и аналитические и предметные границы явления права. Неизвестное в известном, что открывает бесконечную перспективу в развитии юридической науки, поскольку никто не знает, что такое право в собственном значении своего видимого явления и скрытого понятия. Постюриспруденция — это не дисциплинарный комплекс, а тем более не отдельная дисциплина в общей системе социогуманитарного знания. Это парадигмальная фаза концептуальной эволюции форм юридической науки, непрерывно переопределяющей свой предмет в поисках себя в этом предмете. Строительство новой собственной кодифицированной аналитики продолжается, чтобы снова исчезнуть и повториться [92].

Список литературы

1. Кроткова Н.В. История и методология юридической науки («круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.
2. Иглтон Т. Теория литературы. Введение. М., 2010. 296 с.
3. Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1–2. М., 2002. 496 с., 600 с.
4. Проди П. История справедливости. От плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017. 512 с.
5. Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. 320 с.
6. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. 264 с.
7. Демин А.В. «Мягкое право» в эпоху перемен. Опыт компаративного исследования. Монография. М., 2016. 240 с.
8. Васильева Н.В. Категория «правовое регулирование» в понимании советских юристов // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 109–112.
9. Фогельсон Ю.Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал российского права. 2013. № 9 (201). С. 43–51.
10. Мажорина М.В. Сетевая парадигма международного частного права: контурирование концепции // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4. С. 140–159.
11. Полдников Д.Ю. Договорные теории глоссаторов (XII–XIII вв.). М., 2008. 344 с.
12. Полдников Д.Ю. Договорные теории классического *jus commune* (XIII–XVI вв.). М., 2011. 525 с.
13. Полдников Д.Ю. Институт договора в правовой науке Западной Европы XI–XVIII веков. М., 2013. 368 с.

14. Михайлов А.М. Идея естественного права: История и теория. Монография. М., 2010. 460 с.
15. Михайлов А.М. Генезис континентальной юридической догматики. Монография. М., 2012. 496 с.
16. Михайлов А.М. Актуальные вопросы теории правовой идеологии и методологии юриспруденции. Монография. М., 2016. 459 с.
17. Елисеев В.С., Веленто И.И. Теория экономического права. Теория отраслей права, обеспечивающих экономические отношения. М., 2019. 416 с.
18. Легитимность права / под общей ред. Е.Н. Тонкова и И.Л. Честнова. СПб., 2019. 496 с.
19. Фуко М. Археология знания. СПб., 2004. 416 с.
20. История понятий, история дискурса, история метафор: сборник статей / под ред. Х.Э. Бедекера. М., 2010. 328 с.
21. Интеллектуальный язык эпохи. История идей, история слов. М., 2011. 192 с.
22. Берк П. Что такое культуральная история? М., 2015. 240 с.
23. Венгеров А.Б. Значение археологии и этнографии для юридической науки // Советское государство и право. 1983. № 3. С. 28–36.
24. Венгеров А.Б., Куббель Л.Е., Першиц А.И. Этнография и науки о государстве и праве // Вестник АН СССР. 1984. № 10. С. 88–101.
25. Культуральные исследования права / под общей ред. Честнова И.Л., Тонкова И.Н. СПб., 2018. 464 с.
26. Демин А.В., Гройсман С.Е. Фактор принуждения в контексте «мягкого права». Lex Russica. 2019. № 4. С. 56–67.
27. Синюков В.Н. Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 19–29.
28. Лафитский В.И. О правовом наследии России и его возрождении в борьбе за право: монография. М., 2018. 108 с.
29. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940. 304 с.
30. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949. 419 с.
31. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. 381 с.
32. Алексеев С.С. Проблемы теории права. Курс лекций. Т. 1–2. Свердловск, 1972–1973. 396 с., 401 с.
33. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. 352 с.
34. Байтин М.И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. Саратов, 2001. 416 с.
35. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник. [Электронный ресурс]. М., 2016. 640 с. Режим доступа: <http://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785392184651.html>
36. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: В 4 ч. / Ред. совет: В. М. Чхиквадзе (пред.) [и др.]. Т. 1. Основные институты и понятия. М., 1970. 621 с.
37. Варламова Н.В. Философия права и правовая догматика (проблема внутренней непротиворечивости правовой теории) // Юриспруденция XXI века: горизонты развития / Под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. СПб., 2006. С. 269–300.
38. Гревцов Ю.И., Козлихин И.Ю. Энциклопедия права. СПб., 2008. 772 с.

39. Энциклопедия правоведения и интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания. (Материалы седьмых философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. Институт государства и права Российской академии наук, Российская секция международной ассоциации философии права и социальной философии; ответственный редактор В.Г. Графский). М., 2013. 224 с.
40. Баранов В.М. Энциклопедия юриспруденции — интегративное развитие общей теории права и государства // Теория государства и права в науке, образовании и практике: монография. М., 2016. С. 48–72.
41. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2014. 576 с.
42. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. 448 с.
43. Фуллер Л. Мораль права. М., Челябинск, 2019. 312 с.
44. Зайцева Е.А. «Мягкое право»: объективная реальность или юридическая метафора // Современное право. 2012. № 1. С. 35–38.
45. Нерсесянц В.С. Право: единство понятия и разнообразие определений // Советское государство и право. 1983. № 10. С. 26–35.
46. Лукашева Е.Н. Общая теория права и многоаспектный анализ правовых явлений. Советское государство и право. 1975. № 4. С. 29–36.
47. Варламова Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. № 12 (156). С. 68–84.
48. Нерсесянц В.С. Право и закон. Из истории правовых учений. М., 1983. 366 с.
49. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 1999. 552 с.
50. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. М., 2000. 288 с.
51. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2005. 656 с.
52. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. 352 с.
53. Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М., 1924. 160 с.
54. Разумовский И.П. Проблемы марксистской теории права. М., 1925. 136 с.
55. Магазинер Я.М. Избранные труды по общей теории права. СПб., 2006. 350 с.
56. Ковлер А.И. Антропология права. М., 2002. 467 с.
57. Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. М., 2015. 840 с.
58. Туманов В.А. Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве. М., 1971. 381 с.
59. Нерсесянц В.С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. 2001. № 6. С. 5–15.
60. Варламова Н.В. Современная компаративистика: сравнительное правоведение или сравнительная культурология // Современное правоведение: поиск методологических оснований. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 26 марта 2010 г. М.: РУДН, 2011. С. 192–200.
61. Казимирчук В.П., Кудрявцев В.Н. Современная социология права. М., 1995. 297 с.
62. Гревцов Ю.И. Очерки теории и социологии права. СПб., 1996. 263 с.
63. Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004. 863 с.

64. Поляков А.В. Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. СПб., 2016. 575 с.
65. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967. 496 с.
66. Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972. 608 с.
67. Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. 351 с.
68. Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999. 310 с.
69. Бержель Ж.-Л. Общая теория права. М., 2000. 576 с.
70. Хук М. Право как коммуникация. СПб., 2012. 288 с.
71. Бауман З. Текучая современность. М., СПб., 2008. 240 с.
72. Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? // Lex Russica. 2019. № 2. С. 107–120.
73. Корнев А.В. Цифровые технологии, социальные процессы, модернизация права и возможное будущее российского юридического образования // Lex Russica. 2019. № 4. С. 23–29.
74. Четвериков В.А. Большой адронный коллайдер как юридический феномен // Lex Russica. 2019. № 4. С. 151–169; № 5. С. 161–173.
75. Кун Т. Структура научных революций. М., 2009. 310 с.
76. Хомский Н. Три модели описания языка // Кибернетический сборник. Вып. 2. 1961. С. 237–266.
77. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. 320 с.
78. Честнов И.Л. Современные типы правопонимания: феноменология, герменевтика, антропология и синергетика права. СПб., 2002. 96 с.
79. Постклассическая онтология права / под общей ред. И.Л. Честнова. СПб., 2016. 684 с.
80. Антонов М.В. Методы теоретического правоведения в контексте глобализации // Труды Института государства и права РАН. 2017. Том 12. № 4. С. 35–57.
81. Варламова Н.В. Гетерархичность современных правовых систем и постсоветская теория права // Проблемы постсоветской теории и философии права. М., 2016. С. 30–71.
82. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб., 2012. 650 с.
83. Бурдые П. Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., 2004. С. 521–528.
84. Хомский Н. Глубинная и поверхностная структура // Картезианская лингвистика. Главы из истории рационалистической мысли. М., 2018. С. 70–106.
85. Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб., 2015. 380 с.
86. Эриксен Т.Х. Что такое антропология? М., 2014. 160 с.
87. Лахман Р. Что такое историческая социология? М., 2016. 240 с.
88. Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М., 2015. 176 с.
89. Юнгер Э. Смена гештальта. Прогноз на XXI век. М., 2018. 80 с.
90. Бурдые П. Габитус и пространство стилей // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М., 2004. С. 538–543.
91. Лефевр А. Производство пространства. М., 2015. 432 с.
92. Рейснер М. Право: Наше право. Чужое право. Общее право. М., 1925. 276 с.

А.А. ГОЛОВИНА
А.Г. ГОЛОВИН

ЯЗЫК И СТИЛЬ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ: ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются перспективы совершенствования языка и стиля избирательного законодательства в современную информационную эпоху. Отмечаются особенности правового мышления, динамики общественного развития, внедрения достижений научно-технического прогресса, связанных с машинной обработкой правовой информации, которые обуславливают целесообразность качественно новых подходов к изложению и юридико-техническому оформлению норм избирательного законодательства. Отмечаются некоторые особенности языка и стиля современного избирательного законодательства, которые, по мнению авторов, в современную информационную эпоху являются значимыми и требуют внимания законодателя. Предлагаются направления совершенствования языка и стиля законодательства о выборах, призванные повысить его качество и соответствие требованиям времени в современном гиперинформационном обществе.
Ключевые слова: избирательное законодательство, язык избирательного законодательства, стиль избирательного законодательства, избирательное законодательство в информационную эпоху, совершенствование языка и стиля законодательства о выборах, юридическая техника.

LANGUAGE AND STYLE OF ELECTORAL LEGISLATION IN THE MODERN INFORMATION AGE: HORIZONS OF DEVELOPMENT

Abstract. This article discusses the prospects for improving the language and style of electoral legislation in the modern information age. Peculiarities of legal thinking, the dynamics of social development, the implementation of the achievements of scientific and technological progress related to the machine processing of legal information, which make it advisable to have qualitatively new approaches to the presentation and legal and technical design of the rules of electoral law, are noted. Some features of the language

ГОЛОВИНА Анна Александровна — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

ГОЛОВИН Алексей Геннадьевич — кандидат юридических наук, г. Москва

Сведения о поддержке. Часть статьи, написанная А.А. Головиной, выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-29-16219-мк.

and style of modern electoral legislation are noted, which, according to the authors, are significant in the modern information age and require the attention of the legislator. The directions of improving the language and style of the legislation on elections are proposed, designed to improve its quality and compliance with the requirements of the time in a modern hyper-information society.

Keywords: *election legislation, language of election legislation, style of election legislation, election legislation, information age, improving the language and style of election legislation, legal technique.*

Темпы развития современного информационного общества диктуют совершенно новый взгляд на необходимую динамику обновления социальных норм, включая правовые нормы. Не только общественные отношения перманентно ускоряются, порождая все новые и новые сферы, требующие правового регулирования или обновления уже имеющихся правовых норм, — само мышление современного человека становится другим. В нем все больше присутствуют черты «клиповости», привычка к восприятию аудиовизуальных многомерных потоков информации, а не привычных двухмерных печатных. Не случайно видеоблоггинг и чтение коротких сообщений в соцсетях все больше вытесняют из социального дискурса традиционные способы получения новостей, прежде всего газеты и журналы.

В таких условиях крайне важно, чтобы избирательное право, как и право в целом, которое и без того является довольно консервативным социальным инструментом, не отставало от происходящих процессов, причем не только по внутреннему содержанию и темпам обновления норм, но и, что немаловажно, по качеству внешнего оформления, включая язык и стиль избирательного законодательства. Ведь «презумпция знания закона» только тогда остается презумпцией, когда закон доступен для восприятия обычному гражданину, понятен ему. В противном случае возникает явление так называемой «темноты закона», затрудняется его обыденное толкование и возникает риск обращения этой презумпции в собственную противоположность — в «фикцию знания закона».

Не меньшую роль в условиях все большей технизации общественных процессов играют перспективы машинной обработки правовых текстов. Можно прогнозировать более широкое внедрение в будущем различного рода программного обеспечения, чат-ботов с элементами искусственного интеллекта в правовой сфере и даже своего рода «роботов-юристов», в связи с чем качество закона о выборах должно быть таково, чтобы не только неспециалист был способен, но и программа могла легко понять значение текста, распознать юридические формулы и правовые конструкции, из которых он «собран», без когнитивного искажения воспринять правовую информацию, содержащуюся в законе.

Цифровизацию всех важнейших общественных процессов, масштабную технизацию и роботизацию общества нередко называют среди ключевых

глобальных трендов современности и ближайшего будущего. Как отмечает Ю.А. Тихомиров, «юридическое прогнозирование должно предлагать свое мнение для выбора эффективных правовых средств решения глобальных и национальных проблем. Важной прогностической площадкой является ежегодно проводимый Всемирный экономический форум в Давосе. Примечательны основные оценки рисков и перспектив, звучавшие на этом форуме. Так, в 2015 году наиболее опасными были признаны риски ослабления государственных институтов и государств, обострения межнациональных отношений, в 2016 году — выделена проблема IV промышленной революции и роботизации, в 2018 году — цифровизация экономики и свободная торговля, искусственный интеллект и преодоление раскола в Европе, совместная безопасность» [1].

Однако цифровизация, технизация и развитие информационных технологий становятся не только стимулами дальнейшего социально-экономического развития и научно-технического прогресса, но и определенными вызовами таким довольно консервативным социальным институтам, как государство и право. Уже сегодня уровень развития технологий выше, чем условная «степень эластичности» правового регулирования и способность подстраиваться под него. Насколько язык и стиль действующего законодательства, в частности избирательного, отвечает задачам перестройки права на машиночитаемую форму в современную гиперинформационную эру? Вопрос открытый.

Возьмем гипотетическую ситуацию внедрения роботов в судебной сфере, о которой сегодня немало рассуждают. В том случае, если подобный «робот-судья» будет рассматривать споры в сфере избирательного права (пусть, к примеру, типичные ситуации, не требующие сложного анализа), потребуется внедрение в его программное обеспечение некоего алгоритма решения споров с применением юридических конструкций избирательного права. Насколько выполнима задача перевода в машиночитаемую форму электорально-правовых формул, которые характеризуются значительной сложностью языка и стиля? Между тем, эта гипотетическая ситуация не столь нереалистична, как может показаться, и возможно, правовые эксперименты в области технизации судебного процесса — дело не столь уж и отдаленного будущего.

Уже сегодня исследователи отмечают ряд преимуществ разрешения правовых споров без участия человека. Например, отмечается, что «компьютер в состоянии в короткие сроки обработать невероятный объем данных, что позволяет ему использовать в своей деятельности большое количество факторов и примеров из предыдущего опыта, сравнимое с многолетним опытом специалиста-человека. Кроме того, компьютеры не подвержены субъективным факторам, таким, как усталость, плохое самочувствие или дурное настроение, которые могут оказывать значительное влияние на эффективность работы человека, не говоря уже о том, что машина может

работать круглосуточно, поскольку ей не требуются перерывы на сон и отдых. Существует исследование, в котором авторы на примере судебной статистики Израиля убедительно доказывают, что профессиональные судьи не лишены влияния субъективных факторов и склонны выносить более мягкие решения по делам, рассматриваемым после обеденного перерыва [2]. При этом на практике происходит замещение человека роботом по некоторым юридическим сферам деятельности.

По мнению некоторых специалистов, «в России опасения скорой потери работы юристами основываются в первую очередь на выступлении заместителя председателя правления Сбербанка В. Кулика на Гайдаровском форуме в январе 2017 года. Тогда г-н Кулик объявил о запуске в эксплуатацию робота-юриста, обученного составлять иски, в результате чего Сбербанк готовился к высвобождению «3 000 рабочих мест по юридической специальности». ...Перспективы автоматизации юридической работы наглядно иллюстрирует пример Общества защиты дольщиков, которое с помощью использования различных средств автоматизации юридических услуг добилось впечатляющего результата: 6 юристов могут вести одновременно порядка 300 проектов» [2]. Таким образом, правовая наука должна уже сегодня попытаться оценить, насколько различные отрасли законодательства, в том числе избирательное законодательство, готовы к подобным процессам.

Сегодня в судебной сфере внедрение подобных технологий сдерживается определенным консерватизмом юридического мышления. Это актуально не только для нашей страны: консерватизм мышления некоторых судей называет в качестве препятствия цифровизации процесса отправления правосудия, например, А.М. Джафаров [3, с. 15]. Однако прогресс в области внедрения в правоприменительную деятельность современных информационных технологий вряд ли остановится, следовательно, проблема соответствия качества законодательства, в том числе его языка и стиля, задачам новой информационной эпохи становится все более значимой.

В средствах массовой информации появляются сообщения о правовых экспериментах в области внедрения искусственного интеллекта в судебную сферу. В частности, в Эстонии споры по мелким судебным делам будет рассматривать компьютер с искусственным интеллектом (ИИ), у судьи-человека будет право пересмотреть его решения. Внедрение новой технологии планируется начать до конца 2019 года¹. Председатель Московского городского суда О.А. Егорова в интервью газете «Коммерсантъ» отметила: «Мы хотим внедрять в судебную систему элементы искусственного интеллекта. Сейчас создание судей-роботов кажется чем-то диким, но посмотрите сами, как быстро все меняется. Конечно, искусственный интеллект никогда не заменит человеческий при рассмотрении большей части дел. Но думаю,

¹ Робот-судья будет рассматривать мелкие иски в Эстонии [Электронный ресурс] // URL: <https://primechaniya.ru/home/news/mart-2019/robot-sudya-budet-rassmatrivat-melkie-iski-v-estonii/> (дата обращения: 1 июня 2019 г.).

что формирование проектов судебных решений по бесспорным, я всякий раз это подчеркиваю, делам вполне уместно и облегчит работу»².

В будущем, на наш взгляд, вполне возможно распространение технологий, основанных на использовании искусственного интеллекта, и на избирательные правоотношения (например, проверка подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов, принятие решений о регистрации кандидатов, о включении избирателей в списки избирателей, фиксирование избирательных правонарушений в автоматическом порядке через веб-камеры при помощи системы искусственного интеллекта, автоматизация составления протоколов о некоторых административных правонарушениях, посягающих на избирательные права граждан и т.д.).

Также в юридическом сообществе была высказана идея о цифровизации всей правовой системы, при которой различные нормативные правовые акты могут быть подвергнуты масштабной обработке и переводу в онлайн-форму с последующим созданием системы поддержки правовых решений с применением элементов искусственного интеллекта. В связи с этим интересной выглядит концепция поэтапной цифровизации правовой системы, предложенная Департаментом проектной деятельности Правительства Российской Федерации. Согласно проекту, первым этапом предлагаемой цифровизации правовой системы должно стать выявление «устаревших, неработающих, а также неэффективных и неоднозначных норм» в массиве правовых актов. Результатом может стать как корректировка конкретных норм, так и разработка общих рекомендаций по «качественному нормотворчеству». Следующий шаг — создание «электронных кодексов», «единых нормативных документов, различные части которых принимаются различными уровнями власти в соответствии с их компетенцией». В пример приводится опыт Франции. Речь идет о создании государственных электронных справочно-правовых систем: действующие нормы предлагается каталогизировать в духе «качественного нормотворчества», а в будущем онлайн-кодексы станут официальным местом публикации новых норм. На третьем этапе предполагается создание автоматизированной системы поддержки правовых решений (СППР) на основе ИИ, включая сервисы автоматизированной генерации документов по типовым делам. Одновременно должна быть разработана система управления рисками для компьютерного анализа судебных актов на предмет ошибок и коррупционной составляющей³. Как видится, в электорально-правовой сфере подобные технологии также могли бы найти применение.

² «Из совещательной комнаты мне никто не звонит». Интервью Председателя Мосгорсуда О.А. Егоровой газете «Коммерсантъ» [Электронный ресурс] // URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/news/iz-soveshhatelnoj-komnaty-mne-nikto-ne-zvonit-intervyu-predsedatelya-mosgorsuda-oa-egorovoj-gazete-kommersant> (дата обращения: 1 июня 2019 г.).

³ Судебный процессор. Правительство обсуждает использование искусственного интеллекта в правовой сфере // Коммерсант. 2017. 13 ноября.

Таким образом, и перспективы внедрения в электоральный процесс современных информационных технологий с элементами искусственного интеллекта, и особенности мышления и сознания современного человека в глобальную информационную эру обуславливают целесообразность новых подходов к совершенствованию формы изложения избирательного законодательства, его языка и стиля. Язык и стиль современного закона должны быть краткими, четкими, лаконичными, учитывать возможность обработки норм искусственным интеллектом и обращения в машиночитаемую форму, а также ясного восприятия современным человеком с превалирующим «клиповым» мышлением.

Иными словами, в противоположность имеющей место в последние пару десятилетий тенденции к усложнению правовых конструкций, язык и стиль избирательного законодательства должны становиться все более простыми и доступными. Анализ же законодательства о выборах, в которое регулярно вносятся изменения, показывает, что построение норм идет по уже устоявшейся схеме дальнейшего усложнения юридического языка и внедрения все более «многоступенчатых» юридико-технических моделей.

Трудно не согласиться с Ю.А. Веденевым, который подчеркивает, что «в юридическом языке, на котором говорит право, заключено его прошлое, настоящее и будущее. Фундаментальная проблема современной юриспруденции заключена в разработке языка описания и объяснения новых явлений социальной, экономической и политической практики, требующих их адекватной юридической квалификации и применения» [4, с. 11]. Однако, право в силу известной консервативности в своих формульных началах склонно, скорее, раз за разом воспроизводить устоявшиеся, привычные языковые и стилистические приемы, даже если существенно поменялись условия, в которых должны применяться его нормы. В связи с этим своевременное их совершенствование и обновление должны являться предметом пристального внимания законодателя, чтобы право говорило не только «языком прошлого», но и «языком будущего».

Учитывая изложенное, рассмотрим некоторые особенности языка и стиля избирательного законодательства, которые, на наш взгляд, могут совершенствоваться с тем, чтобы соответствовать задачам обеспечения развития общественных отношений в современную гиперинформационную эпоху. При этом необходимо исходить из принципов, которые не устаревают с течением времени, согласно которым «язык — важнейшее средство передачи информации, общения, обмена мыслями. Без него невозможно человеческое общежитие. Благодаря языку отраженные в сознании признаки и отношения вещей воплощаются в материальную форму слов и тем самым создается основа для идеальных объектов мышления — понятий, с помощью которых осуществляется мыслительная деятельность. ...Право способно воздействовать на волю и сознание людей только с помощью языка. Именно язык служит средством передачи информации о содержании пра-

вовых предписаний. Юридические нормы в современных цивилизованных государствах не могут существовать иначе, как в определенных языковых формах. С помощью языка мысль законодателя выражается вовне, оформляется, становится пригодной для внешнего использования, доступной для конкретных адресатов» [5, с. 7].

Как справедливо отмечается в науке, «в отличие от повседневного языка, стихийно возникшего в человеческом общении, язык закона создается в той или иной национальной правовой системе специально, путем целенаправленного отбора и обработки естественного языкового материала таким образом, чтобы наиболее точно и вместе с тем понятно изложить устанавливаемые юридические правила, обеспечить эффективность их властного воздействия на волю и сознание людей. Слова, предназначенные для фактуального закрепления правовой нормы, получают дальнейшее структурно-смысловое развитие под влиянием объективных свойств и требований права. В языке закона вырабатываются оптимальные способы передачи правовой информации, и в целом язык закона отображает юридическую картину мира, сложившуюся в данной правовой системе в результате познания правовых свойств и связей объективной действительности. Умение использовать специфический язык закона считается важнейшим навыком законодателя» [6, с. 309–314].

Конституционный Суд Российской Федерации называет принцип формальной определенности закона, предполагающий точность и ясность законодательных предписаний, неотъемлемым элементом верховенства права⁴. Согласно правовой позиции Конституционного Суда, неточность, неясность и неопределенность закона порождают возможность неоднозначного толкования и, следовательно, произвольного его применения, что противоречит конституционным принципам равенства и справедливости, из которых вытекает обращенное к законодателю требование определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования⁵.

Как правило, к языку закона предъявляются следующие общие требования: нормативные правовые акты должны содержать определения вводимых в законодательство юридических, технических и иных социальных терминов; не допускается употребление устаревших и многозначных слов

⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 года № 8-П «По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки М.А. Асламазян». Собрание законодательства РФ. 2008. № 24. ст. 2892.

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2010 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова». Собрание законодательства РФ. 2010. № 29. ст. 3983.

и выражений, образных сравнений, эпитетов, метафор; не воспроизводятся повторно нормативные предписания, содержащиеся в действующих нормативных правовых актах той же юридической силы; ясность языка закона, общедоступность для понимания и использования; сочетание обобщающей абстракции с понятийной конкретностью изложения, обеспечивающее определенность и точность юридической формы; недопустимость беспорядочного внедрения иностранных заимствований в языке закона, которое может служить прикрытием дефектов правотворчества, средством маскировки недостаточно ясных либо сомнительных идей; нежелательность так называемой «грамматической синонимии», когда параллельно используются разные варианты одной и той же грамматической формы слова («международные договоры публикуются» / «международные договоры опубликовываются»); необходимость соблюдения единого языкового поля (как в рамках различных отраслей законодательства, так и в рамках различных уровней законодательства — федерального, субъектов Российской Федерации) [6, с. 310].

К стилю закона правовая наука также традиционно предъявляет высокие требования, связанные с тем, что он имеет крайне важное значение для обеспечения качества закона, доступности закрепленных в нем предписаний для адресата правовых норм. Например, А.С. Пиголкин подчеркивал, что «важное значение в изложении нормативного материала играет стиль. Исходя из правил, вытекающих из общей теории права, стиль оформления нормативных предписаний должен быть безличным, единообразным. Разрабатывая проекты нормативных актов, юристы пользуются четким, конкретным набором слов. ...Необходимо добиваться логической стройности, глубины и последовательности изложения, смысловой завершенности, употребления однозначных терминов, однотипных формулировок, максимальной четкости, ясности и непротиворечивости текста. В таком тексте не должно быть ничего лишнего, искусственного, неоправданно яркого и недостаточно точного» [7, с. 129–130].

Как показывает предметное изучение формальных особенностей изложения и юридико-технического оформления норм избирательного права, не все из указанных традиционных критериев в полной мере присущи современному законодательству о выборах, в связи с чем имеется определенное поле для его совершенствования. Прежде всего, следует отметить сложность языка и стиля современного избирательного законодательства, соответствующую больше инструкции для правоприменителя, владеющего специальной терминологией и обладающего опытом реализации соответствующих норм на практике, чем закону, который должен быть направлен, прежде всего, на гражданина, на разъяснение ему гарантий его прав, а также обязанностей и ответственности в той или иной правовой ситуации.

Безусловно, для такого уровня сложности были объективные предпосылки. Усложнение языка изложения правовых предписаний связано с существенным усложнением самих норм, следующих за многоэлементными

общественными отношениями в электоральной сфере. Авторам при написании законов о выборах и референдумах приходилось решать очень сложные задачи по оптимальному отражению многоаспектных норм в тексте закона. И эти задачи были решены.

Вместе с тем нельзя не отметить обратную сторону такой стилистики: практика, в том числе судебная, показывает, что многие электорально-правовые нормы, благодаря своей сложности, оставляют большой простор для различных толкований, нередко полярно противоположных.

Ряд норм Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»⁶ (далее — Федеральный закон № 67-ФЗ) характеризуется особенностью, которая вытекает из тенденции в современном правотворчестве в принципе смешивать такие «жанры» как законодательное и подзаконное нормотворчество, когда на уровень федерального закона нередко возводятся нормы, более уместные в подзаконном нормативном правовом акте.

Например, пункт 2 статьи 61 Федерального закона № 67-ФЗ устанавливает, что «в помещении для голосования должен быть зал, в котором размещаются кабины или иные специально оборудованные места для тайного голосования, оснащенные системой освещения и снабженные письменными принадлежностями, за исключением карандашей». В пункте 3 этой же статьи подробно перечисляется, что именно должно быть указано на информационном стенде, на котором размещается информация о кандидатах, списках кандидатов, избирательных объединениях, внесенных в бюллетень. При этом перечень не является закрытым — в пунктах 3¹ и 4 устанавливается дополнительная информация, размещаемая в определенных случаях. Пункт 8 содержит норму о том, что на информационном стенде размещаются образцы заполненных избирательных бюллетеней; устанавливается, что именно они должны и не должны содержать.

Представляется, что указанную статью можно существенно «упростить» путем использования нормы, содержащей отсылку к подзаконному акту, где вполне уместны все вышеуказанные подробности. С опасениями некоторых коллег-юристов, что в таком случае снизится уровень гарантий избирательных прав, позволим себе не согласиться, поскольку содержание нормативного акта ЦИК России, прямо предусмотренного федеральным законом, способно предоставить достаточный уровень правовых гарантий от имени государства. Иной взгляд на правовую природу и статус актов ЦИК России принижал бы значимость норм самого Федерального закона № 67-ФЗ, согласно которым решения и иные акты комиссий, принятые в пределах их компетенции, *обязательны* (здесь и далее выделено нами — *авторы*) для федеральных органов исполнительной власти, органов ис-

⁶ Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. ст. 2253.

полнительной власти субъектов Российской Федерации, государственных учреждений, органов местного самоуправления, кандидатов, избирательных объединений, общественных объединений, организаций, должностных лиц, избирателей и участников референдума (п. 13 ст. 20); комиссии *обеспечивают реализацию и защиту* избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (п. 3 ст. 20).

Полагаем, что целесообразно идти по пути «облегчения конструкций» норм законов о выборах с одновременным расширением возможностей ЦИК России по оперативному реагированию на возникающие проблемы путем их урегулирования подзаконными актами.

Примечательно обратить внимание, продолжая пример указанной выше статьи 61, что в ее пункте 10 содержится именно такая отсылочная норма, за расширение практики внедрения которых мы выступаем. Согласно указанному пункту, в помещении для голосования размещаются стационарные ящики для голосования, изготовленные из прозрачного или полупрозрачного материала в соответствии с нормативами технологического оборудования, утверждаемыми Центральной избирательной комиссией Российской Федерации. Возникает вопрос о логике определения законодателем той границы, по которой проходит «водораздел» законодательного и подзаконного регулирования. Почему, к примеру, в данном случае упоминание о прозрачном или полупрозрачном материале необходимо оставить в законе, а указание на сборно-разборную конструкцию с формованным (литым) основанием, формованной крышкой и боковыми ручками и уточнение конкретного коэффициента светопропускаемости можно поместить в подзаконный акт⁷? На наш взгляд, и сама подробность о характере материала (равно как и упомянутое выше уточнение про карандаши) могла бы перейти из закона в постановление ЦИК России без риска, повторим, снижения гарантий прав граждан.

Аналогичные соображения можно изложить в отношении, например, пунктов 3 и 3¹ статьи 63 «Бюллетень» Федерального закона № 67-ФЗ, где даются детальные характеристики того, какие именно средства применяются для защиты бюллетеня от подделки: бумага с водяными знаками или с нанесенными типографским способом надписью микрошрифтом и (или) защитной сеткой либо специальный знак (марка).

В результате подобного подхода тексты норм закона иногда разрастаются до значительных размеров (достаточно взглянуть на объем и инструктивную детализацию, к примеру, пунктов 16 и 17 статьи 17 Федерального закона № 67-ФЗ) и обрастают обширными перечислениями и деталями, уместными скорее в подзаконном акте, ориентированном на сотрудников, обладающих специальными знаниями для их профессионального толкования. Просто-

⁷ См. Постановление ЦИК России от 29 января 2014 года № 214/1405-6 «О нормативах технологического оборудования для участковых комиссий при проведении выборов, референдумов в Российской Федерации». Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. № 2. 2014.

му гражданину при этом может быть довольно трудно отыскать в таком законодательном материале собственные конкретные права и их гарантии.

Между тем, доступность закона, в том числе по языку изложения нормативного предписания, для избирателя, не имеющего специального юридического образования или опыта работы в избирательной системе — важный элемент гарантий равенства прав граждан Российской Федерации. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, «юридическое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы; законоположения, не отвечающие указанным критериям, порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность их неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения»⁸.

Отдельно следует сказать о длине предложений в законодательных текстах. Еще в 1997 году Р.О. Халфина писала: «Современные законы — это огромная, необузданная масса, длинные тексты, длинные словари, которые предшествуют нормативной части закона, основные понятия и т.д. Там трудно найти нормы права, ее элементы, то, что обеспечивает действенность акта. Вместо норм права — пожелания, заклинания» [8, с. 23].

Показательно в связи с этим провести следующее сопоставление. Федеральный закон от 6 декабря 1994 года № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» состоял из преамбулы и 10 глав, включавших в себя всего 36 статей, изложенных во вполне подходящем для базовых, рамочных законов лаконичном стиле. Пришедший ему на смену Федеральный закон от 19 сентября 1997 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» включал в себя преамбулу и 11 глав, содержащих 66 статей. При этом практически вдвое увеличилось не только количество статей, но и объем текста каждой нормы [9, с. 98]. Действующий Федеральный закон № 67-ФЗ по состоянию на 1 июля 2019 года состоит из преамбулы, 11 глав и 11 приложений. Количество статей в нем возросло до 87 (включая новые статьи 11¹, 35¹ и 81¹ и без учета утратившей силу статьи 85), объем и сложность текстов правовых предписаний вновь существенно увеличились.

О. Хазова в книге «Искусство юридического письма» отмечает, что предложение должно состоять не более чем из 20–25 слов. Считается, что кратковременная память обычно в состоянии «схватывать» предложение

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 мая 2013 года № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 26 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н.М. Моренко». Собрание законодательства РФ. 2013. № 21. ст. 2692.

до 22 слов [10, с. 159]. Т.В. Кашанина вообще отмечает, что «как утверждают специалисты в области русского языка, средняя длина предложения составляет 19 слов», и подчеркивает, что «при изложении нормативных положений это количество следует признать максимальным, а не средним числом», учитывая, что «...многие нормативные положения приходится воспринимать на слух (например, в речи адвоката или прокурора, в процессе юридического консультирования)...» [11, с. 243]. Ориентиры эти в избирательном законодательстве не всегда соблюдаются. Т.В. Кашанина приводит в качестве показательного примера абзац четвертый пункта 32 статьи 68 Федерального закона № 67-ФЗ, в котором одно предложение состоит из 115 слов [11].

Такие длинноты являются сегодня характерным признаком стиля избирательного законодательства, который четко проявляется особенно в Федеральном законе № 67-ФЗ в силу того, что его нормы «обременены» еще и нормами референдумного права. Однако статьи и других действующих законов о выборах изложены в стиле, который можно условно назвать повествовательным. В положениях закона зачастую излагается последовательность действий на том или ином этапе подготовки и проведения выборов, что и позволяет проводить параллели с «пошаговым руководством пользователя».

Представляется, что многие усложненные предложения Федерального закона № 67-ФЗ могут быть переформулированы с разделением их на несколько более простых. При этом целесообразно длинные предложения с перечислением заменять на соответствующие пункты с подпунктами. Этот прием юридино-технического упорядочения текста закона давно известен и должен использоваться более широко для того, чтобы добиться ясности и лаконичности законодательного языка.

Н.А. Власенко в связи с этим справедливо подчеркивает: «Нормоустановитель должен исходить из того, что любой текст, в том числе и нормативный, имеет не только логическую, но и языковую основу, направленную на организацию и передачу информации. Языковую основу законодательного текста составляют предложения, устойчивые словосочетания, слова и аббревиатуры. Ее грамматическая составляющая — правила орфографии и пунктуации» [12, с. 71]. При этом в качестве одного из требований к формулированию нормативных грамматических предложений ученый называет «отсутствие перегрузки простых предложений однородными членами, которые в силу их количества затрудняют восприятие мысли законодателя. С целью облегчения восприятия «длинность» можно преодолеть с помощью простой цифровой графики: 1), 2), 3) или букв — а), б), в), добавлений «и т.д.», «и т.п.», «и др.» [12].

Особенностью языка Федерального закона № 67-ФЗ и многих иных системно связанных с ним нормативных правовых актов является также постоянное удвоение правовых понятий, которое связано с тем, что в них в одной законодательной форме, по сути объединены нормы различного со-

держания — как нормы избирательного права, так и нормы референдумного права. Это также существенно усложняет язык закона и делает его сложным для восприятия и толкования. Характерна, например, норма пункта 4 статьи 17 Федерального закона № 67-ФЗ, согласно которой «основанием для включения гражданина Российской Федерации в список избирателей, участников референдума на конкретном избирательном участке, участке референдума является факт нахождения места его жительства на территории этого участка, а в случаях, предусмотренных настоящим Федеральным законом, иным законом, — факт пребывания (временного пребывания, нахождения) гражданина на территории этого участка (при наличии у гражданина активного избирательного права, права на участие в референдуме)».

В одной и той же законодательной норме содержатся предписания, адресованные различным субъектам права, которые будут применяться в различных правовых ситуациях. Такое дублирование в современном информационном пространстве воспринимается адресатом сообщения как «информационный шум», поскольку для того, чтобы вычленить норму о выборах, субъекту приходится «фильтровать» лишний информационный поток о референдумах, и наоборот.

В связи с этим, на наш взгляд, в перспективе целесообразно было бы изъять нормы об организации и проведении референдумов из избирательного законодательства, изложив в самостоятельных актах, имея в виду и то, что они имеют в разы меньшую востребованность в правоприменительной практике.

Как менее «радикальный» вариант ухода от бесконечного дублирования избирательных и референдумных терминов в тексте Федерального закона № 67-ФЗ можно было бы рассмотреть объединение таких терминов в статье-гlossарии (статье 2) или же при первом упоминании в нормах. Приведем пример: можно было бы в принципе отказаться от термина «комиссии референдума», оставив в законодательстве общую норму о том, что соответствующие избирательные комиссии действуют и в качестве комиссий референдума⁹. В тексте Федерального закона № 67-ФЗ это позволит сократить десятки формулировок «избирательные комиссии, комиссии референдума». Конечно, такое решение потребует внесения изменений в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации», однако в целом для языка законодательства о выборах и референдумах оно может дать положительный эффект. А системное применение такого подхода способно существенно «разгрузить» лингвистические конструкции сотен норм.

⁹ Тем более, такая норма уже есть. В пункте 2 статьи 20 Федерального закона № 67-ФЗ закреплено, что при проведении соответствующих референдумов ЦИК России, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, избирательные комиссии муниципальных образований, территориальные, участковые избирательные комиссии действуют в качестве комиссий референдума. Возможно, достаточно сделать необходимую оговорку по поводу окружных избирательных комиссий.

В целом для избирательного законодательства характерно дублирование норм — как в актах одинаковой юридической силы, так и в актах разной юридической силы (например, значительная часть норм Федерального закона № 67-ФЗ, по сути, дублируется в законах о выборах Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, воспроизводится в региональном избирательном законодательстве, подзаконных нормативных правовых актах). С точки зрения юридическо-технических норм, касающихся языка закона, эта практика не может быть оценена однозначно положительно. С позиции закономерностей потоков информации в современном мире, такое дублирование норм можно также рассматривать как «информационный шум», который препятствует обнаружению в таких «дублирующих» актах норм, действительно «оригинальных», дополняющих гарантии базового федерального закона.

Итак, одним из ключевых вопросов является следующий: кому, по сути, адресованы тексты законов о выборах? Не сами правовые нормы — их адресат понятен, а именно тексты — на самостоятельное понимание каким кругом лиц они ориентированы? Возможны два ответа на этот принципиальный вопрос: либо законы рассчитаны на правоприменителей-профессионалов для обеспечения «технологичности» проведения выборов, либо они рассчитаны на всех граждан, чьи избирательные права должны гарантировать. Во втором случае нормы этих законов должны быть сформулированы таким образом, чтобы быть понятными «среднему» избирателю. Анализ языка отечественного избирательного законодательства дает основания склоняться к тому, что оно написано все-таки с ориентацией именно на понятность для профессионалов, а не для широкого круга граждан.

При этом авторы не критикуют само содержание системы избирательного законодательства, поскольку современные российские законы о выборах решают свои основные задачи — предоставляют гражданам высокий уровень надежных гарантий и позволяют системе избирательных комиссий эффективно и «технологично» (в позитивном смысле) организовывать и проводить выборы. Однако представляется, что дальнейшая эволюция этих законов должна включать в себя упрощение их текстов без потери смысла. Этот путь видится нам довольно трудным — в силу набранной инерции воспроизводства устоявшихся усложненных конструкций, но вполне реализуемым при наличии соответствующей воли федерального законодателя.

В контексте рассматриваемой темы полагаем, что избирательное законодательство имеет хороший потенциал для дальнейшего совершенствования его языка и стиля с тем, чтобы соответствовать меняющимся требованиям современного динамичного мира, особенностям сознания адресата правовой нормы в гиперинформационном обществе, а также перспективным задачам «оцифровки» правовой нормы искусственным интеллектом.

От того, насколько удачным станет такое совершенствование, зависит востребованность избирательного законодательства гражданами в будущем и в целом его качество как инструмента регулирования эволюционирующих общественных отношений.

Список литературы

1. Тихомиров Ю.А. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 5–20.
2. Никифорова Т.С., Смирнова К.М. Оставят ли роботы юристов без работы? // Закон. 2017. № 11. С. 110–123.
3. Джафаров А.М. Цифровизация процесса отправления правосудия: достижения, перспективы, проблемы (на примере Азербайджанской Республики) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 11–15.
4. Веденеев Ю.А. Эпистемология права: между догматическим наследием и языком новой аналитики // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 1. С. 7–41.
5. Язык закона / под редакцией А.С. Пиголкина. М.: Всесоюзный научно-исследовательский институт советского государственного строительства и законодательства, «Юридическая литература», 1990. 189 с.
6. Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое и учебное пособие) / под ред. проф. А.С. Пиголкина. М., 2000. 608 с.
7. Нормография: теория и методология нормотворчества: учебно-методическое пособие / под ред. д-ра юрид. наук Ю.Г. Арзамасова. М.: Академический проект; Трикта, 2007. 480 с.
8. Конфликт закона и правовая реформа (Из выступлений участников «круглого стола» в Институте государства и права РАН) // Государство и право. 1997. № 12.
9. Головин А.Г. Эволюция системы избирательного законодательства в Российской Федерации: тенденции и перспективы. М.: Московское бюро по правам человека, «Academia», 2008. 212 с.
10. Хазова О. Искусство юридического письма. М.: Юрайт, 2011. 181 с.
11. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М.: Эксмо, 2007. 510 с.
12. Юридическая техника: Учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации; Под ред. член-корр. Т.Я. Хабриевой, проф. Н.А. Власенко. М.: Эксмо, 2009. 272 с.

О СУДИМОСТИ И ПАССИВНОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье проведен анализ норм Российского законодательства в части ограничения пассивного избирательного права граждан, имеющих (имевших) судимость. Рассмотрена практика их применения избирательными комиссиями и судами. Акцентом статьи выступает обязанность кандидатов указывать сведения о судимости в заявлении о согласии баллотироваться. Затронута тема актуальности информирования избирателей о декриминализованных судимостях кандидатов. Сформулированы пожелания законодателю в части конкретизации избирательного законодательства.

Ключевые слова: выборы, кандидат, пассивное избирательное право, сведения о судимости, декриминализация.

ABOUT CRIMINAL RECORD AND PASSIVE ELECTORAL RIGHT

Abstract. The article analyzes the norms of the Russian legislation in terms of restriction of passive suffrage of citizens with a criminal record. The practice of their application by election commissions and courts is considered. The emphasis of the article is the obligation of candidates to indicate information about criminal record in the application for consent to run. Discussed the relevance of informing voters about decriminalised convictions of the candidates. The wishes of the legislator in terms of specification of the electoral legislation are formulated.

Keywords: election, candidate, passive electoral right, information about criminal records, decriminalization.

«Пассивное избирательное право — право граждан Российской Федерации быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления» — такое определение содержится в подпункт 27 статьи 2 Федерального закона от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹ (далее — Закон об основных гарантиях). Вопросы реализации пассивного избирательного права возникают обычно у кандидатов в отношении соперников, при этом сомнению в законности подвергаются документы, принятые соответствующими избирательными комиссиями.

ОФИЦЕРОВ Андрей Сергеевич — председатель избирательной комиссии Тамбовской области, г. Тамбов

¹ Российская газета. 15 июня 2002 года.

Закон об основных гарантиях в статье 4 определяет рамки возможного ограничения пассивного избирательного права. Вместе с тем, для реализации права быть избранным гражданину, обладающему пассивным избирательным правом, необходимо выполнить ряд формальных требований: обеспечить в рамках закона процедуру выдвижения, представить в соответствующую избирательную комиссию документы, необходимые для регистрации, при этом соблюсти все ограничения, связанные со статусом кандидата.

В данной статье предлагается провести анализ положений Закона об основных гарантиях, которые обязывают кандидата в заявлении о согласии баллотироваться указывать сведения о судимости, а если судимость снята или погашена, — также сведения о дате снятия или погашения судимости (п. 2¹ ст. 33). Тем же Законом (подп. 58 ст. 2) определено, *что сведения о судимости кандидата — сведения о когда-либо имевшихся судимостях с указанием номера (номеров) части (частей), пункта (пунктов), а также наименования (наименований) статьи (статей) Уголовного кодекса Российской Федерации, на основании которой (которых) был осужден кандидат, статьи (статей) уголовного кодекса, принятого в соответствии с Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, статьи (статей) закона иностранного государства, если кандидат был осужден в соответствии с указанными законодательными актами за деяния, признаваемые преступлением действующим Уголовным кодексом Российской Федерации.*

Анализ научных исследований обозначенных норм дает возможность сделать вывод об актуальности темы и вместе с тем о неполном ее раскрытии. Среди современных исследований следует выделить ряд научных работ Н.Ю. Турищевой [1, 2], в которых проведен анализ правоприменительной практики в части ограничения пассивного избирательного права в связи с судимостью граждан России, приведены примеры зарубежной законодательной практики по данному направлению.

Ситуация, в которой кандидат не указал в заявлении о согласии баллотироваться сведения о судимости, при том, что был обязан это сделать, в практике является достаточно распространенным явлением. В большинстве случаев последовательность событий следующая: кандидат не указывает в заявлении о согласии баллотироваться сведения о судимости; в соответствующую избирательную комиссию приходит ответ на запрос о судимости кандидата из органов внутренних дел, содержащий сведения о существующей в настоящее время или когда-либо имевшейся судимости; соответствующая избирательная комиссия принимает решение об отказе в регистрации кандидата. Подобные эпизоды в различных вариациях описаны и проанализированы в одной из статей Турищевой «Судимость как элемент правового статуса кандидата в депутаты» вопросы правоприменения» [2].

По нашему мнению, представляет интерес ситуация, при которой кандидат не указал сведения о судимости, что нашло подтверждение в информации, предоставленной органами внутренних дел, но после его победы на выборах

судимость была обнаружена. Следует сразу оговориться, что ограничений пассивного избирательного права на момент выдвижения у кандидата Д. (будем назвать его так) не было.

На основных выборах в законодательный (представительный) орган власти региона кандидат Д. был выдвинут политической партией по одномандатному избирательному округу. В заявлении о согласии баллотироваться он не указал сведения о своей ранее имевшейся судимости. Избирательная комиссия, организующая выборы (далее — комиссия), направила запрос в органы внутренних дел на предмет проверки указанных (неуказанных) в заявлении сведений. В установленный срок комиссия получила ответ, подтверждающий отсутствие у гражданина Д. судимости; в установленном порядке кандидат был зарегистрирован. В ходе голосования Д. получил относительное большинство голосов (44,1 %) избирателей на округе при явке в 44,5 процента избирателей и стал депутатом законодательного (представительного) органа региона.

После того, как результаты выборов были определены, кандидат А. (оппонирующий кандидат), который соперничал в округе с кандидатом Д., направил в суд заявление о нарушении избирательного права кандидатом, в котором было указано, что Д. в своем заявлении о согласии баллотироваться не указал сведения об имевшейся судимости, при том, что судимость была. Кандидат А. на основании подпункта «е» пункта 2 статьи 77 Закона об основных гарантиях просил суд отменить постановления комиссий о результатах выборов по одномандатному округу и общих результатах выборов. Данная норма предполагает, *что суд соответствующего уровня может отменить решение избирательной комиссии о результатах соответствующих выборов после определения результатов выборов в случае установления одного из следующих обстоятельств: установление иных нарушений законодательства Российской Федерации о выборах, если эти нарушения не позволяют выявить действительную волю избирателей.*

Таким нарушением, по мнению заявителя, стало неисполнение обязанности кандидата — указывать сведения о судимости в заявлении о согласии баллотироваться. Соответственно, комиссия не указала эти сведения в информации о кандидате на информационном стенде и в избирательном бюллетене. Кандидат А. посчитал, что такое нарушение не дает возможности достоверно определить волеизъявление избирателей, так как они не располагали полной информацией о кандидате Д., в частности о том, что Д. был осужден по уголовной статье, а если бы знали, то не отдали бы свои голоса за такого кандидата.

Проанализируем ситуацию с судимостью. Действительно кандидат Д. был осужден в 2000 году приговором районного суда по части 1 статьи 228 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее — УК РФ) к одному

² СЗ РФ. 1996 г. № 25. Ст. 2954.

году лишения свободы условно с испытательным сроком один год. При рассмотрении искового заявления А. в суде выяснилось, что такое решение было, но в связи с принятием Федерального закона от 5 января 2006 года № 11-ФЗ «О внесении изменений в статью 228 Уголовного кодекса Российской Федерации и о признании утратившим силу абзаца второй статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»³ и принятых во исполнение этого закона постановлений Правительства Российской Федерации, деяния, за которые Д. понес наказание в 2000 году, не признаются преступлением, а образуют состав административного правонарушения. В соответствии с частью 1 статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации «уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет».

Интересно отметить, что избирательная комиссия и представитель прокуратуры в ходе судебного заседания посчитали требования истца законными и подлежащими удовлетворению. Такая позиция имела под собой основанием право избирателей знать о том, что кандидат Д. совершил преступление.

Однако суд, принимая во внимание все обстоятельства, связанные с декриминализацией деяния, совершенного кандидатом Д., а также требование Закона об основных гарантиях указывать когда-либо имевшуюся судимость, если она в действующей редакции УК РФ является преступлением, отказал в удовлетворении исковых требований кандидата А. Состоятельность данного подхода была подтверждена и в апелляционном определении судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 21 июня 2017 года №13-АПГ17-3⁴. В частности, было отмечено, что, *«Отказывая в удовлетворении заявленных требований, суд первой инстанции правомерно не усмотрел в действиях Д. нарушений избирательного законодательства, обоснованно признал несостоятельным довод административного истца об обязанности в соответствии с требованиями пункта 2.1. статьи 33 Федерального закона № 67-ФЗ сообщить сведения о погашенной судимости по приговору районного суда от 2000 года по части 1 статьи 228 Уголовного кодекса Российской Федерации, как основанный на ошибочном толковании норм материального права.*

³ Парламентская газета. 13 января 2006 г. № 2-3.

⁴ Документ опубликован не был. Источник СПС «ГАРАНТ ЭКСПЕРТ»

Позиция суда первой инстанции основана на правильном применении норм законодательства, регулирующие возникшие отношения...

Сведения о судимости кандидата — сведения о когда-либо имевшихся судимостях с указанием номера (номеров) и части (частей), пункта (пунктов), а также наименования (наименований) статьи (статей) Уголовного кодекса Российской Федерации, на основании которой (которых) был осужден кандидат, статьи (статей) уголовного кодекса, принятого в соответствии с Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, статьи (статей) закона иностранного государства, если кандидат был осужден в соответствии с указанными законодательными актами за деяния, признаваемые преступлением действующим Уголовным кодексом Российской Федерации. Из содержания приведенной нормы следует, что федеральный законодатель обязывает кандидата сообщить сведения о своей судимости за уголовно наказуемые деяния, которые таковыми являются и на день подачи заявления о согласии баллотироваться кандидатом в депутаты.

Такое толкование согласуется с имеющими прямое действие положениями части 2 статьи 54 Конституции Российской Федерации о том, что в случае устранения ответственности за правонарушение — в связи с изменением смысла устанавливающего ее закона — этому изменению придается обратная сила...».

Наличие множества мнений по поводу изложенных судебных обстоятельств приводит к выводу о некорректности формулировки определения «сведения о судимости», изложенной в Законе об основных гарантиях, что создает сложности применения на практике. Как справедливо отмечает Н.Ю. Турищева, «Согласно положениям избирательного законодательства, сведения о судимости должны быть указаны лишь за те деяния, которые признаются преступлением действующим УК РФ. Оценка указанных обстоятельств, в том числе в случае, если кандидат был осужден по уголовному закону другого государства, вменяется в обязанность избирательной комиссии, осуществляющей регистрацию кандидатов и списков кандидатов» [2]. Данное суждение следует уточнить в части действующего УК РФ, а именно, в действующей редакции УК РФ.

В практике судебных органов до недавнего времени отсутствовал единый подход в разрешении подобных дел. Обратимся к обстоятельствам 2014 года, при которых гражданину было отказано в регистрации кандидатом в депутаты представительного органа муниципального округа, а в качестве самостоятельной причины для отказа был указан факт сокрытия судимости. Действительно, кандидат в декабре 1997 года был осужден за совершение преступления, предусмотренного статьей 200 «Обман потребителей» УК РФ (утратила силу на основании Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ), к шести месяцам исправительных работ с удержанием в доход государства десяти процентов заработной платы и освобожден от назначен-

ного наказания на основании статьи 78 данного Кодекса в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Кандидат обратился в суд, полагая в том числе, что не должен был указывать сведения о судимости, поскольку он хотя и был признан приговором суда виновным в совершении преступления, но, как лицо, освобожденное от наказания в связи с истечением срока давности, в силу части 2 статьи 86 УК РФ считается несудимым. Согласившись с таким доводом, суд первой инстанции *заявление удовлетворил* частично, признав отказ в регистрации кандидатом в депутаты незаконным в части его обоснования ссылкой на сокрытие кандидатом сведений о судимости, и исключив это обоснование из решения избирательной комиссии.

Апелляционным определением судебная коллегия по гражданским делам суда субъекта Российской Федерации *отменила* решение суда первой инстанции в указанной части, поскольку пришла к выводу, что *для целей Закона об основных гарантиях значение имеет сам факт осуждения кандидата за совершение преступления, а не те правовые последствия, которые возникают в связи с освобождением от назначенного судом наказания; факт постановления в отношении кандидата обвинительного приговора с последующим освобождением от наказания охватывается понятием «сведения о судимости», а потому тот был обязан указать в заявлении о согласии баллотироваться эту информацию, чего он не сделал, т.е. сообщил заведомо недостоверные о себе сведения*. Обращает на себя внимание тот факт, что деяние, за которое кандидат был осужден, на момент подачи заявления о согласии баллотироваться не являлось преступлением (было декриминализовано).

Вышеописанная ситуация стала предметом предварительного изучения Конституционного Суда Российской Федерации, который вынес определение от 10 марта 2016 года № 451-О⁵. Данным определением Конституционный Суд обоснованно отнес вопрос возникшего спора к компетенции судов общей юрисдикции.

В частности в пункте 5 мотивировочной части определения указано что: *«Проверка же законности правоприменительных решений по делу Д.В. Бабича, в том числе с точки зрения оценки отнесения или неотнесения в соответствии с действующей редакцией оспариваемых положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» к подлежащим представлению в избирательную комиссию не только сведений об имеющейся, снятой или погашенной судимости, но и сведений о вынесенном и вступившем в силу обвинительном приговоре, в частности в случае, если данным приговором гражданин освобожден от уголовного наказания, а равно как и установление того, было ли декриминализовано совершенное им деяние, к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, как она определена в статье*

⁵ Сайт Конституционного Суда РФ (<http://www.ksrf.ru>).

125 Конституции Российской Федерации и статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», не относится».

Тем не менее, интересна позиция Конституционного Суда, выраженная в пункте 3.2 мотивировочной части вышеуказанного определения: «Однако поскольку для целей избирательного законодательства сам факт совершения кандидатом того или иного преступления, установленный приговором, является обстоятельством, влияющим на оценку избирателями личности кандидата на выборную должность, постольку исполнение гражданином обязанности сообщить в заявлении о согласии баллотироваться по соответствующему избирательному округу сведения о вынесении в отношении него обвинительного приговора (наряду с освещением иных данных, таких как гражданство, сведения о размере и об источниках доходов кандидата, об имуществе, принадлежащем ему на праве собственности, о вкладах в банках, ценных бумагах и др., — статья 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации») выступает одним из условий реализации пассивного избирательного права.

Таким образом, нет оснований подвергать сомнению компетенцию федерального законодателя установить — в целях оценки избирателями репутации кандидата на выборную должность — требование о представлении лицом при его выдвижении в качестве кандидата сведений об осуждении с последующим освобождением от наказания. Данное требование, выступая в качестве условия реализации пассивного избирательного права, а не как его ограничение, конституционные права заявителя в указанном в жалобе аспекте не нарушает».

Если говорить о практике Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам рассматриваемой темы, нельзя оставить без внимания Постановление Конституционного Суда от 10 октября 2013 года № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части 6 статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова»⁶. Данным постановлением Конституционный Суд Российской Федерации обязал федерального законодателя определить сроки ограничения пассивного избирательного права для граждан, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, вместо пожизненного лишения пассивного избирательного права. Предписание было исполнено Федеральным законом от 21 февраля 2014 года № 19-ФЗ

⁶ Российская газета. 2013. 23 октября. № 238.

«О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷.

Состоятельность ограничения пассивного избирательного права для граждан, осужденных приговором суда за совершение тяжкого и (или) особо тяжкого преступления оговорена в пункте 4 мотивирующей части вышеуказанного Постановления Конституционного Суда: «...*За пределами уголовно-правового регулирования судимость приобретает автономное значение и влечет за собой не уголовно-правовые, а общеправовые, опосредованные последствия, которые устанавливаются не Уголовным кодексом Российской Федерации, а иными федеральными законами исходя из природы и специфики регулирования соответствующих отношений, не предполагающих ограничений уголовно-правового характера. В таких случаях возможные ограничения прав (в том числе связанные с занятием публичной должности), не будучи уголовным наказанием, тем не менее являются общеправовым последствием судимости, а потому сроки, на которые они вводятся, по общему правилу, также должны соответствовать срокам судимости*».

В пункте 3 постановляющей части документа предписано: «*Признать положения подпункт «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и части первой статьи 10 УК Российской Федерации в их взаимосвязи — в той мере, в какой данные законоположения по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, служат основанием для отказа в восстановлении пассивного избирательного права гражданам, которые были осуждены к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и судимость которых снята или погашена, в случае принятия нового уголовного закона, в соответствии с которым совершенные ими деяния более не признаются тяжкими или особо тяжкими преступлениями — не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 32 (части 1, 2 и 3) и 54 (часть 2)*».

К выводу о неоднозначном прочтении понятия «судимость» приходит и Турищева: «Допускаемое подчас смешение уголовно-правового и общеправового содержания понятия судимости при отсутствии четких критериев их разграничения для целей избирательного законодательства способно вызвать диаметрально противоположные подходы к оценке сходных обстоятельств» [2].

Проецируя данные суждения на конкретные ситуации, соответствующим образом должен трактоваться подпункт 58 статьи 2 Закона об основных гарантиях. В частности, слова «*признаваемые преступлением действующим Уголовным Кодексом Российской Федерации*» следует понимать как «действующей на момент подачи заявления о согласии баллотироваться редакции Уголовного кодекса Российской Федерации». Между тем эта

⁷ Российская газета. 2014. 25 февраля. № 44.

трактовка не очевидна и не вытекает из буквального прочтения данного в Законе об основных гарантиях определения, что не допустимо и требует реакции законодателя.

Основной вывод проведенного анализа норм и практик для организаторов и участников избирательного процесса состоит в следующем: *если у кандидата имелась судимость за преступление, которое в действующей на момент подачи заявления о согласии баллотироваться редакции Уголовного кодекса Российской Федерации не является преступлением, то и указывать сведения о такой судимости в соответствующем заявлении кандидат не обязан.*

Представляется, что данный вывод значительно расширяет круг пользователей пассивного избирательного права. Многие кандидаты не соглашались идти на выборы, понимая, что неограниченный круг людей узнает об имевшейся судимости. Более того, целый ряд политических партий отказывается выдвигать кандидатами ранее судимых граждан, вне зависимости от категорий совершенных преступлений (включая и судимости по декриминализованным статьям). Таким образом, политические партии получают право выдвигать кандидатов с декриминализованной судимостью без ущерба для репутации. Кандидаты, имеющие судимость по соответствующим статьям не обязаны ее обнародовать, избирательные комиссии не информируют избирателей об имевшейся (декриминализованной) судимости кандидата. Все участники реализации пассивного избирательного права получают дополнительные гарантии. Избиратели же будут лишены возможности знать о том, что кандидат имеет судимость по статье УК РФ, которая была исключена из категории тяжкой.

Список литературы

1. Турищева Н.Ю. Судимость как основание ограничения пассивного избирательного права // Государство и право. 2013. № 10. С. 63–71.
2. Турищева Н.Ю. Судимость как элемент правового статуса кандидата в депутаты: вопросы правоприменения // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 64–67.

ГЕОПОЛИТИКА ПОСТМОДЕРНА: ВОСПРИЯТИЕ ГИБРИДНЫХ ВОЙН И ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

***Аннотация.** Геополитика постмодерна — это феномен современного миропорядка, выстраиваемого по плану главного центра силы планеты — США. Одной из важнейших областей ее воздействия является культура, которая сама в известной степени, оказывает влияние на разработку геополитических доктрин в культурно-психологическом, информационном, идеологическом и аксиологическом отношениях. В связи с этим современная культура, которую определяют как постмодернизм, выступает орудием борьбы против геополитических противников США и, прежде всего, России. В данной статье рассматриваются постмодернистские методы утверждения англо-саксонской гегемонии в мире — гибридные войны и сопровождающие их технологии: «цветные» революции, преемственные, конценциальные войны и войны памяти. Даны примеры культурно-цивилизационной, правовой и моральной легализации войн нового типа.*

***Ключевые слова:** геополитика, постмодерн, гибридная война, преемственная война, конценциальная война, общественное сознание, мировое сообщество, цветная революция, геополитика внутреннего пространства.*

GEOPOLITICS OF POSTMODERNISM: PERCEPTION OF HYBRID WARS AND COLOR REVOLUTIONS IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS

***Abstract.** Postmodern geopolitics is a phenomenon of the modern world order, built according to the plan of the main center of the planet's power — the USA. One of the most important areas of its influence is culture, which itself, to a certain extent, has an impact on the development of geopolitical doctrines in cultural, psychological, information, ideological and axiological relations. In this regard, modern culture, which is qualified as postmodernism, is an instrument of struggle against geopolitical opponents of the United States and, above all, against Russia. This article discusses the postmodern methods of asserting Anglo-Saxon hegemony in the world-hybrid wars and their accompanying technologies: color revolutions, pre-emptive wars, hybrid wars and wars of memory. Special attention paid to the methods of cultural, legal and moral legalization of modern wars in multidimensional geopolitical space.*

Keywords: *geopolitics, postmodern, hybrid war, preemptive war, conscience war, globalization, public consciousness, color revolution, internal space geopolitics of the state.*

В военной науке и практике отмечается тенденция использования стратегий асимметричных непрямых действий, основанных на комбинации военных усилий с политическими, экономическими и информационными методами воздействия на противника для решения задач, которые прежде решались преимущественно военными методами. Данная тенденция проявила многомерный характер противоборства на международной арене, определяющий его воздействие на многие сферы общественной жизни государства: административно-политическую, социально-экономическую и культурно-мировоззренческую.

В условиях глобализации и информационно-технологической революции арсенал воздействия противника дополняется технологиями его символического уничтожения, направленными на духовные и ценностно-мотивационные сферы деятельности людей. Для понимания и осмысления характера современной войны главенствующую роль приобретает фактор, обуславливающий вторичность задач оккупации территории противника и захвата ресурсов в противовес задачам установления стратегического, всеохватывающего контроля над сознанием населения страны-мишени и получения полной власти над завоеванным государством.

Информационная война — мощное средство непрямого невоенного воздействия на политику отдельных государств и на международную обстановку в целом. Усиливается противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением США и НАТО использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения мирового господства. С этой целью в возрастающих масштабах используются технологии манипулирования общественным сознанием как населения собственных стран, так и стран-мишеней с привлечением многочисленных средств фальсификации истории и искажения фактов.

Ожесточенная борьба в информационно-коммуникационной сфере ведется в русле глобальной тенденции, отражающей переход современных конфликтов от классической линейной парадигмы военного противоборства к войне цивилизаций, в которых основное внимание уделяется трансформации ментальных смыслов существования народов. По утверждению западных политологов, в войне смыслов победитель не только занимает культурное пространство народа и возможность распоряжаться его ресурсами, но и завоевывает себе право определять его будущее.

На правах доминирующей геополитической силы США выстраивают мировой порядок, опираясь не столько на декларируемые американской администрацией военные доктрины, сколько в рамках геополитики пост-

модерна¹, используя стратегии не прямых действий, получившие название гибридных войн [1; 2]. Гибридные войны являются качественно новым уровнем геостратегического противоборства, стирающим привычные грани между состояниями войны и мира [3; 4; 5; 6; 7; 8].

Технология ведения таких войн направлена на дезорганизацию и разрушение экономики, политической и социальной сферы государства-жертвы агрессии, слом его суверенитета посредством «конструирования» марионеточных структур в его государственных институтах. Все это осуществляется с целью превращения страны-объекта воздействия в колонию и плацдарм для последующей «мягкой» экспансии.

Одной из важнейших областей гибридных операций является культура, культурно-цивилизационные ценности и смыслы населения страны воздействия. В связи с этим постмодернизм с сопровождающими его консюмеризмом, дегуманизацией, нравственным релятивизмом, а по сути, аморализмом, внедряемым в сознание людей нигилизмом, направленным на разрушение выработанных веками морально-нравственных основ человеческого общества (например, пропаганда однополых браков и однополых семей, которые имеют право на усыновление детей; ювенальной юстиции; толерантности, которая ущемляет права коренных народов государства) — насаждаемая США культурная парадигма как форма борьбы против геополитических противников. Оценивая состояние современной культуры, нужно учитывать наличие мощной англоязычной экспансии и попыток вестернизации культуры народов с традиционным укладом жизни.

Современная культура постмодерна — это культура микса, то есть смешения ценностей, установок, различных смыслов в создаваемых творческими элитами либеральной ориентации новых художественных продуктах. Так появился поп-арт, в котором культивируется эклектика и произвольное сочетание разнообразных деталей и предметов.

Гибридные угрозы — сочетание разнообразных тактик, стратегий и методов воздействия на сознание людей во всех сферах жизни населения страны-объекта агрессии. Они, подобно мифологической стоглавой гидре, подвижны и непредсказуемы. Сложно определить, от какой «головы» ждать нанесения жалеющего удара. Гибридизация методов войны нового типа характеризуется сочетанием «жесткой» военной силы со стратегией «мягкой» силы как системы дипломатических, экономических, юридических, политических и культурологических инструментов несилового воздействия на обстановку в государствах с целью оказания на них влияния, отвечающего интересам национальной безопасности США [1, с. 34]. В то же время методы «мягкого» воздействия сопрягаются с «жесткими» методами воздействия на

¹ Понятие «геополитики постмодерна» было введено в научный оборот философом А.Г. Дугиным. Геополитика постмодерна характеризовалась им как англосаксонское «масонство XXI века», которое насаждает свои ценности и установки по всему миру, разрушая традиционные культурные смыслы цивилизаций.

противника. Так, по наблюдению эксперта в области современных методов ведения гибридных войн А.В. Манойло, в украинской «цветной» революции использовались снайперы, которые, стреляя по участникам протестных акций, разжигали агрессивность толпы. Это можно рассматривать как сочетание информационно-психологического воздействия «мягкой силы» с элементом «жесткой» силы — действиями снайперов [8, с. 17].

Постмодернизм с его глобализаторской и популизаторской силой влияния создает мощное гибридное оружие в культурно-цивилизационной сфере по насаждению по всему миру философии реинтерпретации (изменения с целью искажения) смыслов традиционного общества. В искусстве это проявляется в экспериментах с готовыми художественными произведениями путем внесения в них чужеродных элементов с целью создания автором желаемого контекста. Таким образом, изначальный объект после таких манипуляций приобретает иное содержание.

В контексте ведения гибридных войн такой прием используется для оправдания и легитимизации в общественном сознании агрессивной сущности миротворческих операций с целью защиты прав человека и демократии, проведения гуманитарных миссий и интервенций [9]. Наглядно такая тенденция в геополитике постмодерна проявляется в трактовке «цветных» революций, которые часто рассматривают военные ученые в качестве подготовительной фазы гибридных войн.

«Цветная» революция — это технология подчинения государства через организацию государственного переворота. Однако это не революция в классическом смысле, когда меняется социально-политическая система государства. Предпосылки «цветной» революции, ее ход и итоги режиссируются и финансируются извне и служат реализации геополитических целей внешних субъектов международной политики. «Революционная» оппозиция также формируется под руководством внешних спонсоров. «Цветная» революция направлена, как заметил историк В. Багдасарян, на десоверенизацию государства и его встраивание в глобализированную мир-систему [3].

А.В. Манойло выявил общий механизм реализации технологий в «цветных» революциях на постсоветском пространстве, «бархатных» революциях в Восточной Европе и в «арабской весне» в Северной Африке. Все они внешне выглядят как настоящие политические революции и их итоги воспринимаются и принимаются мировой общественностью как законные. Оппозиционные «революционные» силы, сметающие дискредитированную легитимную власть, сразу же признавались победителями Соединенными Штатами Америки, а значит, и мировым сообществом еще до их окончательной победы и утверждения на политическом олимпе государства [10]. Манойло выделяет некоторые особенности «цветных» революций, которые отличают их от классических революций. Среди них — отсутствие в подобных явлениях идеологии смены социально-политического режима, что

связано с особенностями постмодернизма, отрицающего всякую идеологию и заменяющую ее симулякрами, генерируемыми средствами массовой информации [8].

Постмодернизм делает ставку не на содержание, а на изменчивость форм, при этом содержание как таковое, уходя на второй план, теряет ценность, и с ним можно выполнять любые манипуляции. В то же время современная массовая культура предполагает снижение культурной, интеллектуальной планки подачи материала для аудитории. Для доступности информация для широкой аудитории не должна требовать больших интеллектуальных усилий у зрителя и слушателя, воздействуя исключительно на эмоции потребителя контента.

В результате в постмодернистскую эпоху не появилось ни одной принципиально новой идеологии или системы целостных взглядов, претендующих на цивилизационную значимость. Вместо идеологии постмодернизм предлагает приносящий коммерческую прибыль яркий «пиар» с размытыми, нечеткими и предельно широкими интерпретациями идей и смыслов, искажающих как историческую картину, так и современное понимание окружающего мира. Поэтому в «цветных» революциях нет идеологической базы. По замечанию В. Багдасаряна, лидеры ни одной «цветной» революции не выдвинули собственной программы социально-политического переустройства страны. Все сводилось к провозглашению популистских лозунгов, невыполнимых обещаний и культивирования мифов о вхождении в семью «цивилизованных народов». Это позволяло привлечь в оппозиционные ряды различные слои общества и создать видимость широкого фронта противодействия действующему режиму. Например, во время «болотной революции» в Москве «белоленточники» пытались «связать» А. Навального, либералов, «лимоновцев» и «леваков», причисляющих себя к коммунистам, во главе с С. Удальцовым, в единый фронт оппозиции власти [3].

Вместо выдвижения собственной идеологической программы лидеры «цветной» революции пытаются аккумулировать протестные настроения в обществе, связанные с развитием демократии, защиты прав человека и формированием гражданского общества, низвержением авторитарного антидемократического режима и борьбой с коррупцией.

За неимением идеологии, призванной побуждать народ к действию, идеологи постмодерна делают ставку на яркие перформансы и симулякры. Эпатируя и шокируя людей, они провоцируют и подстегивают протестные движения для организации «цветных революций». «Арабская весна» началась в 2011 году с акции самосожжения тунисца Мохаммеда Буазизи в знак протеста против коррупции. «Евромайдан» на Украине сопровождался перформансом — раздачей участникам протестов булочек и печенья сотрудницей Государственного департамента США Викторией Нуланд. Протестное движение приобретает форму постмодернистского флэшмоба. Толпа, как правило, формируется через социальные сети. Движущей силой

выступает так называемый «креативный класс», представленный, в основном, молодежью, состоящей преимущественно из «офисного планктона» и маргиналами, ведущими социальную войну с собственным государством. Но все эти социальные страты малочисленны и неспособны к критическому восприятию идей, ради которых организаторы «цветной» революции подвигли их на протестные акции.

Применение насилия в ходе самой «цветной» революции носит второстепенный характер. Но в случае активного противодействия властей ее применение становится необходимым фактором, позволяющим оппозиции призывать внешних вдохновителей и спонсоров «цветной» революции к проведению «миротворческой операции» для свержения действующего антинародного режима. Как показывает исторический опыт, итогом всех «цветных» революций является приход к власти прозападных марионеточных режимов, которые переводят страну под внешнее управление. Страна де-факто становится неоколонией и одновременно плацдармом или государством-инициатором организации новых «цветных» революций и локальных конфликтов в регионе [11].

Член-корреспондент Академии военных наук А.А. Бартош отмечает, что «цветная» революция — это, прежде всего, мощное информационное воздействие на граждан страны-объекта агрессии с целью формирования управляемой толпы, которая должна свергнуть правительство и привести государство под внешнее управление [2]. В то же время, в массовом общественном сознании этот процесс разрушения законных демократических режимов воспринимается как акт народного волеизъявления и настоящая революция. Это наглядно демонстрирует еще одну особенность современной массовой культуры и специфику ее восприятия общественным сознанием — интерпретация переходит в инверсию традиционных смыслов. Когда черное воспринимается белым, а традиционно-положительные образы — отрицательными, и наоборот.

Здесь массовая культура, ее информационно-семантическое поле зачастую используется как гибридное оружие войны нового типа. С одной стороны, это концентрированное оружие, направленное на слом исторического кода памяти народа и уничтожение объективной трактовки мировой истории. С другой, взаимосвязанное с первым морально-правовое оружие, когда откровенная ложь становится правовым основанием для вооруженной агрессии, ареста иностранных граждан и экономического давления на государство [1].

Здесь уместно вспомнить еще об одном детище геополитики постмодерна — презэмптивной войне. Это доктрина, разработанная в годы правления президента США Дж. Буша-младшего, предполагала подготовку войн на опережение против государств, которые могут представлять потенциальную угрозу Соединенным Штатам в будущем. Ведение таких войн организуется по следующей схеме: смена политического режима в ходе «цветной» революции или силовой акции, культурно-конфессиональная перекодировка

населения побежденной страны, создание новых государственных институтов и установление контроля над природными и демографическими ресурсами государства [12, с. 743]. При этом контроль над ресурсами передается транснациональным корпорациям без какого-либо сопротивления со стороны бывшего собственника — народа данной страны. Результаты классической войны могут быть со временем пересмотрены, но результаты преэмптивной войны закрепляются навсегда, так как исчезает с политической арены субъект, который может оспорить свое поражение [13, с. 20].

Одним из важнейших целей такой войны является создание в соответствии с западной моделью демократии нации, потерявшей волю к сопротивлению. Президент Академии геополитических проблем Л.Г. Ивашов отмечал, каким образом идеологи геополитики постмодерна пытаются это осуществить: «подавив или размыв духовный стержень народа, сам народ легко можно купить, колонизировать, уничтожить» [6, с. 769]. Насажение чуждых ценностных, зачастую противоречащих национальным традициям ориентиров лежит в основе любых экономических проектов, политических требований, которые выдвигаются в ходе гибридных операций. Трансформировав в соответствии со своими интересами геополитический объект (народ, государство, политическую элиту) в духовно-цивилизационном смысле, англосаксы стремятся добиться реализации своих амбициозных внешнеполитических целей.

Преэмптивным воздействиям, по мысли Л.Г. Ивашова, страна может сопротивляться, пока существует историческая память о победах над врагами и достижениях своего государства [7, с. 769]. Недаром на Западе и в России определенными силами продолжается упорная война по внедрению в общественное сознание наших граждан негативных мифов об отечественной истории. Для определения данного явления в историографии имеется еще одно специальное обозначение — «войны памяти» [14, 15, 16]. Этим и объясняется появление кощунственных творений постмодернистского свободного от морали и совести кино вроде оскверняющего историческую память фильма «Смерть Сталина» или комедии про блокадный Ленинград под названием «Праздник», целью которых является разрушение историко-нравственного кода восприятия Великой Отечественной войны. А это направлено на достижение главной цели гибридной войны против России — нивелирование ее роли во Второй мировой войне. Свидетельством этому является приравнивание в резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 года советского коммунизма к фашизму, признания Бандеры и Петлюры национальными героями Украины, снос памятников советским полководцам и солдатам-освободителям на Украине, в Прибалтике и Польше при молчаливом одобрении международной общественности.

Крушение историко-моральных ориентиров приводит к использованию двойных стандартов и односторонним историческим трактовкам, свидетельствующим об избирательном культурно-правовом плюрализме. Как

отмечает Н.А. Нарочницкая, США добились международного юридического обоснования актов собственного международного терроризма: бомбардировок Сербии, Ирака, Афганистана [12, с. 485]. Систематическое и безнаказанное нарушение основ международного права привело к изменению его идейной концепции и роли контролирующих его институтов. Можно сказать, что международные институты превратились в своеобразные химеры международного права, санкционировавшие войну против Югославии, ее расчленение, произвол «Гаагского трибунала», оказавшегося правовой химерой после его отказа от презумпции невиновности обвиняемых и следования доказательной базе, что, по сути, убило законного президента Сербии С. Милошевича.

В новом глобалистском международном праве понятие «суверенитет» было заменено на концепцию «относительного» суверенитета и оценку эффективности государства в сфере соблюдения демократических норм. И это происходит на фоне превращения «НАТО под эгидой США в военно-политический каркас ойкумены от Атлантики до Урала» [13, с. 487].

Международное право в трактовке глобалистов стало инструментом гибридной войны. Принцип презумпции невиновности приобрел избирательный характер, который в международном правовом поле на Россию не распространяется. Наша страна априори назначается ответственной за все события на международной арене — от вмешательства в выборы американского президента до событий в Венесуэле. Это органично вписывается в философскую канву постмодернистского осмысления бытия — философию абсурда. Один из ее разработчиков, французский философ-экзистенциалист Ж.-П. Сартр так выразил абсурдистскую суть понимания бытия: «Все происходящее не имеет ни повода, ни причины, ни необходимости» [17]. Бессмысленное, которое умом постичь нельзя, воспринимается на эмоциональном уровне в форме ужаса и шока на экране телевизора и компьютера и тем самым обретает достоверность. Примером этому являются «химические атаки» в Сирии и чудесное спасение детей «белыми касками», которые, собственно, и поставили этот спектакль. Во время Пятидневной войны на территории Южной Осетии в 2008 году по европейским каналам транслировали сюжет про осетинскую женщину, сына которой задавили танками грузинские военные, однако, перевод был совершенно иной — перед европейским зрителем была представлена жительница грузинского города Гори, сына которой убили российские миротворцы.

На правовой и информационный беспредел наслаивается еще одна особенность постмодернизма — нигилизм, попирающий традиции и авторитеты. Нигилизм в информационном поле гибридного воздействия сопряжен с откровенной ложью и отсутствием социальной ответственности за ее распространение.

В свое время Н.А. Нарочницкая выявила четко выраженную тенденцию восприятия в массовом сознании динамики гибридных войн: «Каждая новая

геополитическая перестройка регионов в единый мир под англосаксонской эгидой заставляет меркнуть потрясения предыдущих лет» [12, с. 513]. Например, развал СССР привел к эффекту ухода на дальний план в памяти мировой общественности процесс объединения Германии. Война США в Афганистане привела к формированию восприятия экспансии НАТО на восток Европы как к событию второстепенного масштаба. Этот эффект от информационно-психологического воздействия на мировое сообщество позволяет глобализаторам успешно замалчивать свои военные преступления, стирая их из памяти мировой общественности.

В ходе расследований специальной комиссии стран антииракской коалиции в 2004 году по горячим следам войны было установлено, что у Ирака не было оружия массового поражения. Именно из-за обвинений в его наличии началась агрессия США и их союзников против данной страны, был отстранен от власти, а впоследствии и казнен ее президент С. Хусейн. При этом комиссия внедряло этот факт в общественное сознание как «дело прошлое». Это говорит о том, что эффект «забывания» не менее опасен, чем попираание норм международного права, поскольку позволяет США безнаказанно осуществлять свои «гуманитарные миссии» по всему миру.

Геополитика постмодерна — это процесс утверждения англо-саксонской гегемонии на основе применения стратегии управляемого хаоса или контролируемой нестабильности. Этот процесс очень жестокий по отношению к другим народам и странам, беспрецедентный по своему масштабу, аморализму, вседозволенности, безнаказанности и, в то же время, уникален по разнообразию арсенала военных и невоенных методов.

Здесь важно учитывать то обстоятельство, что успехи геополитики стран Запада во многом обуславливаются пассивностью мирового сообщества. Международное общественное сознание находится под влиянием методов информационно-психологического воздействия Запада. События на Ближнем Востоке, в Сирии, на Украине, как и инцидент в Керченском проливе, в западном общественном сознании имеют четкую и неопровержимую антироссийскую оценку. Некритичное восприятие геополитики Запада международным сообществом, по сути, легализует любые действия США в моральной, правовой и культурно-цивилизационной сферах. На этом фоне ООН, Европарламент, ПАСЕ и прочие международные организации превратились, практически, в подконтрольные службы США и НАТО, которые оформляют мандаты на осуществление военных операций против суверенных государств.

Средствами ведения геополитики постмодернизма являются гибридные войны и «цветные» революции, нацеленные не только на слом суверенитета государств и превращение их в подобие «банановых» республик, но и на перекраивание цивилизационных кодов народов в соответствии с моделями западной демократии, что влечет за собой, по существу, их постепенное уничтожение. Дело здесь не только в отчуждении народа страны от ее ре-

сурсов, что характерно для колониальной или неоколониальной политики. Культурно-конфессиональное переформатирование народов приводит к утрате выработанных историей ориентиров и ценностей, исторической памяти, являющимися цивилизационными скрепами нации.

Контрагентами постмодернизма являются традиция и консерватизм, в том числе и в геополитике, направленные на обеспечение национальных интересов страны. В связи с этим выход из сложных, многоуровневых лабиринтов геополитики постмодерна для России видится в защите интересов собственного народа. В центре внимания должны быть здравоохранение, демография, образование, отечественная история, социальная сфера, благосостояние граждан нашей страны, словом, все те сферы, которыми в контексте противостояния внешним гибридным воздействиям занимается геополитика внутреннего пространства или политическая регионалистика, на актуальность которой обращают внимание отечественные политологи [18].

Геополитика внутреннего пространства — это российский ответ на геополитику постмодерна. Ее результативность была доказана еще в 1940-х годах Советским Союзом, когда сначала Европа под эгидой Третьего рейха пошла «крестовым» походом против СССР, а после окончания Второй мировой войны США и их партнеры строили планы по уничтожению нашей страны с применением ядерного оружия. После появления новой России на международной арене эти методы дополнились экономическими, политико-дипломатическими и информационно-идеологическими акциями.

В заключение следует отметить, что России необходима программа развития, которая превратит ее в великую державу, не зависящую от экспорта энергоресурсов, в страну с передовыми образованием, наукой и развивающимся благосостоянием своих граждан. Укрепление государства за счет его устойчивого экономического и социально-политического развития является единственным надежным направлением защиты от гибридных воздействий со стороны геополитических противников и конкурентов.

Список литературы

1. Бартош А.А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция. М., 2018. 284 с.
2. Бартош А.А. Ускорители гибридной войны // Военно-промышленный курьер. 2018. № 4 (759). URL: <https://vpk-news.ru/articles/46584>.
3. Багдасарян В. Классические революции и цветные революции: типологические различия // Геополитика.ru. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/klassicheskie-revolyucii-i-cvetnye-revolyucii-tipologicheskie-razlichiya>.
4. Балашин В. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики ряда зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 3. С. 34–36.
5. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна // Геополитика.ru. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/geopolitika-postmoderna>.
6. Ивашов Л.Г. Геополитика Русской цивилизации / Отв. ред. О.А. Платонов / М., 2015. 800 с.

7. Клименко С. Теория и практика ведения «гибридных войн» // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 5. С. 109–112.
8. Манойло А.В. Гибридные войны и «цветные» революции в мировой политике // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. № 4 (29). С. 7–19.
9. Манойло А.В. Убить котенка, или технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях // Международные отношения. № 2. С. 197–202, DOI: 10.7256/2409-8671.2015.3.15973.
10. Манойло А.В. Основы теории современных информационных войн // Геополитический журнал. 2017. № 4 (19). С. 3–23.
11. Манойло А. В. Современные политические конфликты: право на вмешательство // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 178–188.
12. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. 536 с.
13. Россия в XXI веке. Материалы годового собрания Академии геополитических проблем. М., 2012. 120 с.
14. Чураков Д.О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом. М., СПб., 2018. С. 421–431.
15. Чураков Д.О. Новейшая историография противодействия современным локальным гибридным войнам со стороны истории России // Преподаватель XXI век. 2017. № 2. Ч. 2. С. 277–286.
16. Чураков Д.О. Учебник истории и «войны памяти» на постсоветском пространстве // Преподаватель XXI век. 2013. № 3, Ч. 1. С. 21–27.
17. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической философии. / Пер. с фр. В.И. Колядко/ М., 2000. 639 с.
18. Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 2013. № 8 (476). URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632>.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ В УСЛОВИЯХ ВЗАИМНЫХ САНКЦИЙ

***Аннотация.** В статье рассматриваются основы интеграционных процессов между Россией и Евросоюзом, включая этапы становления и развития двусторонних политико-правовых и экономических отношений, а также основополагающие документы двустороннего сотрудничества. Проанализированы основные проблемы, возникшие в результате «украинского кризиса». Освещены ряд аспектов, касающихся сотрудничества в сфере образования, науки, культуры, космоса, энергетической и газовой сферы, а также возможные сценарии развития дальнейших отношений на ближайшую и среднесрочную перспективы.*

***Ключевые слова:** Россия, Европейский Союз, интеграционные процессы, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, «дорожные карты», политические и экономические отношения.*

INTEGRATION PROCESSES BETWEEN RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION IN THE CONDITIONS OF MUTUAL SANCTIONS

***Abstract.** The article discusses the basics of integration processes between Russia and the European Union, including the stages of formation and development of bilateral political, legal and economic relations as well as the basic documents of bilateral cooperation. The main problems arising from the “Ukrainian crisis” are analyzed. A number of aspects related to cooperation in the field of education, science, culture, space, energy and gas, as well as possible scenarios for the development of further relations in the near and medium term are highlighted.*

***Keywords:** Russia, European Union, integration processes, Agreement on partnership and cooperation, road maps, political and economic relations.*

Цивилизационные особенности России были и остаются стержнем ее сложных и временами конфликтных отношений с Западной Европой, особенно после введения санкций. По расовой принадлежности, происхождению, образу жизни, религии, культуре и самоидентификации русские, бесспорно, принадлежат к семье европейских народов. Однако в силу особенностей

среды обитания и истории они всегда отличались от жителей западной части континента.

В эпоху «холодной войны» отношения с западными странами поддерживались преимущественно в форме двусторонних связей с отдельными государствами. Что касается новых многосторонних и наднациональных образований, созданных западноевропейскими странами (НАТО и Европейского Союза), то они рассматривались советским руководством через призму непримиримого противостояния двух систем, как орудие борьбы против социалистического лагеря в соответствующих областях. В силу этого отношение СССР и его союзников к Европейскому союзу было враждебным. Оппоненты отвечали взаимностью и упорно отказывались признать Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), на чем настаивали социалистические государства.

Еще во время становления «европейской идеи» многие ее сторонники были против участия России в общей интеграции. Одной из целей будущего союза виделась борьба с «имперскими устремлениями» Российской империи. На исходе XIX столетия один из сторонников этой точки зрения Стефано Ясини утверждал, что существует «безусловная необходимость образования полуфедеральной организации государств, способной противостоять двум колоссальным гигантам, формирующимся на пороге нового столетия, России, неудержимой в Азии, и Соединенным Штатам Северной Америки, каждый из которых обладает более 100 миллионами жителей» [1, с. 18]. Опасение огромной экономической и военной мощи России, способной «поглотить» небольшие государства Западной Европы, разделяли и многие другие сторонники европейского единства.

Развитие европейского интеграционного пространства в конце XX века существенно изменило облик Европы. Всего за 50 лет Европейский Союз превратился из договора о сотрудничестве в целях предупреждения военных конфликтов и создания общей основы экономического развития в настоящий экономический союз, обладающий собственным аппаратом управления и осуществляющий деятельность в различных сферах общественной жизни. По мере его развития и укрепления в научных кругах СССР и других социалистических стран стало созревать понимание того, что европейская интеграция — объективно прогрессивное явление. По мнению части исследователей, экономические интересы самих социалистических стран делали целесообразным установление официальных отношений с Европейским сообществом.

Практическая реализация этих взглядов стала возможной лишь после начала перестройки в СССР. 25 июня 1988 года в Люксембурге была подписана Декларация об установлении официальных отношений между Европейским союзом и СЭВ. Эта Декларация ознаменовала собой юридическое признание Совета с входящими в него странами и предоставила СССР возможность выйти за узкие рамки торговых взаимоотношений внутри СЭВ и сделать

важный шаг на пути к нормальным международным отношениям. В феврале 1989 года в Брюсселе было подписано первое в истории соглашение между Советским Союзом и ЕС — Соглашение о торговле и коммерческом и экономическом сотрудничестве. Оно предусматривало устранение количественных ограничений на импорт товаров из СССР (за исключением угля, стали и текстиля) [2, с. 4].

После распада Советского Союза возникла объективная необходимость в создании адекватной договорно-правовой базы отношений между Европейским Союзом и Российской Федерацией. Эта задача была решена посредством заключения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (далее — Соглашения или СПС), которое было подписано в июне 1994 года на острове Корфу и в связи с четвертым расширением Европейского Союза вступило в силу некоторой отсрочкой — в декабре 1997 года. Тогда в ЕС вступили Швеция, Австрия и Финляндия, которые также обязаны были ратифицировать СПС.

В качестве перспективной цели в преамбуле Соглашения о партнерстве и сотрудничестве было названо создание зоны свободной торговли. Однако, стороны не взяли на себя никаких обязательств в этом отношении: было зафиксировано лишь их намерение изучить целесообразность начала переговоров по этому вопросу после 1998 года. В результате в 1999 году стартовали двусторонние переговоры, которые откладывались несколько раз, но в итоге — к декабрю 2010 года, все проблемные вопросы были урегулированы: на Брюссельском саммите был подписан соответствующий меморандум и 22 августа 2012 года Россия вступила во Всемирную торговую организацию (ВТО).

В СПС затронуты три главные сферы взаимоотношений: политическая, торгово-экономическая и культурная. Его положения предполагают развитие таких сфер, как торговля товарами и услугами, политические отношения, развитие бизнеса и инвестиционного сотрудничества, взаимодействие в законодательной и финансовой сферах. Наиболее продвинутыми являются положения о политическом диалоге. Для его осуществления была создана система совместных институтов: регулярные (дважды в год) встречи на высшем уровне (Президент Российской Федерации, Председатель Совета и Председатель Европейской комиссии); Совет сотрудничества; Комитет парламентского сотрудничества; Комитет сотрудничества — рабочий орган, практически организующий всю работу по реализации СПС [2, с. 13]. С весны 2014 года Европарламент в одностороннем порядке приостановил участие в работе Комитета парламентского сотрудничества в связи с введением санкций в отношении России.

Наибольший интерес для нашей страны представляет создание Общеввропейского экономического пространства (ОЭП), целью которого было формирование открытого и интегрированного рынка между Европейским Союзом и Россией. Основная задача ОЭП заключалась в создании условий

для расширения возможностей экономических агентов, содействию развитию торговли и инвестиций, облегчении взаимодействия компаний на рынках обеих сторон, сотрудничества в сфере энергетики, сельского хозяйства и транспорта, охраны окружающей среды¹.

Кроме того, стороны предприняли попытку создать на основе принципов равноправия и взаимности правовые рамки развития предпринимательской деятельности; учреждения компаний на территории друг друга; создания благоприятных условий для инвестиций, платежей и движения капитала. СПС предусматривало также развитие экономического сотрудничества в различных отраслях, включая промышленную кооперацию, научные исследования, атомную промышленность, транспорт и социальную сферу [2, с. 21].

За годы существования СПС наиболее значительные успехи были достигнуты в области политического диалога. Институциональная структура, предусмотренная в Соглашении, была дополнена регулярными встречами между Председателем Правительства России, с одной стороны, и премьер-министром председательствующего в Европейском союзе государства и председателем Европейской комиссии — с другой. На саммите Россия-ЕС в Лондоне в 2005 году была достигнута политическая договоренность о заключении нового соглашения, призванного заменить СПС. С момента начала переговоров в 2008 году состоялась 12 переговорных раундов. В настоящее время в связи с введением санкций в отношении России переговоры по инициативе ЕС заморожены.

Следующим важнейшим шагом в становлении взаимоотношений между Россией и Европейским Союзом стали принятые в 2005 году на саммите Россия-ЕС в Москве «дорожные карты», определившие общие пространства взаимного сотрудничества: экономика; свобода, безопасность и правосудие; научные исследования и образование, включая культурные аспекты и внешняя безопасность.

Общее экономическое пространство определяет направления сотрудничества и регулирования в области промышленной продукции (стандартизация, техническое регулирование и процедуры оценки соответствия), телекоммуникаций, транспорта, энергетики, космоса и охраны окружающей среды.

Пространство свободы, безопасности и правосудия охватывает вопросы миграции рабочей силы, облегчения визового режима, пограничного сотрудничества, противодействия терроризму, борьбы с трансграничной преступностью и наркобизнесом.

Сфера внешней безопасности определяет такие сферы применения, как диалог и сотрудничество на международной арене, борьба с терроризмом, нераспространение оружия массового уничтожения и средств его доставки,

¹ Отношения России и Европейского Союза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://guxpert.ru/> Отношения России и Европейского Союза (дата обращения: 15.03.2019).

усиление режимов экспортного контроля и разоружение, сотрудничество в кризисном регулировании в области гражданской защиты.

Сотрудничество в науке и образовании, включая культурные аспекты, затрагивает взаимодействие в области научных исследований и технологий, предусматривает построение общего образовательного пространства, сотрудничество в сфере культуры.

Таким образом, «дорожные карты» создают условия для конкретной деятельности государственных структур стран Европейского Союза и России. Однако, не закреплённая при подписании юридическая обязательность этих документов не позволила достичь реального прогресса в их реализации.

Начиная с марта 2014 года, Европейский Союз постепенно вводил ограничительные меры в отношении России. Эти меры принимались в ответ на аннексию Крыма и дестабилизацию политической ситуации на Украине и заключались в следующих ограничениях:

- дипломатические меры (отмена саммита ЕС-Россия, приостановка переговоров о вступлении России в Организацию экономического сотрудничества и развития и т.д.);
- ограничительные меры в отношении отдельных лиц (замораживание активов и запрет на поездки);
- ограничение экономических отношений с Крымом и Севастополем;
- экономические санкции;
- ограничение экономического сотрудничества.

Камнем преткновения в отношениях России и ЕС и одной из причин продления санкций остается Украина. Россия и Европейский Союз по-разному оценивают причины кризиса во взаимных отношениях, а также причины украинского кризиса и текущие события вокруг него. Евросоюз считает политику России в отношении Украины главной причиной кризиса российско-европейских отношений. Россия полагает, что причины кризиса назрели задолго до украинских событий вследствие накопившихся проблем между Россией и Западом, ключевая из которых, с точки зрения России — расширение НАТО на восток и невнимание к интересам безопасности России. Россия расценивает события на Украине 2014 года как государственный переворот, который несет потенциальную угрозу русскоязычному населению и этническим русским, проживающим на Украине. Европейский Союз считает выступления 2014 года народным протестом против режима. Но при этом, и Россия, и Евросоюз выступают за разрешение украинского кризиса и реализацию Минских соглашений, имея разные подходы. Европейская сторона считает, что политика России не позволяет осуществить реализацию Минских соглашений, а Россия, в свою очередь, полагает, что политика Украины блокирует возможность выполнения вышеупомянутых соглашений [3, с. 17].

Но, несмотря на весь спектр взаимных проблем и сложностей, Россию и ЕС в настоящее время связывают интенсивные торгово-экономические

отношения. В 2018 году доля Европейского Союза составила примерно 45 процентов от общего объема российской внешней торговли. Для ЕС Россия — четвертый по величине торговый партнер, на которого в 2018 году пришлось около 6 процентов внешней торговли Евросоюза. После заметного сокращения в 2014–2016 годах товарооборот между Россией и Европейским союзом вновь начал расти и в 2018 году составил 246,5 млрд долларов США — на 20 процентов превысив значения 2017 года².

Европейский Союз также является ключевым инвестиционным партнером России. По данным Центрального Банка России, общий объем накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Россию составил 235,2 млрд евро в 2018 году [4, с. 40]. Тем не менее доля Евросоюза в общем объеме накопленных ПИИ в России сокращается: с 73 процентов в 2014 году до 64,7 процента в 2018 году [4, с. 41]. Кроме того, Россия стабильно занимает место основного поставщика энергоносителей для ЕС и активно развивает отраслевые диалоги (более 13) со странами Евросоюза. Одним из важнейших подобных диалогов является транспортный проект «Северное измерение», в рамках которого Россия ведет региональное сотрудничество на проектной основе с ЕС, Исландией и Норвегией.

Политика Евросоюза в области энергетики, в том числе в отношении такого важного партнера, как Россия, основана на концепции Энергетического союза, целью которой является повышение безопасности, доступности и экологичности энергии. Стратегия Европейского Союза по Энергетическому союзу состоит из пяти взаимосвязанных аспектов, дополняющих друг друга:

- безопасность, солидарность, доверие;
- полностью интегрированный внутренний энергетический рынок;
- энергоэффективность;
- влияние на климат — снижение углеродных выбросов предприятиями;
- исследования, инновации и конкурентоспособность.

В Энергетический диалог также входит природоохранный аспект, так как диалог нацелен на снижение воздействия энергетической инфраструктуры на окружающую среду, поощрение процесса открытия энергетических рынков, содействие проникновению на рынки более экологически безопасных технологий и энергоресурсов, а также продвижение энергоэффективности и энергосбережения.

В газовой сфере Россия и Европейский Союз активно сотрудничают по совместному проекту «Газопровод Ямал-Европа». 5 апреля 2013 года представители ОАО «Газпром» и АО «ЕвРоПол ГАЗ» подписали Меморандум о взаимопонимании. Документ предусматривает реализацию проекта «Ямал-Европа-2» через территорию Польши в направлении Словакии и Венгрии мощностью не менее 15 млрд кубометров газа в год. Газопровод

² Отношения России и Европейского Союза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://guxpert.ru/> Отношения России и Европейского Союза (дата обращения: 15.03.2019).

позволил увеличить транзитные мощности для поставок газа в Европу, а также сократить издержки при его транспортировке³.

Кроме энергетического и торгово-экономического диалога Россия и Европейский Союз к настоящему времени взаимодействуют по более чем 13 проблемам. В рамках каждой из них по согласованию сторон созданы рабочие группы и подгруппы по конкретным направлениям взаимодействия. Для обсуждения значимых вопросов сотрудничества и согласования планов действий предусмотрены встречи координаторов диалогов. Стратегические задачи развития общения должны определяться на заседаниях Постоянных советов (ПСП) на уровне министров и членов Еврокомиссии.

Позитивную роль в развитии отраслевых взаимоотношений сыграла Инициатива Россия-ЕС «Партнерство для модернизации» (ПМ), официально запущенная в ходе саммита Россия-ЕС в Ростове-на-Дону (май–июнь 2010 г.) [4, с. 26].

Одной из важнейших коммуникаций в настоящее время стал Диалог по региональной политике, ключевой темой которого является взаимодействие России и Европейского Союза в регионе Балтийского моря. Сформирована экспертная группа, рассматривающая возможности сотрудничества в регионе на основе схожих приоритетов российской «Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года» и «Стратегии ЕС для региона Балтийского моря». В качестве предпочтительных направлений определены инновации, поддержка малого и среднего предпринимательства, экология, вопросы социальной политики, транспорт и гражданская защита.

Россия и Европейский Союз сотрудничают в рамках пяти программ приграничного сотрудничества (ППС) на основе подписанных в 2009 году Правительством России и Еврокомиссией соглашений. ППС — основной формат взаимодействия приграничных регионов России с регионами Латвии, Литвы, Польши, Финляндии, Швеции, Эстонии, а также Норвегии. Его программы способствуют расширению прямых межрегиональных контактов, социально-экономическому развитию приграничных территорий, позволяют модернизировать приграничную инфраструктуру. В рамках ППС реализовано более 200 проектов.

В мае 2011 года был запущен и функционирует в настоящее время Миграционный диалог Россия-ЕС. Он предусматривает обмен мнениями по вопросам легальной миграции, предоставления убежища и иных форм международной защиты. Для наращивания взаимодействия в рамках данного диалога на регулярной основе проводятся экспертные тематические сессии по вопросам, представляющим взаимный интерес. 4–5 апреля 2019 года в Софии была проведена очередная встреча, посвященная вопросам противодействия нелегальной миграции.

³ Там же.

Особый интерес представляет сотрудничество России и Европейского Союза в сфере образования, которое основывается на принципах Болонского процесса Совета Европы, членом которого Россия является с 2006 года. Благодаря этому процессу европейские страны, вузы и другие участники имеют возможность на постоянной основе адаптировать национальные системы высшего образования в рамках Европейского пространства высшего образования.

Единые критерии квалификаций, относящиеся к высшему образованию и действующие по всей Европе, позволяют жителям участвующих стран свободно выбирать вузы, рабочие места, сферы деятельности и страны, делая, таким образом учебный процесс более адаптированным к требованиям постоянно меняющегося рынка труда. Основная цель этих критериев — повышение мобильности персонала и студентов и содействие занятости населения. Студенческие и научные программы обмена в России способствуют укреплению межчеловеческих контактов между Россией и Европейским Союзом. По участию в учебных программах Евросоюза Россия занимает ведущие позиции среди государств, не являющихся членами Европейского Союза.

9 октября 2015 года на площадке научно-исследовательского института «Курчатовский институт» была запущена программа сотрудничества между Россией и ЕС под названием «Кремлин». Это — проект развития международного научно-технического сотрудничества в области установок класса «мегасайенс». В консорциум «Кремлин» вошли: Немецкий синхротронный центр DESY, НИЦ «Курчатовский институт, Институт кристаллографии РАН, Институт прикладной физики РАН, Объединенный институт ядерных исследований, Европейский рентгеновский лазер на свободных электронах, Европейский центр синхротронного изучения и др.

Программа преследует три основные цели: развитие научного сотрудничества между специалистами, ведущими исследования на российских мегаустановках и европейской исследовательской инфраструктуре; разработку совместной исследовательской политики в рамках рекомендаций «Кремлин», а также форсайт-исследований; создание эффективной платформы по обмену результатами по каждому проекту и обеспечение процесса взаимного обучения и обмена опытом⁴.

Нельзя не упомянуть также об успешно развивающихся совместных программах России и Европейского Союза в космической сфере. Одной из таких программ является совместная программа «Европейского космического агентства» и «Роскосмоса» по исследованию Марса: «Экзомарс», в рамках которой уже успешно запущены два космических аппарата — в 2016 и 2018 годах.

⁴ Отношения России и Европейского Союза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://guxpert.ru/> Отношения России и Европейского Союза (дата обращения: 15.03.2019).

Кроме того, космические агентства Евросоюза и России заключили соглашение о серии запусков беспилотных аппаратов, которые займутся исследованиями в районе Южного полюса Луны. Эта серия запусков должна завершиться пилотируемым полетом, а первый аппарат нового поколения, получивший название «Луна-27», должен быть запущен в 2020 году. Он займется поисками воды и других минеральных ресурсов, из которых можно будет производить кислород и ракетное топливо⁵.

* * *

Нельзя не отметить, что несмотря на санкции, Россия продолжает выстраивать партнерские отношения с рядом стран Европейского Союза. Примером таких взаимоотношений являются двусторонние связи России с Италией. Италия — один из важнейших партнеров Российской Федерации в Европе, с которым налажено и развивается интенсивное сотрудничество, ведется активный политический диалог, в том числе в рамках международных организаций и механизмов.

Италия — еще и один из крупнейших торгово-экономических партнеров России в Европе. По итогам 2018 года она заняла шестое место среди торговых партнеров России. При этом объем внешней торговли России и Италии в этом году составил 17,4 миллиарда долларов, в том числе российского экспорта — 10,5 миллиарда долларов и импорта — 6,9 миллиарда долларов⁶. Более 80 процентов российского экспорта приходится на минеральные продукты, также в числе экспортируемых товаров — металлы и изделия из них, драгоценные металлы и камни, продукция химической промышленности, древесина и бумажные изделия. В структуре российского импорта — машины, оборудование и транспортные средства, продукция химической промышленности, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, текстиль и обувь, металлы и изделия из них. Основные вопросы двустороннего сотрудничества рассматривает российско-итальянский Совет по экономическому, промышленному и валютно-финансовому сотрудничеству. Поддерживаются контакты по линии министерств и ведомств двух стран.

Италия является вторым после Германии среди западноевропейских стран покупателем российского газа. В июне 2017 года ПАО «Газпром» и итальянская компания «Эдисон» подписали Соглашение о сотрудничестве по организации южного маршрута поставок российского газа в Европу из России через Турцию в Грецию и далее в Италию. В сфере электроэнергетики активно действует итальянский энергетический концерн «ЭНЕЛ». Развивается промышленная кооперация. В числе значимых проектов — продвижение на мировом рынке регионального самолета «Сухой Суперджет 100», проектирование и строительство Амурского газоперерабатывающего

⁵ Межгосударственные отношения России и Италии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ria.ru/20181024/1531172113.html> (дата обращения: 15.06.2019).

⁶ Там же.

завода, СП «Хеливерт» по сборке гражданских вертолетов «Агуста Вестланд» и др.⁷. Активизируется сотрудничество между нашими странами в области науки, в первую очередь, в таких отраслях, как ядерные исследования, биотехнологии, нанотехнологии и космос.

Культурно-гуманитарные связи осуществляются на основе межправительственного соглашения о сотрудничестве в области культуры и образования от 1998 года. Реализуется целый ряд мероприятий по продвижению русского языка в Италии и итальянского языка в России. В 2009 году подписано российско-итальянское межправительственное Соглашение о взаимном признании документов об образовании, выдаваемых в Российской Федерации и Итальянской Республике. Развиваются молодежные контакты. С 2014 года в общеобразовательных школах России и Италии проводятся недели культуры и языка двух сторон, осуществляются взаимные поездки школьников.

14 января 2018 года в Риме концертом симфонического оркестра Мариинского театра под управлением В. Гергиева был дан старт масштабному проекту «Русские сезоны», в рамках которого итальянской публике было представлено более 250 мероприятий в 40 городах Италии.

Таким образом, на современном этапе развитие двусторонних дипломатических, экономических и политико-правовых отношений между Россией и Италией является стратегически важным вопросом, а увеличение количества итальянских предприятий на нашей территории и нарастание товарооборота между странами будет способствовать их дальнейшему укреплению.

* * *

В заключение подчеркнем, что в отношениях России и Европейского Союза на ближайшую и среднесрочную перспективу, на наш взгляд, возможны несколько сценариев развития отношений.

Нормализация отношений — самый оптимистичный сценарий, выполнимый, на наш взгляд, при следующих условиях: если конфликт на Украине будет частично разрешен; если будет выработана рабочая модель взаимодействия по Сирии; если будет заключено комплексное соглашение в области энергетики, которое позволит сохранить транзит российского газа через территорию Украины.

Стагнация — наиболее вероятный сценарий, предполагающий продолжение политического и дипломатического конфликтов между Россией и ЕС. Ключевую и стабилизирующую роль в отношениях сторон по-прежнему будет играть экономическая взаимозависимость и наличие отраслевых диалогов. Данный сценарий предполагает долговременную фиксацию «баланса слабости» между Россией и Европейским Союзом, при котором обе стороны

⁷ Там же.

готовы рассматривать «статус-кво» как в целом наименее рискованный и наименее политически затратный вариант отношений друг с другом.

«Новая холодная война» или ухудшение отношений — третий возможный сценарий развития двусторонних отношений. В рамках данного прогноза произойдет существенный сдвиг в балансе сил между Россией и Евросоюзом в пользу последнего. Россия усилит военную активность на своих западных границах, европейские члены НАТО, в свою очередь, отреагируют ростом оборонных расходов, что постепенно делает военное противостояние главным фактором двусторонних отношений.

Таким образом, развитие дальнейших отношений между Россией и Европейским Союзом будет зависеть от дальновидности и прагматичности политиков, действующих в интересах своих стран, а геополитические отношения Европейского Союза с Россией, должны базироваться, прежде всего, на взаимовыгодном сотрудничестве и понимании. Практика показывает, что экономические отношения очень важны как для Евросоюза, так и для Российской Федерации. От геополитических отношений современной Европы и России будет зависеть мировой формат экономических взаимоотношений многих стран. Поэтому только стабильное экономическое сотрудничество с Россией позволит Европейскому Союзу полностью реализовать свой экономический и политический потенциал. Объективным показателем такого сотрудничества стало недавнее подписание соглашения о строительстве дополнительного газопровода «Северный поток-2», призванного дать дополнительную энергетическую безопасность странам Европейского Союза.

В самой Европе сотрудничество с Россией является одним из перспективных направлений, так как строительство независимой и самостоятельной Европы без него невозможно. И это касается всех без исключения сфер, включая энергетическую, военную, экономическую и политическую, поскольку европейская стабильность немыслима без стабильности в России. И отчасти это подтверждает недавнее голосование в Комитете Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), в результате которого за восстановление российской делегации в правах высказались 118 депутатов и только 62 — против. Российская делегация была лишена права голоса в организации в 2014 году в связи с присоединением Крыма к России. В проекте резолюции к докладу по полномочиям говорится, что ассамблея «постановляет ратифицировать полномочия российской делегации», но при этом призывает Москву: выполнить все рекомендации, включенные в Минские соглашения; выплатить все взносы, причитающиеся в Совет Европы и так далее⁸.

⁸ Голосование в ПАСЕ по возвращению России 25.06.2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://ria.ru/20190626/1531172113.html> (дата обращения: 01.07.2019).

Список литературы

1. Горбунова Н.Е. Европейский Союз как интеграционная политическая модель: теория и современная практика: дис. канд. полит. наук. 23.00.02 / Горбунова Наталья Евгеньевна. М., 2005. 190 с.
2. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС, о. Корфу, 24 июня 1994. 25 с.
3. Тренин Д. Понять Украину // Россия в глобальной политике. 2017. № 5. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number-19123>.
4. Трановская Т. Отношения России и Евросоюза в условиях взаимных санкций. Саратов. 2018. 92 с.

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ПАРТИЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» И «ПАРТИЙНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ»

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена исследованию актуальной проблемы понимания и применения термина «идентичность» в современных социальных науках. Основной акцент сделан на систематизации научных подходов к определению партийной идентичности и партийной идентификации, где приводятся авторские определения данных феноменов. В статье рассматриваются факторы, влияющие на становление партийной идентичности, а также раскрываются аспекты трансформации партийной идентичности и партийной идентификации. Автор приходит к выводу, что в современных реалиях обособление национального интереса ряда стран и выход на передний план политических партий, отстаивающих интересы собственных граждан на фоне общего процесса глобализации, могут способствовать возврату понимания концепта партийной идентичности как критерия прогнозирования электорального поведения.*

***Ключевые слова:** социальная идентичность, политическая идентичность, политические партии, выборы, политические установки, партийная идентичность, партийная идентификация, трансформация партийной идентичности.*

TO THE PROBLEM OF THE DEFINITION OF «PARTY IDENTITY» AND «PARTY IDENTIFICATION»

***Abstract.** This article covers the study of the challenging issue of understanding and application of the term “identity” in modern social sciences. The main emphasis is placed on the systematization of scientific approaches to the definition of party identity and party identification, which provides the author's definition of these phenomena. The article reviews the factors influencing the formation of party identity, as well as the aspects of the transformation of party identity and party identification. The author comes to the conclusion that in contemporary realities the isolation of the national interest of a number of countries and the rise to the forefront of political parties defending the national interests of their own citizens, against the background of the general process of globalization, can reimburse the understanding of the concept of party identity as a criterion for predicting of the electoral behavior.*

***Keywords:** social identity, political identity, political parties, elections, political attitudes, party identity, party identification, identity transformation.*

Проблема формирования идентичности у отдельных индивидов или социальных групп для современных общественных наук актуальна, в то же время дискуссия по поводу формулировки дефиниции идентичности и адекватности применения данной категории для описания соответствующих социальных явлений остается открытой. Причиной полемики выступает многозначность в интерпретации понятия «идентичность», что обусловило некоторое кризисное состояние данного концепта [1, с. 144]. Основным вопросом, которым задаются исследователи, заключается в трактовке идентичности либо как сущностной категории, достоверно описывающей представления человека о себе самом и об окружающих, либо как абстрактной аналитической категории, при помощи которой становится возможным ввести субъективную реальность в научный дискурс [2, с. 19]. Мы исходим из позиции, что феномен идентичности может применяться как в первом, так и во втором значениях в зависимости от целей исследования. Но с оговоркой, что далеко не каждый человек обретает идентичность осознанно или вовсе ее не приобретает, находясь постоянно в поиске новых моделей собственного соответствия, — в подобных случаях может быть применен термин «идентификация». В данной статье формулировка определений партийной идентичности и партийной идентификации будет исходить из сущностной трактовки термина «идентичность». Спорными сторонами рассматриваемых феноменов является как вопрос о факторах, влияющих на формирование партийной идентичности, так и вопрос о применимости категорий партийной идентичности и партийной идентификации для прогнозирования электорального поведения граждан тех или иных стран.

Первоначально представляется концептуально важным определить различие понятий «идентичность» и «идентификация», где первое — это следствие второго, таким образом идентичность является результатом идентификации как процесса. Само понятие «идентификация» изначально встречалось в психоанализе З. Фрейда, определяемое как бессознательный процесс отождествления с другими людьми [3, с. 146]. Более детальное рассмотрение и определение феномен идентичности получил в работах Э. Эриксона: «Чувство идентичности обеспечивает способность ощущать себя обладающим непрерывностью и тождественностью» [4, с. 35]. Согласно Эриксону, процесс становления и развития идентичности оберегает целостность и индивидуальность опыта человека, при этом автор отмечает, что идентичность — это не нечто статичное и неизменное [5, с. 33]. Он разделял понятия «эго-идентичности» и «групповой идентичности», а также обобщил термин «кризис идентичности», использование которого актуально для современных исследований.

Термины «идентичность» и «идентификация» впоследствии стали использоваться и в других науках, расширив спектр применения от межличностных взаимоотношений до взаимоотношений общества с институтами власти. Потребность в данных категориях и интерес к ним особенно возросли

в последние десятилетия, поскольку произошло расширение общественной среды и усложнение структуры социальных институтов. На политической арене появились новые акторы и, соответственно, расширился спектр выбора самоопределения граждан, но это не значит, что атомизированные и разрозненные взгляды индивидов больше не нуждаются в соотнесении себя с «другими». Например, П. Бурдьё говорил об «эффekte оракула», при котором происходит переход от индивидуального к коллективному, позволяющему уполномоченному представителю при помощи опоры на авторитет группы применять по отношению к каждому из ее членов легитимное принуждение, на которое представители данной группы согласились добровольно. «Если я — человек, ставший коллективом, человек, ставший группой, и если эта группа есть группа, частью которой вы являетесь, и которая определяет и дает вам идентичность, то остается только повиноваться» [6, с. 168–169]. В данном случае идентичность индивида по отношению к той или иной социальной группе или государству рассматривается не только со стороны консолидации общества, но и возможности манипулирования индивидами на почве их идентичностей.

М. Кастельс под процессом конструирования идентичности понимает действия, посредством которых социальный актор познает себя и конструирует смыслы, главным образом на основе общепринятого культурного свойства или совокупности свойств [7]. При этом он отмечает, что в исторический период, который можно охарактеризовать широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимизацией институтов, угасанием крупных общественных движений и слабостью культурных проявлений, идентичность становится главным или вовсе единственным источником смыслов [7, с. 27].

Английский социолог Э. Гидденс показывает, что идентичность в современном мире носит рефлексивный характер, поскольку человек связывает внешние события со своей собственной жизнью и оценивает роль этих процессов. «Когда традиции ослабевают, и преобладает свободный выбор образа жизни, это не может не затронуть и ощущение человеком себя как личности» [8, с. 63]. В случае трансформации ценностей, по мнению Э. Гидденса, человеку требуется более активно, чем раньше, формировать и воссоздавать собственную идентичность.

По мнению ряда авторов, можно проследить, что на современном этапе развития общества прежние формы идентичности, как, например, государственная, становятся менее актуальными. Ю. Хабермас является одним из сторонников подобного мнения и считает, что новая идентичность предполагает осознание индивидами возможности активного участия в формировании собственной идентичности, поскольку допускается пересмотр личностного статуса [9, с. 800–801].

В работах У. Бека, автора концепта «общество риска», идентичность в процессе индивидуализации становится одной из центральных категорий,

поскольку происходит разрушение стабильных устойчивых социальных ролей и статусных позиций, что вынуждает индивидов участвовать в процессах самоопределения. В противоположность территориальных теорий идентичности автор предложил космополитизм. «Космополитическое мировоззрение означает, что в мире глобальных кризисов и угроз, порожденных развивающейся цивилизацией, все прежние разграничения между внутренней и внешней сферами, между национальным и международным, «нами» и «ними» уже не годятся для жизни» [10, с. 20]. Под влиянием космополитизации процесс конструирования идентичности происходит вне контекста определенных границ, поэтому У. Бек считал ошибочным определения идентичности, исходя из привязки к ограниченному социальному пространству, территориям отдельных национальных государств, которые отгораживают индивидов от остальных стран [9, с. 714–715].

В свою очередь, З. Бауман отмечал, что проблема не только в том, как обрести идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность избрать и как вовремя сделать иной выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится привлекающих черт. «Человека волнует подозрение, что пределы, в которые он с таким трудом проник, скоро разрушатся или исчезнут» [11, с. 185–186]. Автор считал, что в рамках «глобализирующегося мира» вместо использования термина «идентичность» уместнее говорить об идентификации, которая никогда не заканчивается, всегда остается незавершенной и открытой в будущее деятельностью, в которую все члены общества, по необходимости или сознательно, вовлечены [11, с. 192].

Перейдем к рассмотрению феномена идентичности, разграничивая понятия социальной, политической и, наконец, партийной идентичности. В научной литературе социальная идентичность трактуется как «система координат самокатегоризации, поскольку самоидентификация человека происходит в социальном пространстве, в процессе самосоотнесения с другими социальными субъектами» [12, с. 33]. Социальная идентичность, образованная в результате идентификации человека или группы людей с какой-либо социальной общностью, определяется как осознание человеком своей принадлежности к данной общественной группе или общности. Собственно, именно социальная идентичность обуславливает политическую, которая является частью общего процесса идентификации личности.

В свою очередь, политическая идентичность определяется как «комплекс идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации, и предполагает отождествление носителя политической идентичности с каким-либо политическим сообществом» [13, с. 71]. Политическая идентичность утверждается в процессе сопоставления мнений индивидов о приоритетах государственного и общественного развития с учетом субъективных интересов различных акторов, например, политических элит и

партий. Данные акторы наделяют политической идентичностью большие сообщества, как, например, нации и классы, от имени которых продвигают политические интересы и закрепляют ее при помощи символической политики, конструирующей разделяемые членами группы имиджи, знаки, ритуалы, и выстраивающей пространство политической коммуникации [13, с. 73]. Посредством политической социализации человек идентифицирует себя с различными внешними образами того, «кем он является» и «с кем себя может соотносить».

Формирование политической идентичности происходит посредством идентификации человека или группы с определенным политическим объектом, это может быть, например, существующая власть с ее институтами или идентификация субъекта с определенным курсом развития государства. Возникновение политической идентичности может наступать вследствие идентификации субъекта с конкретными политическими лидерами и проводимой ими политикой. Политические субъекты могут идентифицировать себя и через выражение своей привязанности к той или иной политической идеологии или политическим ценностям [14].

Одним из выражений политической идентичности является самосотнесение человека или группы с определенной политической партией. Партийная идентичность представляет собой тесную привязанность человека или группы к определенной партии, сочувствие ей и сопереживание вместе с партией, как ее успехов, так и неудач [14]. Можно сказать, что это относительно устойчивая приверженность по отношению к партии.

Именно политические партии являются важнейшим институтом представительства интересов граждан и связующим звеном между обществом и государством. От их структуры, деятельности и функций во многом зависит ход политического процесса. В течение длительного периода времени во многих странах велась политическая борьба за предоставление всем гражданам права голоса на выборах, то есть установления равного избирательного права. Таким образом, политические партии эволюционировали в соответствии с развитием избирательного права, что привело к возникновению теории электорального поведения и партийной идентификации. В предвыборных программах политические партии неспособны охватить и отразить интересы всех граждан государства, но при этом практически любая из них, определяя риторику и политику, старается, как в период выборов, так и в периоды между ними, привлечь под свои знамена различные социальные группы. Одной из основных исследовательских задач здесь является определение социальной базы партии, где выделяются: с одной стороны, реальные и потенциальные сторонники и члены партии и, с другой, — избиратели [14].

В отношении первых можно говорить о партийной идентичности и партийной идентификации, в рамках которых актуальны проблемы политической культуры, поколенческой преемственности, политической социализации, развитости и конкурентности партийной системы. В отношении

вторых — исследование отличительных особенностей избирателей в периоды голосования, определение электората и мониторинг электорального поведения. Изучение социальной базы партий позволяет выявить характер взаимодействия правящей элиты и граждан, оценить вовлеченность последних в сферу политики, степень сформированности активной жизненной позиции граждан, устойчивость электората у различных политических партий, развитие или трансформацию политической культуры и партийной идентичности у населения в целом.

Изначально концепции партийной идентичности и партийной идентификации появились в ответ на популярные в 40–50-е годы прошлого века социологические теории электорального поведения, основанные на неполитических предпосылках выбора избирателей. Разного рода социальные и экономические потребности оформлялись в соответствующие политические требования с помощью профсоюзов, СМИ, групп давления, то есть структур, находящихся вне политической сферы.

Один из первых подходов к изучению политических предпочтений и электорального поведения строится на социологическом методе. Среди его представителей можно назвать Р. Далтона, С. Липсета, С. Роккана и других. Исследователи-социологи акцентировали свое внимание на идейно-политической самоидентификации, показывая роль социального статуса и социальной среды для определения партийной идентификации, отмечали многообразие неполитических факторов воздействия на нее, а также возрастающее значение политической коммуникации. Концепция социально-политических размежеваний, предложенная С. Липсетом и С. Рокканом [15], продемонстрировала влияние размежеваний между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, собственниками и рабочими на политические предпочтения и электоральное поведение граждан. В соответствии с каждым из них прослеживалась поддержка определенных политических партий, в том числе этнических, религиозных, аграрных и социал-демократических.

Исследование социологов Мичиганского университета Э. Кемпбелла, Ф. Конверса, У. Миллера, Д. Стоукса [16], предпринятое в 1960-х годах, показало многосоставность процессов социализации, в ходе которых вырабатывается индивидуальная и групповая партийная идентификация. В этих процессах видна роль семейных традиций, индивидуального опыта, экономического достатка, таким образом, речь идет о взаимоотношениях в малых группах, где прослеживалось доминирование выработанных однажды установок и предпочтений у членов определенной группы. При перемене социальной среды человек начинает пересматривать собственные политические приоритеты; зачастую происходит трансформация предпочтений в соответствии с господствующими установками в новой референтной группе.

Исследователи данного направления транслировали спорные выводы о сохранении выработанной однажды партийной приверженности и о том,

что, скорее, партийная идентификация влияет на политические установки, чем наоборот. В условиях современных реалий отчетливо прослеживается иная тенденция: гражданин, придерживавшийся и мирившийся с проводимой политикой государства на протяжении нескольких десятилетий, со временем может сменить партийную идентичность достаточно быстро. Плюрализм и спектр выбора в странах с развитой демократией той или иной идеологии или отказ от соотнесения себя с какой-либо политической партией позволяют человеку выйти за грани диктата «сверху» и давления со стороны референтных групп. Появилась возможность как самостоятельно выбирать, так и с какими структурами себя идентифицировать. «Если раньше партийная принадлежность или поддержка той или иной партии на выборах была семейной традицией, то в последние десятилетия даже в наиболее устойчивых политических системах такая идентификация является скорее исключением из правил» [17, с. 38].

Следующая группа ученых, представленная Р. Катцем и П. Мэйром [18], отметила уменьшение значения идейно-политической самоидентификации. Согласно их трактовке, увеличивается значение прагматического партийного выбора, определяемого преходящими причинами, воздействием направленной политической коммуникации и информации, личностью лидеров и иными факторами [19].

Переход к многопартийной системе в современной России поставил под вопрос идейно-политическую и партийную самоидентификации в условиях общества, лишённого на протяжении длительного времени опыта выбора и сопоставления политических позиций различных политических партий. Один из отечественных исследователей Г.В. Голосов зафиксировал отсутствие у большинства российских избирателей конкретной партийной идентификации [20]. В то же время отмечается плодотворность концепций «негативной партийной идентификации», выдвинутой Г. Клингеманом и М. Уотенбергом на основе сравнительного исследования установок немецких и американских избирателей, авторы которого предложили следующую типологию избирателей:

- антагонистически настроенные избиратели, имеющие в сознании благоприятный имидж одной партии и ярко выраженный негативный имидж другой партии;
- балансирующие избиратели, замечающие как позитивные, так и негативные черты у конкурирующих партий;
- апатичные избиратели, находящиеся в условиях недостаточности информации о соперничающих партиях [21].

В процессе исследования политической жизни посткоммунистических стран данная концепция нашла свое применение. До сегодняшнего дня активное неприятие многими российскими гражданами некоторых идеологий, например, коммунистической и соответствующих партий, серьезно влияет на политическое поведение.

Концепцию «негативной партийной идентификации» удалось дополнить Р. Роузу и У. Мишлеру [22], разработавшим типологию установок избирателей по отношению к политическим партиям, выделив четыре группы избирателей. В первую — группу «негативистов» они включают граждан, которые знают, за какую партию точно не отдадут свой голос, но не имеют определенных симпатий ни к одной из оставшихся партий. Вторая группа характеризуется «закрытым» типом установок, это — когда у избирателя одновременно позитивная и негативная идентификации. К «открытому» типу указанные исследователи относят приверженцев одной из партий, не имеющих ярко выраженной негативной идентификации. «Апатичными» они называют избирателей, не имеющих какой бы то ни было идентификации вообще.

Следует отметить, что Роуз и Мишлер негативную партийную идентификацию не рассматривали как явление с отрицательным значением, а напротив, считали, что правильный избиратель — это гражданин, проявляющий интерес к сфере политики и обладающий спектром знаний в данной области, при этом имеющий объективный взгляд на политические организации и их лидеров. Не стоит упускать из исследовательского поля другую сторону феномена негативной партийной идентичности, которая может преобладать в случае кризисного развития общества и проявляться как в отказе от выбора той или иной политической партии, так и в крайне агрессивном отношении к представителям любых политических движений.

Понимание различия данных подходов является концептуально важным. Основной задачей здесь выступает разграничение ситуаций отрицательного восприятия политической сферы в целом и неприятия определенной партии (негативная партийная идентификация).

Следует понимать, что первый случай (отстранение от сферы политики), являет собой часто встречающуюся тенденцию. Например, в российском обществе она, на первый взгляд, не несет в себе крайне пагубных последствий, поскольку избиратели из данной категории посещают выборы и голосуют, как правило, за наиболее могущественную политическую партию. Но при внимательном изучении проблематики становится понятным, что данная форма отстраненности и апатии рано или поздно приведет к падению демократических основ государства.

Второй случай связан с активностью граждан, которые осознают, какой вектор развития точно нежелателен для общества. Они обладают определенными знаниями о политической системе и имеют представление об альтернативных программах различных политических партий. Данный вариант кажется наиболее благоприятным, но здесь прослеживаются явные причины для последующего радикального оформления мнений граждан, особенно, если партия, к которой отношение значительной части населения определяется негативной идентификацией, сможет достичь власти.

На наш взгляд, партийная идентификация — процесс выработки и формулировки конкретных взглядов или установок по отношению к той или иной политической партии. В свою очередь, партийная идентичность является результатом данного процесса, итогом самоотнесения индивида или группы индивидов с политической партией и формулировки собственного или коллективного мнения по ряду вопросов как в сфере личностно-общественных интересов, так и в сфере государственной политики с опорой на программные предложения партий, общую риторику лидеров партий, доминирующую политическую культуру или стереотипное поведение. Партийная идентичность может выражаться в форме солидарности с целями и идеологией политической партии посредством как голосования за данную партию на выборах, так и посещения ее мероприятий или выполнения какой-либо политической работы (например, по агитации населения) вплоть до фактического вступления в партию.

Для более детального рассмотрения различий в научных подходах к изучению проблемы партийной идентичности и партийной идентификации обратимся к выявлению факторов, влияющих на установление лояльности по отношению к определенной партии. Здесь одним из важных моментов выступает политическая социализация человека как в ранние годы его жизни, так и в последующий период под влиянием ближайшего окружения: семьи, друзей, коллег по работе и так далее. От характера и эффективности данного процесса зависит степень преемственности и обязательность передачи от поколения к поколению политических установок, ценностей, норм политической культуры в целом. Таким образом, через политическую социализацию может передаваться и преемственность в партийной идентификации. Значение политической социализации также состоит в том, что через нее осуществляется подготовка к реализации прав и обязанностей гражданина. Социализация позволяет личности избежать конфликтов с существующей системой, либо предвидеть их неизбежность и последствия. В результате политической социализации достигается некоторая устойчивость как партийной, так и политической системы в целом.

Взаимоотношения партий и ее сторонников зачастую обусловлены экономическим фактором в случае, когда индивиды связывают с деятельностью партии удовлетворение своих материальных потребностей. Степень влияния условий жизни на партийную идентичность и идентификацию зависит от вида наступивших экономических изменений и силы приверженности по отношению к партии, поскольку при слабой партийной идентичности индивиду гораздо проще сделать выбор в пользу другой политической партии, которая в большей мере отражает его интересы.

На степень партийной идентичности и партийной идентификации влияет и характер ценностей индивида или социальной группы, которые либо совпадают с политикой партии, что гарантирует положительное взаимодействие между партией и ее сторонниками, или же, напротив, разнятся. В рамках

темы ценностей можно сказать и о сходстве идейных убеждений человека/ группы с идеологическими установками партии. При этом следует понимать, что к данной категории относится политически компетентный слой общества, поскольку партийная идентификация у большинства населения сопряжена с материальными выгодами, стереотипным поведением и иными причинами, но реже — с осознанным выбором идеологии и поддержкой партийных программ.

Рядовые граждане идентифицируют себя с политической партией посредством вступления в ее ряды, в связи с чем обычно выделяют три вида стимулов привлечения граждан в партию:

- материальный;
- солидарности;
- достижения цели [14].

Примером *материального стимула* является предоставление работы в правительственных структурах за выполнение на регулярной основе партийных заданий [14]. Данную вариацию поощрения можно проследить на примере современной России, когда молодые люди, чтобы занять определенные позиции в обществе, вступают в различные организации, созданные политическими партиями. С точки зрения реальных инициатив об эффективности данных структур судить сложно, но нельзя отрицать тот факт, что посредством подобных организаций происходит вовлечение молодежи в ряды сторонников партий.

Стимул солидарности объясняется пониманием людей безысходности индивидуальных действий в сфере политики и, напротив, эффективности коллективных действий, поскольку привлечение к проблеме большего количества человек способствует более быстрой реакции со стороны власти. Это — достаточно распространенный стимул, поскольку в современных демократических государствах граждане имеют возможность повлиять на принимаемые властью политические решения, коллективно сформулировав соответствующие запросы, которые в дальнейшем будут донесены до государства посредством политических партий, через функцию артикуляции интересов граждан.

Стимул достижения цели привлекателен для тех, кто вступает в партию по идейным соображениям или в силу привлекательности политической структуры [14, с. 102]. Данная категория людей, как правило, разделяет идеологические взгляды, ценности и цели партии и старается помочь ей в реализации намеченного плана. Но со временем возможно наступление противоречия, когда гражданин вступает в партию, желая служить провозглашаемым идеалам, но на практике сталкивается с существенными отклонениями от заявленных принципов партии. Говоря о российской специфике, можно констатировать, что пространство современной политической сферы утратило четкую структурированность в ценностном отношении; также зафиксировано отсутствие у граждан явно выраженных идеологических

предпочтений; в итоге большую значимость приобретают универсальные ценности, например, прав человека, законности и безопасности [23].

В научных кругах распространено мнение, что партийную идентификацию человека можно охарактеризовать относительно социальной группы, в которую он входит. Важно отметить, что на современном этапе развития общества данную точку зрения можно воспринимать как дополнение, но не единственную причину формирования партийной идентичности, поскольку партийная идентификация — гораздо более сложный процесс, обусловленный многими факторами. Современный избиратель все в большей мере руководствуется собственным взглядом, основанным как на психологической идентификации с партией, так и на рациональных оценках ее деятельности, в связи с чем происходит ослабление строгой приверженности каким-либо политическим идеям или коллективным интересам [24, с. 183]. Классовые теории и теории референтных групп уже не могут адекватно отражать реальные мотивы формирования партийной идентичности и партийной идентификации и не позволяют спрогнозировать электоральное поведение граждан исключительно по той группе или классу, с которыми они соотносятся.

Для систематизации вышеизложенного нужно определить некоторые причины трансформации партийной идентичности, происходящей под влиянием социальных изменений. Условиями трансформации партийной идентичности могут выступать:

- изменение социального статуса гражданина, смена референтной группы;
- уход партии с политической арены или ее слияние с другой партией;
- появление политической партии с программой, в большей мере отражающей интересы субъекта;
- смена политического режима или политического курса в государстве.

В условиях изменения вектора проводимой политики, законодательства в области регулирования деятельности политических партий и многих других причин, обществу приходится подстраиваться под трансформирующуюся социальную реальность и адаптироваться к ней с наименьшими издержками. Реорганизация партийной идентичности или ее сохранение будут протекать настолько эффективно, насколько быстро политические партии станут отвечать новым веяниям умонастроений граждан.

Подводя итог, можно сказать, что в условиях глобализации, действующей на интеграцию и вовлеченность отдельно взятого индивида в международную коммуникацию, казалось бы, должно происходить размывание идентичностей, в том числе и партийных идентичностей, поскольку отдельно взятый человек больше не идентифицирует себя с одной партией, идеологией, государством, нацией. Космополитичность должна была выйти на первый план, но сегодня мы видим еще один процесс — глокализация — обособление национального интереса ряда государств, поскольку установки и ценности разнятся даже у стран, входящих, например, в Европейский Союз. Появляются разные точки зрения на самоопределение государств, собственный путь

развития, который не должен диктоваться ни одним надгосударственным объединением. Вследствие чего на первый план сегодня вновь выходят политические партии, отстаивающие национальные интересы государства, поэтому категории партийной идентичности и партийной идентификации вновь могут стать критериями прогнозирования электорального поведения и вовлеченности граждан в сферу политики.

Список литературы

1. Фадеева Л.А. Идентичность как категория политической науки: исследовательское поле и когнитивный потенциал // Политика и наука на перекрестке современности: к итогам юбилейного Конгресса РАПН. Ежегодник 2016 / Гл. ред. А.И. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 142–155.
2. Семененко И.С. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь мир», 2017. С. 18–32.
3. Фрейд З. Толкование сновидений / Перевод с нем. Я. Когана. СПб.: Азбука, 2015. 512 с.
4. Эриксон Э. Детство и общество / Перевод с англ. А.А. Алексева. СПб.: ИТД «Летний сад», 2000. 416 с.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Перевод с англ. Н.Н. Толстых. М.: Издательство «Флинта, МПСИ, «Прогресс», 2006. 352 с.
6. Бурдьё П. Социология социального пространства / Перевод с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 288 с.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Перевод с англ. О.И. Шкаратана. М.: Институт «Открытое общество. Фонд содействия», 2000. 608 с.
8. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Перевод с англ. М.Л. Коробочкина. М.: Издательство «Весь мир», 2004. 120 с.
9. Довбыш Е.Г. Юрген Хабермас // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь мир», 2017. С. 797–801.
10. Бек У. Космополитическое мировоззрение / Перевод с англ. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 336 с.
11. Бауман З. Индивидуализированное общество / Перевод с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
12. Фадеева Л.А. Социальная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / под ред. И.С. Семененко. М.: РОС-СПЭН, 2012. С. 29–35.
13. Семененко И.С. Политическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / под ред. И.С. Семененко. М.: РОС-СПЭН, 2012. С. 71–75.

14. Фарушкин М.Х. Партийная идентификация в контексте политической идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: очерки / под ред. О.И. Зазнаева. Казань: Отечество, 2011. С. 84–111.
15. Lipset S., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective. N.Y.: Free Press, 1967. 554 pp.
16. Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. The American Voter. N.Y.: John Wiley, 1960. 576 pp.
17. Шестопал Е.Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: РОССПЭН, 2000. 431 с.
18. Katz R., Mair P. Changing models of party organization and party democracy: The emergence of the cartel party // Party politics. 1995. № 1. P. 5–28.
19. Холодковский К.Г. Идеино-политическая, партийная самоидентификация // Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / под ред. И.С. Семененко. М.: РОССПЭН, 2012. С. 100–102.
20. Голосов Г.В. Сравнительная политология и российская политика, 2010–2015: сборник статей. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. 668 с.
21. Klingemann H., Wattenberg M. Decaying versus developing party systems: a comparison of party images in the United States and West Germany // British Journal of Political Science. 1992. № 2. P. 131–149.
22. Rose R., Mishler W. Negative and Positive Party Identification in Post-Communist Countries // Electoral Studies. 1998. № 2. P. 217–234.
23. Селезнева А.В. Демократические ценности в современном российском обществе // Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 6. С. 20–33.
24. Российское общество и вызовы современности. Книга пятая / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Издательство «Весь мир», 2017. 424 с.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОСКОВСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье анализируются актуальные тенденции электоральной активности московской студенческой молодежи в период завершения электорального цикла 2016–2018 годов. На базе двух волн авторского социологического исследования приводится описание характерных особенностей электоральной активности данной социальной общности. Особое внимание уделено сравнению характеристик электоральной активности московских студентов с характеристиками активности других социальных категорий (россиян в целом, российской молодежи и др.). Также рассмотрена электоральная активность московского студенчества, потенциал его участия в выборах в Московскую городскую думу 2019 года.

Ключевые слова: выборы, политическая активность, электоральная активность, электоральное поведение, политическое участие, молодежь, студенты, студенческая молодежь.

MAIN TRENDS OF ELECTORAL ACTIVITY OF STUDENT YOUTH IN MOSCOW

Abstract. The current trends of electoral activity of students in Moscow during the electoral cycle of 2016–2018 are analyzed in the article. The description of characteristic features of electoral activity of this social group is given, based on two waves of the firsthand sociological research. Special emphasis is made on comparison of the characteristics of electoral activity of students in Moscow and other social categories (Russians in general, Russian youth, etc.). The article also deals with potential electoral activity of students in Moscow and their potential participation in the Moscow City Duma election in 2019.

Keywords: elections, political activity, electoral activity, electoral behavior, political participation, youth, students, student youth.

Выборы Президента Российской Федерации 2018 года, ставшие кульминацией федерального электорального цикла, сопровождались рядом масштабных событий в политической сфере — от собраний в поддержку кандидатов до «забастовки избирателей», — и явились для части российской молодежи первым опытом полноправного участия в политической жизни государства. Прошедшему циклу выборов (2016–2018) сопутствовали и другие значимые политические события, такие, как выборы глав регионов, многочисленные

протестные акции и другие факторы, предполагавшие вовлеченность молодежи. На протяжении последнего десятилетия электоральные установки и поведение жителей наиболее крупных российских городов, а именно Москвы и Санкт-Петербурга, характеризуются отличием по сравнению с населением страны в целом в сторону оппозиционной направленности [1]. Молодежь названных городов, в частности, старшеклассники и студенты, рассматривалась многими экспертами в период перед выборами президента как основная протестная когорта, реализующая деструктивную политическую активность¹. Эти обстоятельства свидетельствуют об актуальности социологического анализа активности московских студентов в период завершения электорального цикла, определения уровня, характера и направленности их участия в политике в обозначенный временной промежуток.

В рамках данного исследования электоральная политическая активность выделяется наряду с другими видами (стихийно-массовой, структурной, профессиональной и когнитивной) в структуре компонентов политической активности [2, с. 135]. Под электоральной активностью понимается участие граждан в политическом процессе посредством голосования на выборах различного уровня или же на референдуме. Она подразделяется на две обобщающие категории: активность реализованную (электоральное поведение, то есть фактически осуществленные действия) и активность потенциальную (установки на реализацию той или иной формы активности).

В современных подходах к анализу политического участия распространена практика сопоставления активного участия с пассивным — политической активности и политического абсентеизма [3, с. 356]. Так, использование при анализе тех или иных форм политического участия категории «*политическая активность*» подразумевает фокусирование исследования на деятельных формах его (политического участия) реализации. Электоральная активность при этом является наиболее распространенной формой проявления политической активности молодежью [4, с. 35], вследствие чего обладает особой значимостью при количественном анализе особенностей участия в политике какой-либо массовой социальной общности.

Основной эмпирической базой изучения политической (электоральной) активности московской студенческой молодежи стали результаты авторского исследования, проведенного среди студентов очной и очно-заочной форм, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры в высших учебных заведениях Москвы, в возрасте от 17 до 25 лет. Замеры состояния политической активности московских студентов проводились дважды: первая волна исследования охватывает предвыборный период (декабрь 2017), вторая — конец электорального цикла (сентябрь 2018).

¹ См.: Молодежь нашла себе Навального // Независимая газета [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ng.ru/politics/2017-03-28/1_6959_navalny.html (дата обращения: 20.05.2019); Новые митингующие: управляемой и скучной толпы уже не будет // РБК [Электронный ресурс]. — URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/27/03/2017/58d91ffc9a7947f2ae7ecaf1 (дата обращения: 20.05.2019).

Широкий охват изучаемой общности социальной сетью vk.com позволил, создав схожую по распределениям контролируемых признаков в генеральной совокупности выборку, провести анкетирование среди студентов-пользователей данного ресурса и распространять полученные результаты на совокупность московского студенчества с высокой степенью надежности². Объем выборок, репрезентирующих московских студентов по полу, возрасту, курсу обучения и направлению подготовки, составил 457 и 375 человек в первую и вторую волну соответственно.

Согласно данным, опубликованным ВЦИОМ, активность россиян на выборах президента России была однородной в возрастных группах и колебалась возле показателя общей явки. Российская молодежь (от 18 до 34 лет) была достаточно активна в голосовании, продемонстрировав явку на уровне 65,6–69,5 процента³. При этом доля опрошенных московских студентов⁴, заявивших о своем голосовании на этих выборах, оказалась существенно ниже общероссийской явки и составила 46 процентов.

Результаты социологического наблюдения, проведенного в день голосования на четырех московских избирательных участках, расположенных в различных административных округах, в ходе которого фиксировался половозрастной состав голосовавших, позволили выдвинуть гипотезу о большей активности женщин (в том числе среди молодежи и, в частности, московских студентов) на выборах. Так, на всех участках из числа тех, на которых проводилось наблюдение, была зафиксирована более высокая явка женщин в целом в течение всего дня голосования, а также большая активность женщин по сравнению с мужчинами в возрастной группе 18–30 лет.

Эта гипотеза нашла свое подтверждение как в общероссийском масштабе (о чем свидетельствуют результаты экзит-поллов⁵), так и среди представителей московского студенчества. Из числа московских студентов, принимавших участие в выборах президента, большую долю (57,7%) составили девушки (статистически значимо по критерию Фишера при уровне значимости 0,1; доля студенток в выборке — 51,4%). Если преобладание голосовавших женщин над мужчинами в масштабе страны можно объяснить количественными демографическими особенностями — численным преимуществом женско-

² Результаты исследований аудитории Интернета // Mediascope [Электронный ресурс]. — URL: http://mediascope.net/services/media-audience/internet/information/?arrFilter_pf%5BYEAR%5D=2018&captcha_code=0cae924b236ee9c59ef9d2cf340c0acc&captcha_word=Wm6PJ&set_filter=Y (дата обращения: 20.03.2018).

³ Молодежь ломает стереотипы [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002> (дата обращения: 19.02.2019).

⁴ Здесь и далее в показателях, касающихся декларируемой осуществленной электоральной активности, речь идет исключительно о студентах старше 18 лет — несовершеннолетние респонденты исключены из выборки ввиду объективной невозможности их участия в выборах во избежание искажений в данных.

⁵ Выборы президента РФ — 2018: данные опроса на выходе (экзитпола) ВЦИОМ [Электронный ресурс]. — URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2018/2018-03-18_vybory2018.pdf (дата обращения: 01.06.2019).

го электората над мужским, обусловленным характером половозрастной структуры населения⁶, то более высокая электоральная активность молодых женщин обуславливается социально-мотивационными факторами вследствие отсутствия значимых демографических различий.

Кроме того, студенты младших (первого и второго) курсов, а также обучающиеся по программам магистратуры были менее активны в голосовании на этих выборах, чем старшекурсники (четвертый курс и старше) и обучающиеся средних курсов (третий курс бакалавриата и третий-четвертый — специалитета). Наибольшая доля голосовавших студентов в распределении по специальностям наблюдается среди студентов гуманитарного профиля.

Из категории московской студенческой молодежи, принимавшей участие в выборах президента Российской Федерации, наибольшая часть студентов отдала свой голос за действующего Президента (43,2%), около трети (30,1%) поддержали П.Н. Грудинина, каждый из остальных кандидатов заручился на выборах поддержкой менее 10 процентов голосов московских студентов. Отметим различия, наблюдаемые как в явке (о чем было сказано выше), так и в распределении голосов за кандидатов в социальных общностях — среди представителей московского студенчества, российской молодежи и россиян в целом (см. табл. 1). Несмотря на то, что наибольшая доля голосов московских студентов была отдана за В.В. Путина, уровень его поддержки на выборах в среде московского студенчества оказался ниже, чем у россиян в целом и российской молодежи в возрасте от 18 до 34 лет.

Таблица 1.

**Распределение голосов за кандидатов на выборах президента
Российской Федерации 2018, %**

	Все население⁸	Молодежь (18–34 года)⁹	Московские студенты
В. Путин	76,7	68–71,8	43,2
П. Грудинин	11,8	11,6–12,4	30,1
В. Жириновский	5,7	7,1–8,3	4,6
К. Собчак	1,7	4,4–6,4	8,9
Г. Явлинский	1,1	0,9–1,3	4

⁶ Число женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 01.06.2019).

⁷ ЦИК России. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&global=1&vtn=100100084849062®ion=0&prver=0&pronetvd=null> (дата обращения: 19.02.2019).

⁸ Молодежь ломает стереотипы [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002> (дата обращения: 19.02.2019).

Б. Титов	0,8	1–1,4	1,2
М. Сурайкин	0,7	0,8–0,9	0,1
С. Бабурин	0,7	0,6–0,9	1,8
Недействительные	0,8	1,1–1,2	6,1

В период перед президентскими выборами (в декабре 2017) до 73 процентов московских студентов заявляли о своей готовности участвовать в них, при этом 51 процент опрошенных сообщал о твердом намерении голосовать. Потенциальная электоральная активность московской студенческой молодежи на то время была сопоставима с потенциальной активностью населения России в целом (81% — сумма ответов «скорее приму» и «точно приму» на вопрос о намерении принять участие в выборах 18 марта 2018 года) и российской молодежи в возрасте 18–24 года (69%). При этом доля молодых россиян (от 18 до 24), утверждавших, что они точно будут голосовать, была практически идентичной доле намеревавшихся голосовать московских студентов и составила 47 процентов⁹.

Если уровень потенциальной электоральной активности россиян в возрасте 18–24 лет (возрастной группы, которая охватывает наибольшую часть студенчества) совпал с уровнем потенциальной активности студентов Москвы такого же возрастного интервала, то установки на голосование за кандидатов у данных общностей различались существенным образом. 82,2 процента российской молодежи в тот промежуток времени заявляли о готовности поддержать кандидатуру В.В. Путина, тогда как установки на голосование за него выражала более чем в два раза меньшая доля московских студентов (30%). Как уже отмечалось, уровень поддержки действующего Президента на выборах снижается с уменьшением возраста, а также в наиболее крупных городах, в особенности в Москве, он ниже, чем в городах с меньшим населением¹⁰. Эти закономерности явно актуализируются в социальной общности московской студенческой молодежи, они отражают большую оппозиционную направленность политических настроений и политической активности столичной молодежи в сравнении с молодежью страны в целом.

В период перед выборами сопоставимая доля московских студентов (37%) с той долей, которая заявляла о готовности поддержать В.В. Путина в случае своего участия в выборах, выражала установки проголосовать за

⁹ Выборы-2018: явка и рейтинги кандидатов [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8866> (дата обращения: 20.02.2019).

¹⁰ См.: Молодежь ломает стереотипы [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9002> (дата обращения: 19.02.2019); Выборы-2018: явка и рейтинги кандидатов [Электронный ресурс]. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8866> (дата обращения: 20.02.2019).

оппозиционного политика А.А. Навального при условии допуска его кандидатуры. Вероятно, объявленная им «забастовка избирателей» способствовала потере интереса к выборам части студентов и отказу его сторонников участвовать в голосовании, и, следовательно, снижению уровня явки среди московского студенчества. По оценкам экспертов, призывы А.А. Навального бойкотировать выборы могли повлиять на 8–15 процентов избирателей (тех, кто следит за его деятельностью)¹¹. В этом контексте важно отметить и тот факт, что студенты не оказали столь же выраженной поддержки на выборах другим либеральным кандидатам — К.А. Собчак и Г.А. Явлинскому: сумма голосов московских студентов, отданных за них, составляет 12,9 процента.

Характерно, что в период перед выборами до 41 процента московских студентов заявляли о том, что придерживаются либеральных взглядов. Это наибольшая доля студентов, отнесших себя к числу сторонников каких-либо политических взглядов. Четверть московских студентов затруднились с ответом при отнесении себя к какому-либо направлению политических убеждений. Таким образом, студенты либеральных взглядов представляют собой наиболее однородную и солидарную группу в составе московского студенчества с точки зрения определения своего местонахождения в политическом спектре. Молодежь, в том числе и в особенности студенты, является главной «целевой аудиторией» и мобилизационным ресурсом оппозиционных и, в частности, либеральных политических сил. Так, молодежь в возрасте 18–24 лет составила треть (33,6%) электората К.А. Собчак, а общая доля молодежи (от 18 до 34 лет) составила 63,1 процента тех, кто за нее проголосовал¹².

Эта тенденция объясняется во-многом информационными предпочтениями молодежи и характером доверия источникам информации, а также направленностью политических настроений большинства представителей изучаемой социальной общности. Интернет играет ключевую роль в политической коммуникации московской студенческой молодежи. Он выступает в качестве основного источника информации о политике для большинства московских студентов (78,6%), интернет-источникам студенты склонны доверять больше остальных, когда дело касается информации о политике. При этом 62,6 процента опрошенных замечают отличие в содержании информации, распространяемой в Интернете, от той, которая транслируется по телевидению, радиостанциям и публикуется в печатных изданиях.

Российская молодежь в возрасте от 18 до 25 лет значительно (по Z-критерию при уровне значимости 0,05) отличается от остальных возрастных

¹¹ Навальный начинает кампанию по бойкоту президентских выборов // «Ведомости» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/01/14/747759-navalnii-boikotu-prezidentskih-viborov> (дата обращения: 15.01.2018).

¹² Выборы президента РФ — 2018: данные опроса на выходе (экзитпола) ВЦИОМ [Электронный ресурс]. — URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2018/2018-03-18_vybory2018.pdf (дата обращения: 01.06.2019).

категорий и по оценкам собственной удовлетворенности ходом проведения и итогами голосования 18 марта 2018 года¹³. Так, наибольшая доля в той или иной мере неудовлетворенных тем, как прошли президентские выборы, наблюдается в данной возрастной и группе и составляет 19,1 процента. Для сравнения в возрастной группе старше 61 года совокупная доля скорее или полностью неудовлетворенных насчитывает 2,9 процента. Аналогично уровню удовлетворенности тем, как прошли выборы, уровень доверия к их результатам у молодежи в данной возрастной группе также самый низкий среди выделенных категорий населения. Пятая часть (18%) молодых россиян считает, что результатам выборов доверять не следует. Вероятно, эти особенности обусловлены низкой численной представительностью данной социальной общности в возрастной структуре голосовавших на выборах (возрастная группа 18–24 лет составляет 9 процентов от всего электората, принимавшего участие в выборах¹⁴), а также неоднородностью политических настроений внутри этой возрастной категории. Тем не менее, общий фон оценок удовлетворенностью результатами выборов и доверия им у большинства представителей российской молодежи в целом положительный.

Наибольший уровень декларируемой осуществленной политической активности московской студенческой молодежи по завершению изучаемого периода, характеризующий фактическое участие студентов в конкретных формах политической деятельности, наблюдается в формах, относящихся к электоральному компоненту. Наиболее распространенными формами политической активности, теми, которые проявляло наибольшее число студентов, стали подписание петиций, обращений к власти (эту форму активности реализовали 50,1% опрошенных), голосование на выборах президента Российской Федерации (46%), а также на выборах глав регионов (29,5%). В данном контексте важно отметить невыраженный характер стихийно-массовой, в том числе неконвенциональной активности, проявленной московскими студентами в течение наблюдаемого периода. Вовлеченность в стихийно-массовую активность имела локальный характер, проявлялась на уровне отдельных групп, а не на уровне большинства студентов. 15,7 процента опрошенных заявили о том, что принимали участие в легальных митингах, шествиях и демонстрациях, 11,5 процента — в несогласованных с властями акциях. Иные виды деятельной активности (в том числе партийная, струк-

¹³ Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 19–20 марта 2018 года. В опросе принимают участие россияне в возрасте от 18 лет не менее чем из 80 регионов. Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 2000 респондентов. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории страны. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Для данной выборки максимальный размер ошибки с вероятностью 95% не превышает 2,2%. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9006> (дата обращения: 01.06.2019).

¹⁴ Выборы президента РФ — 2018: данные опроса на выходе (экзитпола) ВЦИОМ [Электронный ресурс]. — URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2018/2018-03-18_ybyory2018.pdf (дата обращения: 01.06.2019).

турная, связанная с деятельностью общественных организаций и движений, и профессиональная) также проявляются на уровне немногочисленных групп активистов. Таким образом, электоральные формы политической активности являются наиболее массовыми и распространенными формами участия московской студенческой молодежи в политике.

На выборах мэра Москвы большинство студентов, принявших участие в голосовании (64,9%), так же как и на президентских выборах, поддержало кандидатуру действующего представителя власти. Объем подвыборки по данному показателю (доля голосовавших на выборах мэра Москвы) не позволяет делать каких-либо достоверных выводов о распределении голосов студентов на этих выборах, однако есть основания полагать, что большинство студентов, участвовавших в них, действительно проголосовало за С.С. Собянина. Учитывая тот факт, что среди всех государственных политических институтов деятельность мэра Москвы оценена студентами наиболее высоким условным средним баллом (рассчитан для пятизвенной порядковой шкалы, где 1 — наименьшая оценка, а 5 — наибольшая, значение — 3,36), можно говорить о поддержке его кандидатуры студентами на выборах.

В практике российского (и не только) политического процесса наблюдается тенденция к меньшей активности населения на выборах регионального уровня, например, выборы мэра или губернатора по сравнению с выборами федерального масштаба. Этот же тренд наблюдается и в среде московского студенчества. Явка студентов на выборы в мэры Москвы оказалась на 16 процентов ниже явки на президентские выборы. При этом характерно, что явка на выборы главы столицы оказалась примерно одинаковой среди москвичей в целом (30,9%) и среди московских студентов (29,5%), тогда как явка московских студентов на президентские выборы была существенно ниже как общероссийской явки, так и явки по Москве¹⁵.

Потенциальная политическая активность московской студенческой молодежи по результатам замера в сентябре 2018 года отражает выраженные установки на участие в политике посредством конвенциональных форм. При этом в структуре форм проявления потенциальной активности так же, как и в структуре реализованной активности, наблюдается преобладание форм, относящихся к компоненту электоральной активности. Аналогично порядку распределения форм реализованной активности, модальной формой проявления потенциальной активности является подписание петиций и обращений к власти. Эту форму политического участия готовы реализовывать 76,8 процента опрошенных московских студентов. Для измерения установок на участие в формах непосредственной волеизъявительной электоральной активности респондентам предлагалось оценить собственную готовность

¹⁵ Результаты выборов мэра Москвы [Электронный ресурс]. — URL: http://www.moscow_city.vybory.izbirkom.ru/region/region/moscow_city?action=show&root=1&tvd=27720002197406&vrn=27720002197402®ion=77&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vibid=27720002197406&tyre=234 (дата обращения: 01.06.2019).

участия в референдуме по политическим вопросам. Данный показатель видится наиболее адекватным для измерения потенциальной электоральной активности в период между электоральными циклами. Доля московских студентов, допускающих свое участие в референдуме, составляет 57 процентов.

Электоральный компонент потенциальной политической активности является наиболее выраженным по сравнению с остальными компонентами: структурной активностью (до 50% опрошенных выражают готовность участвовать в политике в формах, относящихся к данному компоненту, например, участвовать в деятельности общественных движений), стихийно-массовой активностью (участие в митингах, шествиях, демонстрациях — 44,9%), а также профессиональной активностью (работа, профессиональная деятельность в органах власти — 33,9%).

При сравнении потенциальной электоральной активности в период перед президентскими выборами с потенциальной электоральной активностью по завершении цикла выборов можно заметить некоторое снижение уровня активности в данном компоненте, тем не менее, уровень потенциальной активности превышает уровень реализованной. Так, несмотря на то, что больше половины представителей московского студенчества выражают готовность принимать участие в политике посредством форм электоральной активности, а значит, имеют достаточно высокий мобилизационный потенциал участия в выборах в будущем, различия между реализованной и потенциальной активностью, а также снижение интереса данной социальной общности к выборам в зависимости от их масштаба позволяют прогнозировать низкую активность (на уровне 30% и менее) московской студенческой молодежи на предстоящих выборах в московскую городскую думу 8 сентября 2019 года.

Таким образом, обобщая результаты изучения особенностей электоральной политической активности московского студенчества, необходимо сделать следующие выводы.

Во-первых, электоральная активность московской студенческой молодежи на выборах президента Российской Федерации оказалась ниже, чем активность граждан в целом и молодежи страны в возрасте от 18 до 34 лет. При этом в социальной общности московского студенчества, как и среди россиян, женщины активнее голосовали на прошедших выборах, однако в отличие от всего электората страны такой уровень активности женщин обусловлен социально-мотивационными факторами, а не численным большинством в гендерной структуре населения. Еще одной особенностью явки московского студенчества на выборах стала большая активность студентов средних и старших курсов бакалавриата и специалитета по сравнению с младшими курсами и студентами магистратуры.

Во-вторых, доля московских студентов, поддержавших избранного Президента, на прошедших выборах оказалась ниже по сравнению с долей среди россиян в целом и российской молодежи в возрасте 18–34 лет, тем не

менее, эта доля оказалась наибольшей в распределении голосов в данной социальной общности.

В-третьих, в период перед выборами президента потенциальная электоральная активность московского студенчества была на уровне 73 процентов, при этом она конвертировалась в реализованную в меньшем объеме. На снижение явки в данной социальной общности могла повлиять «забастовка избирателей», инициированная А.А. Навальным.

В-четвертых, среди российской молодежи в возрасте от 18 до 25 лет (той возрастной категории, которая охватывает большинство представителей студенчества), наблюдается наибольшая доля тех, кто выражает неудовлетворенность и недоверие результатам президентских выборов 18 марта 2018 года в сравнении с остальными возрастными группами, однако большинство молодых россиян оценивает прошедшие выборы положительно.

В-пятых, уровень активности московской студенческой молодежи на выборах в мэры Москвы практически не отличался от уровня активности москвичей в целом, но оказался ниже, чем на президентских выборах.

В-шестых, самыми массовыми формами политической активности московской студенческой молодежи в изучаемый период стали формы, относящиеся к компоненту электоральной активности: наряду с подписанием петиций и обращений к власти — это голосование на выборах президента страны и глав регионов. Реализованная стихийно-массовая политическая активность носит невыраженный характер. Она проявляется на уровне групп, а не на уровне большинства. При этом установки на реализацию неконвенциональной, в частности, протестной активности имеет наименьшая доля опрошенных, выражающих готовность принимать участие в политике как минимум в одной форме деятельности. Аналогично реализованной политической активности, в структуре потенциальной активности московской студенческой молодежи также наиболее выражены формы, относящиеся к электоральной активности.

Список литературы

1. Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита / Под. ред. В. Федорова. М.: ВЦИОМ, 2018. 440 с.
2. Карпенко О.М., Ламанов И.А. Молодежь в современном политическом процессе в России. М.: Изд-во СГУ, 2006. 560 с.
3. Ежов Д.А. Актуальные тенденции и факторы электоральной активности российской молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. №. 3. С. 356–358.
4. Голоулина Е.В. Электорат завтрашнего дня: ожидания и реальность // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2(12). С. 28–40.

Д.В. МАТЮШЕНКО
С.В. МИРОНОВА

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

***Аннотация.** В статье рассматриваются понятия «политическая осведомленность», «политическая культура» и «политическая и правовая грамотность», при этом для более обстоятельного описания рассматриваемого явления авторами вводится понятие «электоральная грамотность». Для выявления уровня электоральной грамотности молодежи города Ярославля было проведено исследование методами социологического и экспертного опроса с последующим расчетом коэффициента конкордации для подтверждения экспертных данных. По итогам авторами были выделены рекомендации, которые направлены на повышение уровня электоральной грамотности, а также интереса молодежи к институту выборов и выборному процессу в целом.*

***Ключевые слова:** выборы, политическая осведомленность, политическая и правовая грамотность молодежи, электоральная грамотность, экспертный опрос, социологическое исследование, рекомендации по повышению электоральной грамотности.*

ELECTORAL LITERACY OF YOUTH AS A FACTOR OF POLITICAL ACTIVITY: REGIONAL ASPECT

***Abstract.** This article discusses the concept of political awareness, political culture and political and legal literacy, while the authors for a more detailed description of the phenomenon, introduced the concept of "electoral literacy". To identify the level of electoral literacy of youth in Yaroslavl, a study was conducted by methods of sociological and expert survey, followed by the calculation of the coefficient of concordance to confirm the expert data. As a result, the authors identified recommendations aimed at improving the level of electoral literacy, as well as the interest of youth in the institution of elections and the electoral process as a whole.*

***Keywords:** elections, political awareness, political and legal literacy of youth, electoral literacy, expert survey, sociological research, recommendations for improving electoral literacy.*

МАТЮШЕНКО Дмитрий Викторович — студент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль
МИРОНОВА Светлана Владимировна — студент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, г. Ярославль

В настоящее время наблюдаются положительные тенденции, связанные с проявлением гражданской активности в общественной и политической жизни государства. Однако сохраняется проблема низкой правовой и политической грамотности населения, в частности, молодежи, влияющая на степень и заинтересованность их участия в выборах и референдумах.

Для описания политических и правовых знаний молодых граждан в науке применяются различные понятия, в том числе «политическая осведомленность» и «политическая культура». Буквальное толкование слова «осведомленность» подразумевает наличие сведений о чем-либо или о ком-либо. Политическая культура, в свою очередь, является значительным понятием, обозначающим отдельный, самостоятельный институт. Существующая дискуссия о данном понятии делает затруднительным формирование общего термина. Отечественный культуролог М.С. Каган считает политическую культуру частью духовной культуры общества [1]. В свою очередь, Л.Н. Коган полагает, что политическая культура — это особый вид культуры наряду с материальной и духовной, она пронизывает все виды культуры и осуществляет связь материальной и духовной культуры с политикой [2].

В литературе по исследуемой проблематике также указывается, что компоненты, «составляющие политическую культуру, тесным образом связаны с общенациональной культурой, социокультурными, национально-историческими, религиозными, национально-психологическими традициями, обычаями, стереотипами, мифами, установками и т.д. Фундаментальные компоненты национальной культуры оказывают большое влияние на формирование системы политических убеждений и политической культуры в целом» [3, с. 56–57].

Представители современного научного сообщества, в частности А.Л. Маршак, подтверждают комплексный характер политической культуры, говоря о ней как о совокупности различных социокультурных направлений и моделей, отражающих интересы многочисленных слоев населения. По многочисленным исследованиям, в российской действительности сложилось следующие четыре основные социокультурные группы, составляющие институт политической культуры: так называемые традиционалисты — приверженцы прошлого, ностальгирующие по культуре советского периода; представители либеральных взглядов; приверженцы консерватизма; религиозная культура как особый элемент культурно-исторического процесса [4].

Ряд российских авторов рассматривает политическую культуру в цивилизационном контексте. А.О. Шульженко и С.Б. Маргулис разделяют политическую культуру на «западную» и «восточную», определяя характерные черты каждой. По их мнению, для политической культуры западной цивилизации характерны активистская модель участия, либерализм и демократия, важная роль различных меньшинств, многочисленный сред-

ний класс, открытый тип участия в политике и ситуация, когда индивидуальное превалирует над общественным. Восточной культуре свойственен преимущественно смешанный тип «подданическо-партиципаторных» проявлений, в которых чаще присутствует авторитарное правление, традиционализм, большую роль играет религия, а общественное преобладает над индивидуальным [5].

На наш взгляд, приведенные выше понятия в полной мере не отражают факторы, непосредственно влияющие на участие молодежи в выборах и иных формах участия в политической жизни государства. Рассматривая основные причины участия и неучастия молодежи в выборном процессе, стоит апеллировать понятием «электоральная грамотность», под которым мы будем иметь в виду совокупность знаний и навыков об избирательной системе, политической деятельности, основных правах и обязанностях гражданина, способствующих его сознательному участию в политической жизни общества и ответственности за принимаемые решения.

В условиях становления гражданского общества и правового государства население страны имеет ряд прав, позволяющих им управлять страной, происходящими политическими процессами, прямо или через представителей воздействовать на власть. Участвуя в референдумах и выборах, граждане наделяются большой долей ответственности за принимаемые решения. Следовательно, вопрос о формировании политической и правовой грамотности населения России в настоящее время является весьма актуальным.

Выборы — важнейший государственный и общественный институт, обеспечивающий представительство интересов всех граждан и позиций политических сил. Только выборы делают смену власти легитимной, они же способствуют смене поколений в политическом истеблишменте. Отказываясь от активного участия в избирательных процессах страны, молодые люди лишаются возможности легально продвигать свою позицию на политическую и общественную арену. Кроме того, молодежь неактивно пользуется своим пассивным избирательным правом, что влечет за собой невозможность представительства интересов молодежи в законодательных органах власти.

Низкий интерес молодежи к избирательным процессам может быть связан, в частности, с их недостаточной правовой и политической грамотностью, которая оказывает прямое влияние на формирование у граждан политической культуры и доверия к избирательной системе и знаний об электоральных процессах в стране.

* * *

С целью выявления уровня электоральной грамотности молодежи города Ярославля в 2018 году нами было проведено исследование, включавшее в себя анкетирование молодых людей в возрасте от 18 до 35 лет и

экспертный опрос. На вопросы разработанной анкеты ответил 321 респондент, что, исходя из расчетов выборки (генеральная совокупность всего респондентов — 113 631; доверительный интервал погрешности $\pm \% - 5$;) говорит о ее репрезентативности.

В соответствии с намеченной целью были поставлены задачи: разработать анкету для выявления уровня электоральной осведомленности молодых людей; разработать рекомендации по повышению их электоральной грамотности на основе полученных данных; выявить позиции экспертного сообщества города по указанной проблеме. В качестве методов исследования выступили: анкетирование (социологический опрос); экспертный опрос; сравнительный анализ, основанные на инструментальном, бихевиористском и политологическом подходах.

В ходе исследования была разработана социологическая анкета, включающая в себя 21 вопрос, из которых: 4 вопроса — паспортчика, направленная на выявление социально-демографических характеристик респондентов; вопросы — опросный лист, фиксирующий данные по теме исследования.

По типу вопросов анкета состояла из 17 закрытых вопросов, одного вопроса со свободной формой ответа и трех частично открытых, то есть, с возможностью добавления своего варианта ответа. Она предполагала ответы на 3 блока вопросов, посвященных оценке интереса к политической сфере и выборному процессу; избирательным правам граждан; избирательной (выборной) грамотности и осведомленности.

По итогам проведенного исследования нами были получены следующие результаты: все молодые люди, прошедшие опрос, проживают в городе Ярославле; из 321 респондента 59,2 процента — представители женского пола (190 человек); 40,8 процента — мужчины (131 человек); большинство опрошенных — представители категории молодежь от 18 до 21 года (67% — 215 человек).

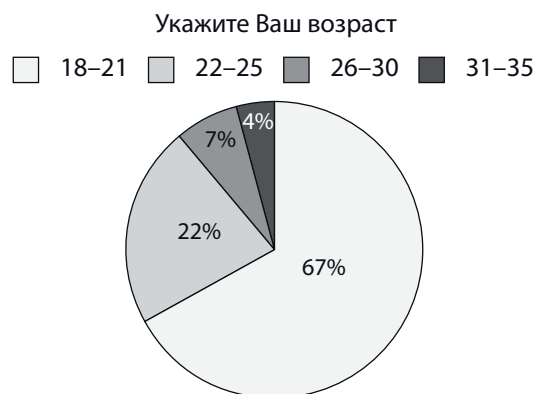

Рисунок 1. Возрастной состав респондентов

Большинство респондентов имеют неполное высшее образование, то есть являются студентами.

При ответе на вопросы, посвященные оценке интереса к политической сфере и выборному процессу, выяснилось, что около половины молодых граждан Ярославля (131 человек — 40,8%) не интересуются политической сферой и примерно такой же процент опрошенных совсем не участвуют в выборах (59 человек — 18,4%) либо участвуют нерегулярно (76 человек — 23,7%).

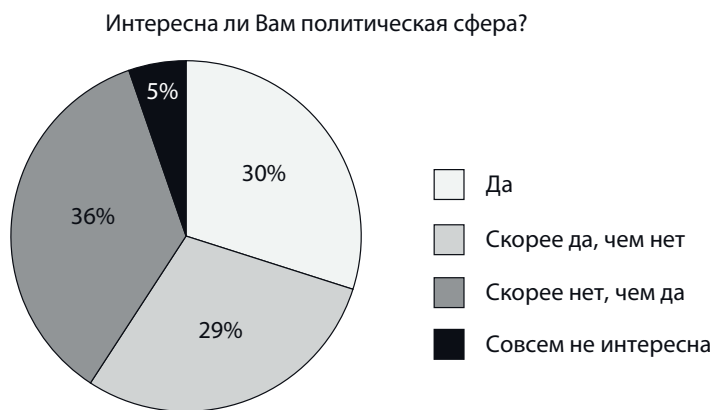

Рисунок 2. Оценка интереса молодежи к политической сфере

Только 42,4 процента (136 человек) молодых людей стараются регулярно принимать участие в выборах, а 15,3 процента (49 человек) проявляют интерес исключительно к федеральным выборам.

Рисунок 3. Зависимость степени участия молодежи от уровня проводимых выборов

При ответе на вопрос «*Что влияет на Ваше участие в выборах?*» наибольшее число респондентов (182 человека — 56,7%) аргументировали свое участие тем, что они могут проголосовать за кандидата, преследующего и отвечающего их ожиданиям и интересам. Вторым по популярности вариантом ответа стала важность избирательного голоса респондентов и их возможность влияния на судьбу страны через выборы (110 человек — 34,3%).

Что, по Вашему мнению, влияет на участие (возможное участие) в выборах?

Рисунок 4. Основные факторы, влияющие на участие молодежи в выборах

Наиболее популярными вариантами ответа на вопрос «*Что способно повлиять на Ваше неучастие в выборах?*» стали: невозможность проведения в России честных выборов (214 человек — 66,7%) и отсутствие кандидата, который отстаивал бы интересы респондента (198 человек — 61,7%).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодые избиратели испытывают потребность в нахождении в избирательном бюллетене именно тех кандидатов, которым они бы доверяли и которые отстаивали бы их интересы. Данный фактор в равной степени влияет как на потенциальное участие, так и на политический абсентеизм респондентов.

Кроме того, большой процент опрошенных заведомо не уверен в честности проводимых в России выборов, однако, осознает, что через выборы у них есть возможность повлиять на судьбу страны.

При оценке результатов ответов респондентов на вопросы второго блока было выявлено, что значительная часть молодежи осведомлена о своих избирательных правах. Однако, 23,7 процента (76 человек) все же затрудняются ответить на данный вопрос, еще 4 процента не знают о своих правах.

При этом, при конкретизации избирательных прав и ответе на вопрос «Что, по-вашему, НЕ включают избирательные права граждан РФ?» многие указывали такие позиции, как «право проголосовать вне помещения для голосования», «право проголосовать досрочно на избирательном участке». Следовательно, мы можем говорить, о невысоких знаниях респондентов о «непопулярных» избирательных правах.

Что, по Вашему, НЕ включают избирательные права граждан РФ?

Рисунок 5. Знания респондентов об основных избирательных правах

В ходе исследования выяснилось, что лишь чуть более половины молодых граждан уверены, что их избирательные права не нарушались, тогда как, 15,6 процента (50 человек) опрошенных уверены в несоблюдении их прав, еще 33,3 процента (107 человек) затрудняются ответить. Защитить свои нарушенные права респонденты готовы путем обращения в прокуратуру (173 человека — 53,9%), в ЦИК России (222 человека — 69,2%), в суд (150 человек — 46,7%).

Это значит, что молодые граждане хорошо ориентируются в базовых избирательных правах — «избрать и быть избранным», однако слабо осведомлены о конкретных, узконаправленных своих правах.

Вопросы третьего блока были посвящены избирательной (выборной) грамотности и осведомленности молодежи. По ответам опрошенных на вопрос об участии в выборах в качестве кандидата выяснилось, что респонденты в большинстве своем не имеют подобного опыта.

Имеете ли Вы опыт участия в выборах в качестве кандидата?

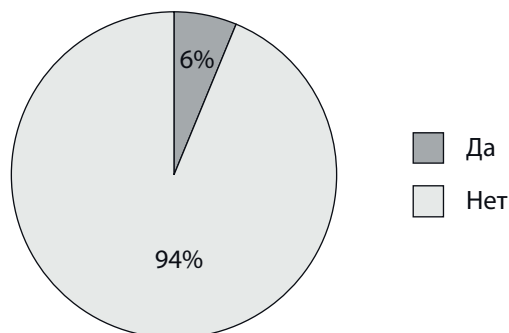

Рисунок 6. Опыт использования респондентами пассивного избирательного права

Молодые люди в подавляющем большинстве осведомлены, что на всероссийских выборах граждане выбирают президента (298 человек — 92,8%). Однако, 43,7 процента (184 человека) респондентов не знают, что должность депутатов Государственной Думы также является выборной. При этом достаточно большая доля опрошенных уверены, что они выбирают Председателя Правительства Российской Федерации (26 человек — 8,1%). 20 человек затруднились ответить на этот вопрос.

В рамках опроса мы выявили уровень знаний молодежи о системе органов государственной и муниципальной власти в стране. Несмотря на то, что данные вопросы входят в курс общеобразовательной школьной программы, 16,2 процента не знают, к какой ветви власти относится депутат Государственной Думы.

В ходе анкетирования была выявлена следующая тенденция: знания о выборных сроках, о кандидатах и их полномочиях значительно выше, если речь идет о всероссийских и региональных выборах, а вопросы о муниципальных избирательных процессах вызывают затруднения. Например, о том, что на последних всероссийских выборах население избирало президента, осведомлены всего 198 опрошенных (61,7%), в то время как остальные 38,3 процента ответили неверно, а в частности 21,8 процента считали, что население выбирало депутатов Государственной Думы; 11,5 процента затруднились ответить на данный вопрос.

Похожие результаты были показаны и при ответе на вопрос о последних, проходивших в Ярославской области региональных выборах. Так, правильно ответили на вопрос всего 193 человека (60,1%), а 39,3 процента не смогли правильно ответить на поставленный вопрос. 19,3 процента затруднились, а 12,5 процента посчитали, что последний раз в области выбрали губернатора.

Большинство молодых ярославцев не осведомлены, каким образом избирается мэр г. Ярославля, а также не знают представителя их интересов (муниципального депутата) в своем округе. Они испытывают трудности при ответах на вопросы об разграничении полномочий региональной и местной власти.

Кто, по Вашему мнению, выбирает МЭРА г. Ярославля?

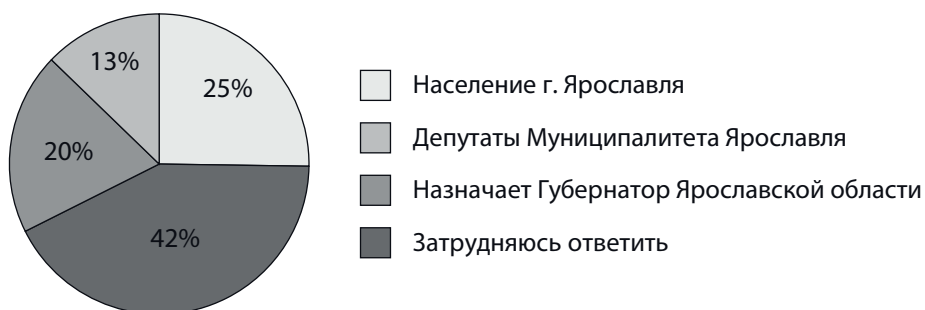

Рисунок 7. Осведомленность респондентов о выборах мэра г. Ярославля

В ходе исследования респондентам был предложен вопрос «Знаете ли Вы муниципального депутата по Вашему округу? (если да, напишите имя)» с открытым вариантом ответа.

Выяснилось, что всего 16 процентов опрошенных (52 человека) знают своего муниципального депутата по своему муниципальному округу. При этом 47 человек написали фамилию или полные инициалы депутата, а 5 человек ограничились ответом «да». Подавляющее число опрошенных (82% – 269 человек) не знают своего представителя в муниципалитете города. При этом 43 человека ответили на вопрос, назвав имена депутатов областной и Государственной Думы, а также мэра Ярославля и Губернатора Ярославской области, что может говорить о недостаточности знаний в вопросе разделения властей.

* * *

Для верификации полученных социологических данных был проведен экспертный опрос, а также рассчитан коэффициент конкордации для определения достоверности данных и согласованности мнений экспертов по проблеме. Анкета для экспертного опроса содержала 6 вопросов, предполагающих развернутый ответ и их количественную оценку по шкале от 1 до 10 (где 1 – это низкая значимость, 10 – высокая значимость и ценность).

Также экспертам было предложено заполнить анкету оценки компетенции для дальнейшего проведения расчетов. Для ее определения ис-

пользовался метод шкалирования, при котором различным характеристикам компетенции эксперта придается определенный балл, оценивающий уровень квалификации. Была применена десятибалльная шкала.

Всего в экспертном опросе приняло участие 5 специалистов, имеющих опыт работы в Избирательной комиссии Ярославской области, избирательных кампаниях регионального и федерального уровня, а также преподаватели Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

«Весовой» коэффициент компетенции j -эксперта рассчитывается по формуле $h_j = \frac{h_{\text{общ.}} \times h_{\text{самооц.}}}{100}$, где $h_{\text{общ.}}$ берется как среднеарифметическое набранных баллов общей оценки. В качестве меры достоверности и согласованности действий экспертов используется коэффициент конкордации (W).

$$W = \frac{\sum d^2}{\frac{1}{12} p^2 (i^3 - i) - p \sum_{j=1}^p T_j}$$

Где $\sum d^2$ – суммарное квадратичного отклонения суммарных событий от среднего значения оценки экспертов; p – число экспертов; i – число исследуемых событий; T_j – ранжирование важности событий, где

$$T_j = \frac{1}{12} \sum_k (k^3 - t_j),$$

k_j – число повторяющихся рангов в j -м ряду; t_j – число повторений каждого ранга в j -м ряду. Таким образом, полученный результат позволяет говорить, что действия экспертов в значительной степени согласованы, а данные ими оценки достоверны и объективны.

* * *

Экспертное сообщество отметило важность изучаемой проблемы. Электоральная грамотность молодежи города Ярославля, по мнению многих из них, находится на уровне «средней» или «ниже среднего». Между тем эксперты отмечают, что уровень знаний сильно зависит от сферы профессиональных интересов молодежи. Например, знания студентов специализированных направлений (политология, социология, юриспруденция) находится на уровне «выше среднего».

Осведомленность молодых людей об избирательных процессах влияет на доверие к системе выборов, желание участвовать в политической сфере своего государства. В свою очередь, уровень электоральной грамотности можно повышать через взаимодействие органов государственной и муниципальной власти, общеобразовательных учреждений, систем избирательных комиссий. Кроме того, часть экспертов высказало мнение о необходимости вовлечения в этот процесс политических партий, общественных и некоммерческих организаций.

Среди предложенных вариантов решений преобладают идеи, связанные с вовлечением интернет-инструментов в образовательный процесс. Экспертное сообщество было единодушно во мнении, что наиболее приоритетной и привлекательной для молодежи формой обучения избирательным правам и повышения электоральной грамотности являются дебаты, деловые игры и практическое вовлечение молодежи в организацию и проведение выборов.

Все эксперты отметили, что в силу широкого освещения в СМИ, знания молодежи о федеральных выборах значительно выше, чем о региональных и местных. Осведомленность и интерес молодежи к местному уровню власти значительно ниже по сравнению с федеральным и региональным, что также подтверждается полученными данными социологического исследования.

Говоря о низкой популярности пассивного избирательного права среди молодежи, эксперты сошлись во мнении, что это не представляет собой проблему для избирательной системы Российской Федерации. Однако, они уверены в полезности участия молодых людей в качестве кандидатов в избирательных кампаниях местного уровня и считают, что это будет способствовать накоплению политического опыта и повышению электоральной грамотности как самого кандидата, так и его окружения.

* * *

Для повышения знаний в области избирательного процесса, мы предлагаем ряд рекомендаций, которые могут быть реализованы через систему избирательных комиссий России, образовательных учреждений, органов государственной и муниципальной власти и политических партий.

1. Создание проекта «ЦИК Комикс» с целью доведения до молодых избирателей знаний о выборном процессе в доступной форме популярной массовой культуры. Главным персонажем комикса мог бы стать «ИзбирМЭН», который бы боролся со злостными нарушителями на выборах. Внешний вид героя отсылает к традиционным цветам избирательной комиссии — зеленому и желтому. Герой будет облачен в зеленый костюм с желтым плащом, а на груди у него красовалась бы эмблема ЦИК России.

В случае высокого интереса к персонажу в дальнейшем возможно создание мультсериала, который бы выходил на аккаунтах ЦИК России в социальных сетях. Можно наладить и выпуск детских книг по мотивам соответствующих комиксов и мультфильмов, ориентированных на аудиторию младшей и средней школы.

Предложенная мера может способствовать информированию и привлечению внимания молодежи, уже обладающей правом голоса, а также

формировала бы интерес у школьников к их будущему активному и пассивному избирательному праву.

Существующим примером подобного представления информации об избирательном процессе можно назвать картинки — комиксы, разработанные Центральной Избирательной комиссией Российской Федерации, и размещаемые в официальной группе социальной сети «ВКонтакте»².

2. В рамках проекта под эгидой ЦИК России «Школа молодого кандидата» можно было бы рассказать молодым людям в форме семинаров, тренингов и деловых игр о том, как правильно юридически и практически зарегистрироваться на выборы в качестве кандидата, подать документы на выдвижение, вести свою избирательную кампанию и каких ошибок при этом нужно избегать.

Данный проект мог бы помочь молодежи понять суть выборного процесса изнутри, а также уменьшить возможности радикальных политических элементов влиять на молодежь.

3. Проект «Просто о выборах» предполагает разработку и издание информационных материалов (брошюр, буклетов), в которых в простой и доступной форме планируется рассказать о полномочиях депутатов, особенностях организации и проведения выборов, избирательных правах и способах их защиты. Материалы будут представлять собой краткий алгоритм действий в конкретной ситуации. Предлагаемый контент будет состоять из понятных иллюстраций и инструкций для привлечения внимания различных категорий молодежи. Например, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 № 67-ФЗ, изложенный в предлагаемой нами форме в виде инфографики и алгоритмов действий (по принципу ответов на вопрос «да/нет») станет более понятным и интересным для простых граждан. Тем самым каждый молодой россиянин сможет самостоятельно оценить свои действия и действия уполномоченных лиц (кандидаты, наблюдатели, члены участковых и территориальных избирательных комиссий) с правовой точки зрения. Формат материалов подразумевает их выпуск также и в электронном виде с последующим их размещением на официальных ресурсах и в социальных сетях.

Стоит отметить, что в данный момент подразделениями ЦИК России ведется работа по продвижению института выборов в интернет-пространстве. Например, РЦОИТ при ЦИК России в апреле 2019 года запустил канал «Просто о выборах» на видеохостинге YouTube. Особенностью канала являются яркие и информативные видеоролики, хронометражем в 1–3 минуты, рассказывающие об основных правах избирателей и особен-

² ЦИК России. Социальная сеть «ВКонтакте». [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/cikrussia?z=photo-151165928_457245934%2Falbum-151165928_00%2Frev (дата обращения: 18.07.2019).

ностях российского избирательного права (институт наблюдения, активное и пассивное избирательное право, членство в УИК). Кроме того, канал публикует видео-лекции, посвященные выработке деловых компетенций у молодых избирателей. Данный пример ярко иллюстрирует возможности, предоставляемые сетевым пространством для дальнейшего повышения уровня электоральной грамотности среди молодых россиян³.

4. Проект *«Политика и право в игровой форме для учащихся средней и младшей школы»* предлагает включить в программу начальной и средней школы элективные часы о системе осуществления государственной и муниципальной власти в России. Наиболее приоритетной формой подачи материала являются деловые и научно-популярные мероприятия. С помощью доступной игровой формы ребята познакомятся с системой выборов и примерят на себя различные роли (кандидат, депутат, президент, работник избирательного штаба). Дети узнают о полномочиях различных должностных лиц, особенностях их работы, сложности принятия решений и аспектах работы на выборах. В качестве примера можно привести проведение настольной игры «Президент» студентами ЯрГУ им. П.Г. Демидова для учащихся школьного возраста. Игра, разработанная по мотивам популярной настольной игры «Монополия», позволила школьникам понять особенности ведения всероссийской избирательной кампании и почувствовать себя в роли кандидата в президенты.

* * *

В ходе изучения проблемы участия молодежи в выборном процессе нами было выявлено и сформулировано понятие «электоральная грамотность», которое описывает совокупность знаний, навыков и умений молодежи относительно их участия в избирательном процессе. Проведенное исследование региональной электоральной грамотности среди молодежи города Ярославля позволило прийти к выводу о ее недостаточно высоком уровне и, соответственно, о необходимости повышения, в том числе и через предложенные авторами рекомендации, взаимодействия органов муниципальной, региональной власти, общеобразовательных школ, избирательных комиссий различных уровней. Решению обнаруженных нами проблем частично способствовала ранее существовавшая Молодежная электоральная концепция, возрождение которой, с учетом доработок и предложений, вероятно, позволит поднять электоральную грамотность отечественной молодежи на новую, более высокую ступень.

³ Просто о выборах. YouTube. [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/channel/UC72Hr-_y2OREfwiahotvdeQ (дата обращения: 18.07.2019).

Список литературы

1. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 414 с.
2. Коган Л.Н. Теория культуры. Екатеринбург, 1993. 160 с.
3. Политическая культура: теория и национальные модели / отв. ред. К.С. Гаджиев; сост. Д.В. Гудименко. М.: Интерпракс, 1994. 351 с.
4. Маршак А.Л. Культура как основа современной российской идеологии: проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2017. Т. 17. № 4. С. 503–512.
5. Шульженко А.О., Маргулис С.Б. Взаимосвязь между политической культурой страны и типом ее политического лидера // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие» (Санкт-Петербург, Декабрь 2018). СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2019. С. 44–47.

Т.Н. СИДОРУК
Н.В. ЖЕЛТИКОВ
А.С. БОРМИНЦЕВА

НЕЗАВИСИМОСТЬ ВЫБОРОВ В КОНТЕКСТЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ИЗБИРАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Аннотация. *Статья посвящена вмешательству в выборы как политико-правовому явлению. Исследованы сущность, содержание и основные способы (формы) вмешательства в избирательный процесс; определены возможности противодействия ему в современных условиях. Показаны особенности использования в качестве инструмента политического вмешательства социальных сетей и Интернета. Авторы формулируют принципы избирательного права, необходимые для обеспечения дополнительных гарантий свободы волеизъявления избирателей и легитимности власти: в рамках международного права — принцип невмешательства в избирательный процесс суверенных государств; в рамках российского законодательства — принцип независимости выборов.*

Ключевые слова: *вмешательство в выборы, избирательный процесс, электоральный суверенитет, внутреннее и внешнее вмешательство, свобода волеизъявления избирателей, фейк, астротурфинг, независимое наблюдение.*

THE ELECTION'S INDEPENDENCE IN THE CONTEXT MEDDLING IN ELECTION PROCESS

Abstract. *The article is devoted to the meddling in elections as a political and legal phenomenon. The essence, content and main methods (forms) of meddle in the electoral process have been investigated; the possibilities of counteracting it in modern conditions have been determined. The features of using social networks and the Internet as a tool of political intervention have been shown. The authors formulate the principles of electoral law necessary to provide additional guarantees of freedom of expression of voters' will and legitimacy of power: within the framework of international law — the principle of non-interference in the electoral process of sovereign States; within the framework of Russian legislation — the principle of independence of elections.*

Keywords: *meddling in elections, electoral process, electoral sovereignty, internal and external meddle, freedom of expression of voters, fake, astroturfing, independent observation.*

СИДОРУК Татьяна Николаевна — студент ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк
ЖЕЛТИКОВ Никита Витальевич — студент ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк
БОРМИНЦЕВА Александра Сергеевна — студент ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», г. Липецк

«Избиратели — народ ненадежный. Нужно быть готовым к тому, что придется вмешаться в ход выборов»
(из воспоминаний А. Бейлина о выборах в I Государственную думу)
[1, с. 322]

Словосочетание «вмешательство в выборы» является, вероятно, одним из самых популярных в современном политико-правовом дискурсе. Во всех современных демократических государствах разговоры о выборах сопровождаются опасениями по поводу воздействия на волю избирателей и программирования результатов избирательных кампаний. Эти опасения не лишены оснований, так как современные избирательные технологии и широкое распространение электронных средств связи создают практически неконтролируемые возможности для информационного воздействия на потенциальных избирателей. Не случайно, что в последние годы возникло понятие «электоральный суверенитет» (И.Б. Борисов), которое подчеркивает значимость защиты избирателей от противоправного влияния.

Не меньшую (а фактически значительно большую) опасность представляют собой разнообразные формы нарушения действующего избирательного законодательства внутри страны. В избирательной системе Российской Федерации за 25 лет ее существования проявились разные способы такого вмешательства — от распространения ложных сведений о кандидатах до прямого давления на избирателей.

С проблемой вмешательства в выборы теснейшим образом связан и другой важнейший аспект избирательной тематики, а именно — вопрос о легитимности власти. Обеспечение свободы выборов — важнейшее условие «принятия» власти населением. Пример с американским президентом Д. Трампом — прямое тому подтверждение. Попытки увидеть в его победе на выборах «руку Москвы» и на этом основании ставить под сомнение законность пребывания Трампа у власти уже несколько лет будоражат не только Америку, но и все мировое сообщество.

Заслуживает внимания и другое обстоятельство: в условиях глобализации информационного пространства процесс воздействия на политическую волю избирателей становится практически неконтролируемым и не имеющим границ. Социальные сети Facebook, YouTube, Twitter, мессенджер WhatsApp становятся сегодня тем оружием, которое бесцеремонно используется в политических целях. В итоге за каких-нибудь два-три года центр тяжести электоральной проблематики с обеспечения явки населения на избирательные участки переместился в другую плоскость — в плоскость обеспечения информационной безопасности избирательных кампаний и признания действительности их результатов.

Но что же на самом деле представляет собой «вмешательство в избирательный процесс»? Действительно ли оно имеет то критическое значение, которое придается ему сегодня? Где заканчивается «свобода волеизъявления»

избирателя и начинается ее ограничение? В каком случае вмешательство в выборы отражает лишь обычную практику политической борьбы, а в каком — становится преступлением, за которым должно следовать наказание? Как разграничить формы внешнего вмешательства и внутреннего, и каким образом можно противостоять как первым, так и вторым? Наконец, не пора ли поставить вопрос о дополнении зафиксированных в законе «классических» принципов избирательного права еще одним — принципом независимости выборов?

Представляется, что ответы на эти вопросы имеют принципиально важное значение как с позиции теории избирательного права, так и с точки зрения текущей политической практики. Они обуславливают необходимость исследования *вмешательства в выборы* как политико-правового явления; выявить сущность, содержание и основные способы (формы) вмешательства в избирательный процесс, а также определить возможности противодействия ему в современных условиях.

Вмешательство в выборы в политической практике России и других государств

Вмешательство в избирательный процесс как политико-правовое явление существует, вероятно, с тех самых времен, как люди стали выбирать своих вождей. При этом предлоги для вмешательства всегда выбирались самые благозвучные: «содействие интересам населения», «необходимость обеспечения стабильности», «координирующее вмешательство государства», «продвижение демократии» и т.п.

В истории России одним из наиболее громких фактов подтасовки результатов избирательной кампании стали выборы в IV Государственную думу в 1912 году. Их итог считается следствием «тотального подлога» и «прямого вмешательства властей в электоральный процесс». По заявлению А.И. Гучкова, сделанному на конференции «Союза 17 октября» в ноябре 1913 года, правительством «был составлен и приведен в исполнение грандиозный план фальсификации выборов» [2, с. 45].

Проблема внутреннего и внешнего вмешательства в избирательный процесс остается актуальной до настоящего времени. По данным американского политолога Д.Х. Левина, после Второй мировой войны основной оппонент СССР, а затем и России — США, — пытались повлиять на результаты восьми десятков избирательных кампаний в различных государствах¹. Эксперт, кстати, не видит ничего страшного в том, что государства предпринимают попытки вмешиваться в избирательные процессы друг друга. Он полагает, что никакого существенного влияния на результаты выборов это не оказывает.

¹ Sure, the U.S. and Russia often meddle in foreign elections. Does it matter? // URL: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/09/07/sure-the-u-s-and-russia-often-meddle-in-foreign-elections-does-it-matter/?noredirect=on&utm_term=.cea5e09307c4 (Date of access: 23.02.2019).

В статье известного американского издательства The New York Times под названием «Не только Россия вмешивается в выборы. Мы тоже этим занимаемся» приводятся примеры вмешательств США в избирательные кампании многих стран мира. Так, Л. Джонсон, начавший в 1970-х годах свою карьеру в Сенате с расследования деятельности ЦРУ, пишет: «Мы занимались подобным (вмешательством в выборы) с тех пор, как ЦРУ было основано в 1947 году <...>. Мы использовали постеры, памфлеты, баннеры, рассылали рекламно-информационные материалы и т.д. Размещали ложную информацию в зарубежных газетах»². В статье также сообщается, что США, благодаря ЦРУ, свергли выбранных лидеров в Иране и Гватемале в 50-х годах и поддержали государственные перевороты в ряде других стран в 60-е годы прошлого века. Интерес представляет высказывание С. Холла, который вышел в отставку в 2015 году после 30 лет службы в ЦРУ. Бывший разведчик уверен, что вмешательство — это прерогатива не России, а Соединенных Штатов, «и я надеюсь, — пишет он, — что мы продолжим это делать»³.

Очевидно, что процесс вмешательства со стороны США в выборы в других государствах американцы не расценивают как грубое нарушение международного права. Напротив, обвиняя Россию в кибератаках на собственную избирательную систему, они призывают не проводить сравнений с США, так как Россия вмешивается в выборы, чтобы «подорвать демократию или установить авторитарное правление». Другое дело — усилия США, которые направлены на то, чтобы «помочь неавторитарным кандидатам бросить вызов диктаторам или иным образом содействовать демократии»⁴.

Примером вмешательства в избирательный процесс могут служить события в Италии 1948 года. Д.Х. Левин описывает их следующим образом: «В этой средиземноморской стране мы бросили все силы на победу христианских демократов над коммунистами»⁵. По его словам, речь шла как о «сумках с деньгами», передаваемых на финансирование кампании и американских специалистов, так и о публичных угрозах прекратить помощь Италии в случае победы коммунистов. Подобная активность американцев, по данным Левина, сохранялась и во время следующих семи выборов. Практически идентичную ситуацию можно наблюдать в Никарагуа и Чехословакии в 1990 году. В российские выборы, как считает Левин, США начали вмешиваться с 1996 года, когда поддержали президента Б. Ельцина тем, что

² ЦРУ всегда вмешивалось в выборы в других странах, рассказали бывшие агенты. РИА Новости, 18.02.2018 // URL: <https://ria.ru/20180218/1514856353.html> (дата обращения: 23.02.2019).

³ Russia Isn't the Only One Meddling in Elections. We Do It, Too / The New York Times // URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/17/sunday-review/russia-isnt-the-only-one-meddling-in-elections-we-do-it-too.html> (date of access: 25.02.2019).

⁴ Ibid.

⁵ Вмешательство в выборы: 81 страна мира // URL: <http://maxpark.com/community/politic/content/5634203> (дата обращения: 15.02.2019).

одобрили кредит МВФ в 10,2 млрд долларов США. Деньги частично пошли на социальные выплаты — на пенсии и зарплаты.

Американский аналитик откровенен не только в отношении США. Немало фактов он приводит и в подтверждение вмешательства СССР в выборы в других странах: в ФРГ в 1980 году, в США в 1984 году с целью помешать переизбранию Р. Рейгана⁶. Однако, по мнению российского историка А. Громова, имел место лишь один документально подтвержденный случай вмешательства СССР в выборы в США, связанный с попыткой Сталина в 1948 году поддержать кандидатуру Г. Уоллеса против Трумэна⁷.

Таким образом, вторая половина XX века дает немало примеров активного вмешательства в избирательные кампании различных государств странами-лидерами существующего миропорядка.

В современных условиях можно наблюдать новые формы вмешательства в избирательные процессы, которые существенно обостряют проблематику электорального суверенитета государств. Так, в период избирательной кампании Президента России 2018 года звучало немало заявлений о попытках вмешательства в выборы со стороны США. Министр иностранных дел России С. Лавров осудил иностранное «участие в политической жизни» государства в виде собирания и инструктажа оппозиционеров. По словам главы комиссии Совета Федерации по государственному суверенитету А. Климова, из Вашингтона «поименно навязывают «правильных» кандидатов в президенты России, либо предлагают бойкот самих выборов»⁸.

Одной из последних и открытых попыток американских сенаторов повлиять на результаты выборов стал призыв не голосовать за кандидатуру россиянина А. Прокопчука, претендующего на пост главы международной организации Интерпол. Пресс-секретарь президента России Д. Песков усмотрел в этом откровенное вмешательство в избирательный процесс (пусть и на уровне избрания в руководящие органы международной организации). Что же касается обвинений в адрес России, то 2-летние расследования, стоившие США десятков миллионов долларов, так и не увенчались обнаружением доказательств российского «следа» в избрании Трампа.

Таким образом, как показывают исторические факты, вмешательство в процесс выборов, особенно крупными державами, явление обыденное. Такое вмешательство довольно часто является неэффективным, а зачастую — и контрпродуктивным⁹. Однако сам факт вмешательства ставит

⁶ Sure, the U.S. and Russia often meddle in foreign elections...

⁷ Велигжанина А. Правда и мифы в истории СССР: Сталин вмешивался в выборы президента США, а Троцкий отправлял Красную Армию в Индию // Комсомольская правда. 2018. 4 июля.

⁸ Невмешательство в выборы // URL: <http://actualcomment.ru/nevmeshatelstvo-v-vybory-1801172139.html> (дата обращения: 23.02.2019).

⁹ По мнению значительной части исследователей, принципиальную угрозу для безопасности государства представляет не факт вмешательства в выборы, а конструирование ситуации, способствующей политической и экономической дестабилизации в стране, дискредитации государственного суверенитета и народа как единственного источника легитимности политической системы [3, с. 103–106].

под вопрос легитимность нахождения у власти выбранного кандидата или партии и одновременно актуализирует проблему обеспечения «свободных и справедливых выборов», неотъемлемым признаком которых является их самостоятельность [4, с. 133].

Понятие, сущность, содержание, виды, формы и правовые последствия вмешательства в избирательный процесс

Суверенные государства стараются минимизировать вмешательство иностранных акторов в свою политическую жизнь. Эти усилия нашли воплощение, в частности, в выработке важнейшего международно-правового принципа — принципа политического невмешательства, основанного на уважении государственного суверенитета.

Наиболее уязвимой частью государственного суверенитета являются выборы в органы власти, то есть «электоральный суверенитет». Под таким понимается «правомочие государств самостоятельно, без влияния извне, реализовывать любую модель политической системы и порядок ее формирования, которые поддерживает народ и которые не противоречат взятым международным обязательствам» [5, с. 75].

Вмешательство в избирательный процесс можно рассматривать как *разновидность политического вмешательства, которое представляет собой умышленные действия, направленные на искажение конкурентного политического ландшафта с целью повлиять на результаты выборов в интересах субъекта вмешательства*. Непосредственная цель вмешательства в каждом конкретном случае варьируется от устранения нежелательного кандидата и получения конкурентного преимущества в избирательной борьбе до полной смены власти и правящего режима.

Можно выделить два основных направления вмешательства в выборы — внутреннее и внешнее. *Внутреннее вмешательство* представляет собой совокупность несанкционированных законодательством действий органов государственной власти, местного самоуправления, должностных лиц и граждан, направленных на установление контроля над политической ситуацией, получение конкурентных преимуществ в избирательной кампании и/или полную смену власти. Такие действия всегда имеют противоправный характер.

Внешнее политическое вмешательство можно определить как заранее спланированные несанкционированные действия иностранного государства (группы государств), международных организаций, иностранных юридических или физических лиц, целью которых является дестабилизация политической ситуации в суверенном государстве, установление контроля над политической ситуацией в нем, смена власти.

Внутреннее и внешнее политическое вмешательство имеют общую цель — дестабилизацию внутривнутриполитической обстановки, изменение конкурентного политического ландшафта, установление контроля над существующей властью и/либо государственный переворот.

Формы вмешательства могут быть как явными, так и скрытыми. Под *явным* вмешательством следует понимать открытую, целенаправленную, несанкционированную деятельность субъектов избирательного процесса или иных лиц, осуществляемую с целью изменения результатов выборов, дестабилизации политической ситуации в государстве. К видам такого вмешательства относятся, например, нападки на кандидата на выборную должность в социальных сетях, клеветнические обвинения в адрес кандидата и тому подобное. Так, например, в ходе избирательной кампании президента Бразилии в октябре 2018 года одному из кандидатов (Ж. Болсонару) Высший избирательный суд Бразилии предписал удалить со своей страницы в Facebook и канала в YouTube 6 ложных публикаций. Все они были направлены против Ф. Аддада — соперника Болсонару во 2-м туре выборов. В одном из постов утверждалось, что находясь на посту министра образования в 2005–2012 годах «Аддад якобы пытался с помощью специальных брошюр изменить ориентацию 6-летних детей на гомосексуальную»¹⁰.

Под *скрытым* вмешательством подразумеваются тайные, заранее спланированные действия политических акторов, направленные на оказание несанкционированного влияния на избирательный процесс суверенного государства или достижение иной (в т.ч. — корыстной) цели. Формами скрытого вмешательства выступают работа с оппозиционными элементами (инструктаж), незаконное финансирование участников избирательных кампаний, подкуп избирателей, осуществляемые зачастую через иностранные неправительственные организации [6]. В современных условиях, по мнению политологов, в практику такого вмешательства входит не только прямое или косвенное воздействие на волеизъявление избирателей, но и разнообразные формы политической дестабилизации в канун выборов (использование технологий «раскола элит» посредством утверждения «санкционных списков»; медиакампании, направленные на дискредитацию политических лидеров государства и нивелирование значимых для страны достижений и т.п.) [7, с. 89].

Ярким примером скрытого вмешательства является *электоральная коррупция*, которая не только искажает реальную картину политической конкуренции, но и закладывает коррумпированность будущих органов законодательной и исполнительной власти, тем самым снижая уровень доверия населения к избирательному процессу. Сам кандидат, имея корыстные намерения, может влиять на избирательную кампанию посредством противоправного осуществления информационного обеспечения выборов через СМИ, социальные сети или Интернет.

Анализ юридической литературы [8, с. 22; 9, с. 4] показывает, что электоральная коррупция может означать:

¹⁰ Особенности избирательной кампании в Бразилии: фейки вместо дебатов // URL: <http://amp.dw.com/ru/особенности-избирательной-кампании-в-бразилии-фейки-вместо-дебатов/a-45940910> (дата обращения: 15.02.2019).

1) подкуп, получение или дача взятки, иные коррупционные преступления, совершенные в рамках избирательной кампании;

2) использование административного ресурса; любое, связанное с выборами незаконное использование лицом своего публичного статуса, сопряженное с получением как для себя, так и для аффилированных лиц (например, своих родственников) выгоды материального характера (имущества, услуг или льгот), а также иной нематериальной выгоды вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу

Повлиять на результаты выборов можно также с помощью незаконного *финансирования*, каковым является противозаконное финансирование текущей деятельности политических акторов (партий, кандидатов и третьих лиц, аффилированных с ними), оказывающее влияние на итоги избирательных кампаний и конкуренцию на политическом рынке в целом. Например, кандидат может оплатить расходы на проведение избирательной кампании, используя средства не со счета кандидата, а из своего собственного кармана. Имея ресурс для административного давления, он может добиться преимуществ в доступе к СМИ, осуществить распространение клеветнической информации о своих оппонентах и так далее.

Другой разновидностью скрытого вмешательства в избирательный процесс выступает деятельность *оппозиции*, которой оказывают финансовую и консультативную помощь иностранные агенты. Избирательные кампании могут быть использованы «в качестве механизмов захвата политической власти ставленниками иностранных государств и финансируемых ими организаций» [10, с. 21]. Так, А.П. Данилов, рассматривая факты вмешательства стран Западной Европы и США в ход избирательной кампании в Беларуси в 2010 году, их непосредственной целью называет попытку захвата власти в стране посредством продвижения своего кандидата на пост главы государства [11, с. 74–75].

Представляется, что в условиях распространения информационно-коммуникационных технологий в особую разновидность вмешательства следует выделить те его формы, которые могут быть реализованы через социальные сети и Интернет. Опасность вмешательства такого вида состоит в его фактически безграничном и неконтролируемом воздействии на аудиторию.

Взлом автоматизированных систем голосования и определения результатов выборов — еще один «современный способ» дестабилизации избирательных систем. Так, непосредственно в день выборов 18 марта 2018 года информационная сеть ЦИК России подверглась мощной компьютерной атаке, в которой использовалась сеть из 30 тысяч компьютеров в 86 странах мира. Основной целью атаки был срыв работы видеонаблюдения за ходом голосования по стране, что могло послужить основанием для дискредитации итогов выборов.

Вмешательство может принимать самые разнообразные формы, однако наиболее часто используется метод преднамеренного искажения информации (например, результатов выборов) с последующим тиражированием и преумножением фальсифицированных данных. Как следствие, создается мощный поток информационного мусора, направленный на то, чтобы показать «нечестность» выборов, поколебать доверие граждан к избирательной системе.

В условиях распространения глобальных информационных сетей формами вмешательства в выборы (или электронного, цифрового, кибервмешательства) становятся специфические информационные акции, стирающие отчетливые границы между ложью и правдой и направленные на получение конкурентных преимуществ в борьбе за общественное сознание [12, с. 136]. Такие акции имеют богатую палитру в виде «фейков» (информационных подделок), номинаций, дефейсов, провокационных вбросов дезинформации, троллинга, астротурфинга, словесного манипулирования и др.

Фейк представляет собой специально сконструированные (ложные) свидетельства о вымышленных событиях. Эти формы информационных подделок весьма многообразны. К ним относятся псевдоновости, фотоподделки, фальшивые аккаунты, мошеннические сайты с фальшивыми комментариями несуществующих экспертов и др. [13, с. 94]. От *информационного вброса* фейк отличается наличием визуального материала в виде фотографии или видеоролика, снятых совсем по другому поводу и в другом месте.

На изобретении «фейков» в настоящее время специализируются как зарубежные СМИ, так и российские участники избирательных кампаний. Так, например, в известном электронном издании «МК.ru», стремившемся представить информацию о «креативных» способах повышения явки избирателей на выборы 18 марта 2018 года в регионах, прошло сообщение, согласно которому священнослужители пообещали жительницам города Орла за явку на избирательные участки... «отпустить грех аборт»¹¹. Информация, однако, оказалась «фейком»: по данным самих священнослужителей, покаянный молебен, на который приглашались женщины, проходил в стандартный день службы (воскресенье) и к выборам не имел никакого отношения¹².

Что касается словесного манипулирования, то его основным приемом является *номинация*: использование слов-классификаторов, позволяющих повесить «ярлык» на кандидата или событие. Это, например, такие определения, как «отщепенцы», «жулики», «фашисты» и тому подобное, которые при определенных условиях начинают выполнять функции психо-

¹¹ Как поднимали явку на выборах президента: скандалы из регионов // URL: <https://www.mk.ru/amp/politics/vertical-vlasti/2018/03/19/kak-podnimali-yavku-na-vyborakh-prezidenta-skandaly-iz-regionov.html> (дата обращения: 15.02.2019).

¹² Иверский храм г. Орла // URL: https://vk.com/vratarnica57?w=wall-158959868_19 (дата обращения: 18.03.2019)

логического программирования и способствовать выработке тех или иных электоральных установок.

Одной из форм вмешательства, распространившейся исключительно благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий, является *астротурфинг* (англ. *astroturfing*) — способ управления общественным мнением посредством создания видимости какого-либо социального эффекта. Технически этот метод держится на вытеснении сообщений реальных людей (на веб-форумах, в соцсетях) «замещающими» их фальшивками и реализуется при помощи современного программного обеспечения либо специально нанятых оплачиваемых пользователей¹³. Таким образом, создаются якобы «случайные» и «независимые» протестные группы, возникают волны «стихийной поддержки» того или иного кандидата.

Дефейс предполагает замену изображения — «изменение лица», размещение ложной информации на сайте «жертвы» как бы от ее имени. Такой прием был использован, например, в отношении предвыборного сайта К. Собчак, на главной странице которого был размещен юмористический коллаж с изображением В. Жириновского и персонажа в стиле «аниме».

Распространенной сегодня разновидностью информационного вмешательства является *троллинг* — метод целенаправленной провокации в социальных сетях, состоящий зачастую в публичных оскорблениях либо иным «хамском» поведении в Интернете.

Все перечисленные формы информационного воздействия входят в арсенал тайного или явного вмешательства в избирательный процесс как зарубежного, так и собственного государства.

По мнению целого ряда исследователей (иностраных и российских), вмешательство в избирательный процесс, как со стороны зарубежных государств, так и собственной оппозиции или просто нечистых на руку кандидатов, не может существенно повлиять на результаты выборов. Однако сам факт нарушения избирательного законодательства может иметь весьма пагубные последствия для государства. Подобного рода вмешательства могут привести к дестабилизации общества, поляризовать его, подрывая доверие населения к избранным органам власти.

Манипулируя вниманием аудитории, субъекты «вмешательства» управляют повесткой дня, переключают внимание людей с одних проблем на другие, определяют «важность» той или иной предвыборной информации. Такие приемы манипуляции общественным мнением, как разнообразные «правдивые свидетельства», сокрытие критически важных фактов и погружение ценной информации в массив информационного мусора, нельзя оставлять без внимания, поскольку в условиях современной России наибольшее значение для результатов выборов имеет даже не сам ход изби-

¹³ Савельев В. Астротурфинг // URL: <https://savelii-v.livejournal.com/32898.html> (дата обращения: 15.02.2019)

рательной кампании, включая поведение избирателей в день голосования, а целенаправленное искажение конкурентного политического ландшафта.

Обеспечение независимости выборов в современных условиях: проблемы и пути решения

В интересах минимизации негативного воздействия вмешательства в избирательный процесс необходимо разработать новые избирательные принципы, способные обеспечить дополнительные гарантии свободы волеизъявления избирателей и легитимности власти. На уровне международного права это должен быть принцип невмешательства в избирательный процесс суверенных государств, а на уровне российского законодательства — принцип независимости выборов.

Недопущение иностранного вмешательства в избирательные процессы регламентируется актами международного права. Так, в пункте 7 статьи 2 Устава ООН¹⁴ закреплён принцип невмешательства во внутренние дела государств, подразумевающий запрет как прямого, так и косвенного, как индивидуального, так и коллективного вмешательства. Гарантируется самостоятельный выбор и функционирование политических, социальных, экономических, культурных и иных систем государства; декларируется запрет вооруженного вмешательства или его угрозы, террористической и иной деятельности, направленной на разрушение и подрыв государственного строя. Все члены ООН обязуются, таким образом, не вмешиваться во внутренние дела иного государства. К «внутренним» делам государства, безусловно, относится и процесс выборов — то есть процесс, опосредующий прямое волеизъявление граждан в целях формирования органов государственной власти, органов местного самоуправления или наделения полномочиями должностного лица.

Правовую основу невмешательства в выборы создает и совокупность других международно-правовых актов (Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, Декларации Межпарламентского союза о критериях свободных и справедливых выборов, Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах-участниках СНГ). Однако международные источники права, во-первых, не способны в полной мере обеспечить принцип невмешательства в избирательный процесс без соответствующих норм национального законодательства, а во-вторых, требуют конкретизации в части обеспечения свободы волеизъявления избирателей от внешнего манипулирования.

В законодательстве современных государств «принцип независимости выборов» в качестве одного из исходных начал избирательного права не

¹⁴ Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 14–47.

предусматривается. А в условиях современной информационной эпохи и развития процессов глобализации, которая так или иначе вторгается во внутреннее пространство государств, подобные принципы должны не только формально существовать, но и оказывать непосредственное воздействие на сохранение и развитие института демократических выборов. Соответствующая задача лежит и на международном праве, в рамках которого должен быть выработан и закреплён принцип «невмешательства в выборы суверенных государств», определены четкие критерии и формы вмешательства.

Некоторые представления о возможном содержании принципа «невмешательства в выборы» можно получить на основании статей 3–7, 48, 58 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁵ (в ред. от 27 декабря 2018 г.; далее — Закон об основных гарантиях). В соответствии с пунктом 3 статьи 3 этого закона участие гражданина Российской Федерации в выборах и референдуме является свободным и добровольным. Никто не вправе оказывать воздействие на избирателей с целью принудить их к участию или неучастию в выборах и референдуме либо воспрепятствовать их свободному волеизъявлению. Пункт 7 той же статьи запрещает вмешиваться в деятельность избирательных комиссий. Иностранцам запрещается осуществлять деятельность, способствующую либо препятствующую выдвижению кандидатов (списков кандидатов), избранию зарегистрированных кандидатов, выдвижению инициативы проведения референдума и проведению референдума, достижению определенного результата на выборах или референдуме. Также декларируется невозможность вмешательства иностранцев в предвыборную агитацию.

В настоящее время в нашей стране особое внимание уделяется способам обеспечения информационной безопасности избирательных процессов. 14 октября 2014 года в силу вступили поправки к Федеральному закону «О средствах массовой информации», ужесточающие правила участия иностранных граждан в финансировании отечественных СМИ. Иностранцам инвесторам разрешается иметь не более 20 процентов акций российских издательств. В Минкомсвязи пояснили, что России важно продолжать сотрудничество с иностранными партнерами, но в то же время необходимо дать возможность российским СМИ быть более независимыми, в том числе — в политических вопросах¹⁶.

Действующее законодательство гарантирует свободу волеизъявления избирателя в части принятия решения об участии либо неучастии в выборах, но не в части свободы сделанного им политического выбора. Следовательно, в интересах обеспечения безопасности внутреннего политического пространства и, в частности, чистоты избирательного процесса в избирательное право

¹⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

¹⁶ Президент Российской Федерации подписал закон об ограничении участия иностранцев в СМИ // URL: <http://www.garant.ru/news/570735/> (дата обращения: 15.02.2019).

России необходимо ввести дополнительный принцип — принцип независимости выборов. Наряду с принципами всеобщих, прямых, равных выборов при тайном голосовании предложенный принцип закрепит необходимость обеспечения свободы волеизъявления избирателей.

Что же касается внешнего вмешательства, то в интересах минимизации его негативного эффекта в рамках международного права необходимо сформулировать принцип «невмешательства в выборы», который создаст гарантии от несанкционированного вторжения заинтересованных государств в электоральное пространство суверенных народов. Соответственно, необходимы разработка и принятие международного договора об ответственном поведении государств в информационной сфере. В договоре в том числе должны быть предусмотрены: разграничение национальных «территорий» в информационном пространстве, включая электоральное; ответственность за вторжение в национальное информационное пространство суверенных государств с целью оказания влияния на внутренние политические процессы, а значит, и на выборы и референдумы.

Соблюдение предложенных принципов могло бы способствовать минимизации негативного воздействия вмешательства в выборы и служить важнейшим условием, во-первых, свободы волеизъявления избирателей, и, во-вторых, легитимности избранной власти.

Институт независимых наблюдателей в системе обеспечения свободы волеизъявления избирателей и чистоты выборов

Эффективное функционирование органов публичной власти требует наличия общественного контроля уже на стадии их формирования. Для отечественной избирательной системы характерно серьезное развитие института общественного контроля за выборами, включая создание необходимой нормативно-правовой базы. В преддверии выборов Президента 2018 года Общественная палата Российской Федерации и общественные палаты субъектов Федерации получили право направлять на избирательные участки наблюдателей, независимых от политических партий и кандидатов. В стране была сформирована развернутая система обеспечения чистоты и прозрачности выборов, что, по словам Председателя ЦИК России Э.А. Памфиловой, способствовало повышению уровня доверия людей к ним¹⁷.

Есть, однако, немало оснований говорить о несовершенстве системы общественного контроля за ходом выборов. Так, избирательное право Российской Федерации не предусматривает возможности наблюдения за выборами со стороны отдельных граждан и организаций, не связанных с общественными палатами. При этом сами общественные палаты не уполномочены осущест-

¹⁷ ЦИК планирует расширить возможности общественного наблюдения за выборами // URL: <https://rg.ru/2018/08/19/cik-planiruet-rasshirit-vozmozhnosti-obshchestvennogo-nabliudeniia-za-vyborami.html> (дата обращения: 15.02.2019).

влять долгосрочное наблюдение за избирательным процессом. Деятельность их представителей ограничивается лишь днем голосования, хотя можно предположить, что наблюдение только тогда принесет свои максимальные результаты, когда будет включать в себя период регистрации кандидатов и избирателей, а также период проведения избирательной кампании в целом.

Дополнительную проблему можно усмотреть в уровне подготовленности наблюдателей. Наблюдатель — это человек, следящий за законностью процедуры голосования. Но как он может вести объективное наблюдение, если сам не знаком с законом в достаточной степени. В ходе президентских выборов в Хабаровском крае и Московской области некоторые из наблюдателей не могли точно сообщить, кого они представляют, в чем состоят их задачи и функции, каковы их полномочия. Наблюдатели, которые не в состоянии оценить происходящее на избирательном участке, или попросту политически ангажированы, создают серьезные проблемы для всего процесса выборов. Их некомпетентность или предвзятость практически нивелирует смысл общественного наблюдения.

Большинство российских граждан вообще не считает небольшие отклонения от установленной процедуры выборов нарушениями: какая разница, произведен ли подсчет бюллетеней с предъявлением их содержания или просто загибанием уголков; оглашались ли данные подсчета по списку избирателей; надо ли кому-нибудь жаловаться, если эти требования закона нарушены? При нынешнем методе мобилизации наблюдателей большинству из них о подобных требованиях ничего не известно.

Необходимо отметить, что проблема вмешательства в избирательный процесс имеет самое прямое отношение и к институту независимых наблюдателей. В Российской Федерации были зафиксированы случаи нарушения прав наблюдателей, членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса, представителей СМИ и факты давления на представителей корпуса наблюдателей¹⁸. Подобные инциденты имели место в Краснодарском крае, где, в частности, был обнаружен факт подмены наблюдателей и членов комиссии с правом совещательного голоса от одного из кандидатов на наблюдателей, которых кандидат или его доверенные лица не назначали. В Нижегородской области были выявлены случаи присутствия на избирательных участках наблюдателей с направлениями от доверенного лица кандидата П. Грудинина. Однако полномочия волонтеров и подлинность направлений были опровергнуты региональным руководством КПРФ.

Подобные действия, с одной стороны, являются фактом несанкционированного вмешательства в избирательный процесс, а с другой стороны, представляют собой имитацию наблюдения и могут воспрепятствовать достижению подлинных целей института наблюдения.

¹⁸ НОМ: Выборы-2018 запомнятся беспрецедентным количеством фейковых сообщений о нарушениях (19.03.2018) // URL: <https://nom24.ru/info/events/nom-vybory-2018-zapomnitsya-bespretsedentnymkolichestvom-feykovykh-soobshcheniy-o-narusheniyakh/> (дата обращения: 11.02.2019).

Заключение

Вмешательство в избирательный процесс представляет собой негативное (во многих случаях противоправное) явление, направленное на подрыв политической стабильности и изменение расклада политических сил в государстве. Как разновидность политического вмешательства оно представляет собой умышленные действия, направленные на искажение конкурентного политического ландшафта с целью повлиять на результаты выборов в интересах субъекта вмешательства. Непосредственная цель вмешательства зависит от конкретных намерений субъекта вмешательства и может варьироваться от устранения нежелательного кандидата, получения конкурентного преимущества в избирательной борьбе до полной смены власти в государстве.

Субъектом внешнего вмешательства в избирательный процесс суверенного государства выступает зарубежное государство (группа государств), международные правительственные или неправительственные организации, физические и юридические лица; субъекты внутреннего вмешательства — органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, НКО, юридические лица и граждане того государства, в избирательный процесс которого совершается вмешательство.

Формы вмешательства могут быть как явными (нападки на кандидата на выборную должность в социальных сетях, клеветнические обвинения в адрес кандидата и др.), так и скрытыми (инструктаж оппозиционных элементов, незаконное финансирование участников избирательных кампаний, подкуп избирателей, электоральная коррупция и др.). По сути, любые виды незаконных действий в рамках избирательного процесса, ответственность за которые предусмотрена действующим законодательством Российской Федерации, будут представлять собой тот или иной способ вмешательства в выборы. При этом практически все виды правонарушений, имеющих коррупционный характер, могут быть совершены и в рамках избирательной системы. Однако, в отличие от представлений о коррупционных правонарушениях, которые закреплены в отечественном законодательстве, коррупционные правонарушения в рамках избирательного процесса могут совершаться в интересах не самого субъекта правонарушения, а в интересах третьих лиц или общественных групп (кандидатов на выборные должности, политических партий). В этой части нормы Уголовного кодекса и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающих ответственность за коррупционные правонарушения, необходимо дополнить соответствующими формулировками.

Исключить полностью факты внутреннего или внешнего вмешательства в избирательный процесс суверенного государства невозможно (хотя бы в связи с постоянным появлением новых средств связи и способов передачи информации), однако в интересах минимизации негативного воздействия

вмешательства в выборы в действующее законодательство о выборах необходимо ввести дополнительный принцип — принцип «независимости выборов», реализацию которого следует рассматривать как важнейшее условие, во-первых, обеспечения свободы волеизъявления избирателей, и, во-вторых, легитимности избранной власти. Названный принцип должен налагать на всех участников избирательного процесса обязанность воздерживаться от любых форм недобросовестного электорального поведения, имеющего целью изменение конкурентных преимуществ конкретного кандидата или партии.

Предлагается следующая формулировка данного принципа: *«Эффективность и надежность избирательной системы Российской Федерации обеспечивается самостоятельностью ее субъектов в процессе подготовки и проведения избирательных кампаний, а также свободой волеизъявления избирателей при принятии ими решений по ходу выборов и референдумов. Противоправное воздействие на волеизъявление избирателей либо его ограничение запрещаются».*

На международном уровне в рамках правотворческой деятельности ООН необходимо легализовать принцип невмешательства в избирательный процесс суверенных государств следующего содержания: *«Государства независимы и самостоятельны при проведении национальных выборов и референдумов, в процессе формирования собственных избирательных систем и национального избирательного законодательства. Уважая демократические нормы и ценности, придерживаясь принципов международного права, государства принимают на себя обязательства воздерживаться от вторжения в электоральное информационное пространство суверенных государств с целью оказания влияния на результаты национальных выборов и референдумов».*

Введение института общественных наблюдателей следует рассматривать не только как средство достижения чистоты и прозрачности выборов, механизм контроля за ходом выборов, не связанный с кандидатами и политическими партиями, но и как средство обеспечения независимости выборов, защиты от несанкционированного вмешательства в избирательный процесс. В целях усиления роли независимых наблюдателей в деле обеспечения независимости и прозрачности выборов в российском избирательном законодательстве необходимо:

– предусмотреть возможность установления независимого наблюдения не только на избирательных участках в день голосования, но и на протяжении всей избирательной кампании (такая практика позволит избежать многих нарушений прав потенциальных избирателей и кандидатов);

– прописать процедуру ознакомления наблюдателей с документами избирательных комиссий;

– проработать вопрос об обязательной экспресс-подготовке лиц, желающих принимать участие в выборах в качестве наблюдателя, по вопросам избирательного права и процесса; что же касается экзамена, который следует установить для всех потенциальных наблюдателей, то его содержанием и

проведением должны быть озабочены сами направляющие структуры (Общественная палата Российской Федерации, региональные Общественные палаты, общественные организации). Такой экзамен должен предусматривать не только проверку знания законов, но и определение уровня психологической готовности добровольца как средства защиты от возможных провокаций на выборах.

Список литературы

1. Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. Воспоминания современников. Материалы и документы / Под общ. ред. А.В. Иванченко. М., 2008. 860 с.
2. Выборы глазами молодых и будущих избирателей / Избирательная комиссия Белгородской области / под общ. ред. Н.Т. Плетнева. Белгород, 2014. 75 с.
3. Евстафьев Д.Г. Информационные манипуляции и государственный суверенитет: риски для России // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2. С. 98–110.
4. Ежов Д.А. Демократические выборы и референдумы в условиях трансформации мирового порядка // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 3. С. 123–135.
5. Борисов И.Б. Электоральный суверенитет. М.: РОИИП, 2010. 94 с.
6. Устинкин С.В., Рудакова Е.К., Эминов Д.С. Оценка воздействия неправительственных организаций на избирательный процесс в России // Власть. 2016. № 7. С. 28–35.
7. Манойло А.В., Авдеева Н.В., Лавринов Б.Б. Внешнее вмешательство в выборы как угроза безопасности Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 3. С. 53–91.
8. Кабанов П.А., Райков Г.И. Электоральная коррупция и формы ее проявления: опыт политико-криминологического анализа // Следователь. 2008. № 10. С. 21–25.
9. Нисневич Ю.А. Электоральная коррупция в России: политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003–2012 годах. М., 2014. 204 с.
10. Красинский В.В. Правовое обеспечение защиты конституционного строя России в избирательном процессе: Автореф-т дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 48 с.
11. Данилов А.П. Иностранное вмешательство в выборы президента суверенной республики Беларусь в декабре 2010 года // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 24. С. 70–75.
12. Фельдман П.Я. «Постправда» и «фейк-ньюз» в современном коммуникационном пространстве: перспективы политико-правового регулирования // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. №2. С. 134–146.
13. Русакова О.Ф. Концепты, категории и понятия политической коммуникативистики // Политическая коммуникативистика: теория, методология, практика / под ред. Л.П. Тимофеевой. М.: Рос. ассоциация полит. науки (РАПН); Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. С. 92–102.

ЭЛЕКТРОННОЕ ГОЛОСОВАНИЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье проанализирована сущность электронного голосования. На основе обращения к зарубежному законодательству сделаны выводы о специфике правового регулирования дистанционного волеизъявления в Российской Федерации. Рассматриваются преимущества электронного голосования, среди которых особое внимание уделено снижению затрат на организацию и проведение выборов. Автором предложен вариант правовой регламентации электронного голосования дистанционным способом.*

***Ключевые слова:** электронное голосование, выборы, избирательное законодательство, Интернет, правовое регулирование.*

E-VOTING: PROSPECTS OF LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

***Abstract.** The essence of E-voting is analyzed in the article. On the basis of the appeal to the foreign legislation conclusions about the specifics of the legal regulation of remote will in the Russian Federation are given. The advantages of E-voting are considered, among which special attention is paid to reducing the cost of organizing and conducting elections. The author proposes a variant of legal regulation of electronic voting by remote method.*

***Keywords:** E-voting, elections, electoral legislation, Internet, legal regulation.*

В последнее время в научных кругах возрастает интерес к электронному голосованию [1; 2; 3; 4], а в ряде зарубежных стран, да и в Российской Федерации, можно усмотреть отдельные элементы такого голосования на выборах, но преимущественно в органы местного самоуправления. Вместе с тем проблема внедрения дистанционных выборов далека от решения. По-прежнему неоднозначными остаются вопросы технологической защиты дистанционного волеизъявления, соблюдения конституционных принципов избирательного права, специфики статуса наблюдателя в рамках электронного голосования, полного отказа от бумажных бюллетеней и др.

От понимания сущности термина «электронное голосование» зависит не только смысловая нагрузка рассматриваемого явления, но и перспективы правовой регламентации волеизъявления граждан без использования

бюллетеней в традиционном понимании на выборах всех уровней. Хотя и электронное голосование все чаще внедряется в самых разнообразных формах и в разных государствах, в научной среде нет единого подхода к его пониманию. В зарубежных источниках под электронным голосованием обычно понимается голосование с использованием электронных систем подачи и подсчета голосов¹.

К. Бонсор и Дж. Стрикленд рассматривают электронное голосование как более широкое понятие по отношению к голосованию через глобальную сеть. К содержательной стороне электронного голосования они относят электронные средства голосования и подсчета голосов². Н. Гудман связывает электронное голосование преимущественно с интернет-технологиями, считая его содержанием различные виды волеизъявления, при использовании которых частично или полностью задействованы информационно-телекоммуникационные технологии, идентифицирующие, с одной стороны, избирателя и достоверность осуществления им дистанционного выбора, с другой, — подсчета голосов в автоматическом режиме³.

На наш взгляд, можно выделить различные по содержанию термины, связанные с организацией и проведением выборов без использования бумажных бюллетеней. К их числу относятся: электронное голосование и голосование с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и программно-технических средств на выборах. Электронное голосование в зависимости от физического присутствия избирателя предполагает два вида голосования: с явкой и без явки гражданина на избирательный участок.

Голосование с использованием информационных и телекоммуникационных технологий средств на выборах — более широкий термин, охватывающий своим содержанием любые программно-технические решения при организации и проведении выборов. Так, использование Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы»⁴, внедрение в деятельность участковых избирательных комиссий специальной компьютерной программы для составления итогового протокола, установка комплексов обработки избирательных бюллетеней, комплексов электронного голосования могут характеризовать отечественные выборы как голосование с использованием современных электронных технологий и средств.

¹ Benefits of electronic voting // URL: <http://www.smartmatic.com/voting/electronic-voting/> (дата обращения: 20.12.2018).

² K. Bonsor, J. Strickland. How E-voting Works // URL : <https://people.howstuffworks.com/e-voting.htm> (дата обращения: 20.12.2018).

³ N. Goodman Online Voting: A Path Forward for Federal Elections // URL: <https://www.canada.ca/en/democratic-institutions/services/reports/online-voting-path-forward-federal-elections.html> #toc6 (дата обращения: 20.12.2018).

⁴ О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы»: Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 20-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 172; 2014. № 11. Ст. 1098.

Рассматривая термин «электронное голосование», нельзя не отметить его закрепление в российском избирательном праве, наполнение определенным содержанием и развитие в подзаконных нормативных правовых актах.

Законодательное определение электронного голосования не исключает возможность голосования дистанционным способом через Интернет. Однако правила, установленные подзаконными нормативными правовыми актами, не предусматривают указанной возможности. Пункт 15 статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях) определяет, что решение о проведении электронного голосования и общий порядок его проведения принимает ЦИК России. Детальный анализ утвержденного ею порядка электронного голосования⁵ позволяет прийти к выводу об отсутствии возможности голосования дистанционным способом.

Таким образом, несмотря на отсутствие вакуума в правовом регулировании общественных отношений по реализации гражданами своего волеизъявления на официальных выборах посредством электронного голосования, фактически в избирательном законодательстве Российской Федерации в содержательном плане под категорией «электронное голосование» понимается волеизъявление с использованием комплексов для электронного голосования. Такие комплексы устанавливаются на избирательных участках, и избиратель по-прежнему должен приходить на избирательный участок для осуществления своего выбора.

Электронное голосование — это механизм, посредством которого народ осуществляет свою власть в рамках выборов и референдумов, обеспечивающий возможность гражданам отдать предпочтение кандидату, кандидатам, списку кандидатов или ответу на вопрос публичной значимости без использования бумажных бюллетеней посредством специальных программно-технических средств и устройств. Соответственно электронное голосование дистанционным способом представляет собой особый механизм реализации воли граждан на выборах и референдумах через информационно-телекоммуникационную сеть. Его содержательная сторона заключена в том, какие приемы, способы и методы используются при реализации воли избирателей на выборах, осуществляемой через Интернет.

В США, Германии, Великобритании, Франции и некоторых других зарубежных странах стационарное электронное голосование стало обычным явлением в политической жизни общества. В Бразилии пошли несколько дальше. Стационарные машины для электронного голосования в периоды проведения официальных выборов размещают на крупных дорожных магис-

⁵ О Порядке электронного голосования с использованием комплексов для электронного голосования на выборах, проводимых в Российской Федерации: Постановление ЦИК России от 07.09.2011 г. № 31/276-6 (ред. от 12.08.2015) // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2011. № 3; 2015. № 8.

тралях, автобусных и трамвайных станциях, в банках и других общественных учреждениях [5, с. 44]. Бразильский вариант выводит процедуру голосования за пределы официальных избирательных участков. Однако такой подход следует считать проявлением стационарного электронного голосования, но не дистанционного, ведь соответствующие машины невозможно разместить во всех местах, где пожелает избиратель.

Электронное голосование дистанционным способом — более редкая форма выявления волеизъявления граждан в зарубежных странах. В таком случае всегда задействован Интернет. И успехи ряда зарубежных стран в указанном направлении уже не столь очевидны. Имеются существенные недостатки и проблемы, не все из которых находят свое решение.

Попытки внедрить электронное голосование в дистанционном формате имели место в США. В 2004 году по инициативе Пентагона была разработана система SERVE (Secure Electronic Registration and Voting Experiment). Однако экспертный анализ показал, что риски искажения волеизъявления избирателей при использовании указанной системы достаточно высоки⁶. Один из экспертов заявлял: «Создание защищенной системы голосования, основанной на Интернете, является очень сложной проблемой, более сложной, чем все другие проблемы информационной безопасности... риски для демократии являются слишком огромными, чтобы ее использовать» [6]. Последующие годы не принесли в США существенного прогресса. Более того, в 2018 году на американской конференции DEFCON в Лас-Вегасе 11-летний хакер взломал точную копию официального сайта с результатами президентских выборов в штате Флорида и изменил их за 10 минут⁷. Подобные факты, а также сомнительные новости о российском вмешательстве в выборы в США, вряд ли ускорят процесс внедрения электронного голосования через Интернет в этом государстве в среднесрочной перспективе.

С указанной проблемой сталкиваются не только в США. Внедрение дистанционного электронного голосования в большинстве зарубежных странах не осуществляется из-за невозможности обеспечения стопроцентной информационной безопасности. Если хакерским атакам подвергаются стационарные электронные комплексы, то волеизъявление через Интернет представляется еще более рискованным мероприятием.

В указанном аспекте не является исключением Эстония, как одно из немногих государств мира, в котором используется дистанционное электронное голосование, несмотря на все проблемы обеспечения безопасности, сбои и даже некоторые искажения волеизъявления избирателей, доказанные экспертами. Общенациональные выборы в дистанционном формате в Эстонии проводятся с 2007 года на основе ID-карты, которая заменяет

⁶ Достижения и парадоксы в системах дистанционного электронного голосования // URL: <https://kiwibyrd.org/2013/08/17/902/> (дата обращения: 20.12.2018).

⁷ 11-летний хакер за 10 минут взломал сайт с результатами выборов в США // URL: http://www.cnews.ru/news/top/2018-08-13_odinnadtsatiletnij_haker_sumel_za_10_minut_vzломat.

собой документ, удостоверяющий личность. Проголосовать можно даже с мобильного телефона. Существенным недостатком, на наш взгляд, является возможность голосования в течение 7 дней, что может приводить к искажению волеизъявления избирателей. Тем не менее, уже более десятка лет электронное голосование в Эстонии работает, от него не собираются отказываться, а число избирателей, воспользовавшихся информационно-телекоммуникационными технологиями при осуществлении своего волеизъявления на официальных выборах, в данном государстве неуклонно растет [2, с. 33].

Хотя Эстония и является одним из первопроходцев в области дистанционного электронного голосования, тем не менее, и в других зарубежных странах имеется опыт проведения выборов в относительно новом формате. К числу таких государств относятся Швейцария, Норвегия, Австралия и Канада. При этом необходимо учитывать, что нередко электронное голосование задействовано только на муниципальных выборах или проводится в границах определенного субъекта федерации или конкретной административно-территориальной единицы. Анализ законодательной базы перечисленных государств на предмет правового регулирования дистанционного электронного голосования позволил выявить специфические положения нормативных актов, регулирующие организацию и проведение волеизъявления граждан в инновационном формате с использованием Интернета.

Анализ норм права зарубежных стран, в которых в том или ином виде проводится электронное голосование дистанционным способом, показал, что детализация положений о таком голосовании осуществляется в основном в рамках подзаконного нормотворчества. В ключевых актах — законах — определено не так много положений, а иногда практически ничего не установлено, как в случае с Канадой.

* * *

Для того чтобы в Российской Федерации возвести в ранг закона дистанционное электронное голосование, необходимо теоретически и практически доказать целесообразность соответствующих революционных новаций. Но и в теоретическом, и в практическом аспектах внедрение системы электронного голосования через Интернет на официальных выборах всех уровней (далее — под электронным голосованием подразумевается только дистанционный формат), с одной стороны, может характеризоваться большим количеством положительных аспектов, с другой стороны, предполагает решение сложных юридических и организационно-технических задач. В первую очередь, обратит внимание на несомненное преимущество электронного голосования.

Система электронного голосования в том виде, в котором она предложена нами к внедрению, позволяет существенно сэкономить бюджетные средства. Например, организация и проведение выборов Президента Российской Федерации 2018 года обошлись федеральному бюджету в сумму

17,7 млрд рублей⁸. При этом указанные президентские выборы в денежном выражении оказались самими дорогими. Это не удивительно, стоимость каждого последующих президентских выборов возрастает примерно в 2 раза. Выборы Губернатора Хабаровского края в 2018 году, включая стоимость второго тура, обошлись краевому бюджету в сумму, превышающую 233 млн рублей⁹. И это не окончательные цифры, которые отражают цену конституционно провозглашенной прямой демократии только по отдельным видам выборов.

Установление всеобщего электронного голосования, на наш взгляд, потребует упразднения участковых избирательных комиссий. Их работа — это наибольшая доля всех расходов в рамках любой избирательной кампании — около 70-80 процентов средств, отведенных на выборы. Также удастся избежать затрат, связанных с печатью бюллетеней. Исчезнет необходимость использования вертолетов для доставки членов избирательных комиссий в труднодоступные районы и местности, что требует немалых финансовых ресурсов.

Обратим внимание на важнейшие проблемы, считающиеся препятствием на пути внедрения электронного голосования, и обозначим варианты решения таких барьеров.

Ведущая проблема имеет исключительно технический характер. Уже давно не утихают споры о том, какая технология должна использоваться при организации и проведении электронного голосования. Данный вопрос остается одним из ключевых препятствий на пути повсеместного использования электронного голосования в зарубежных странах¹⁰. По нашему мнению, наиболее прогрессивное предложение может быть связано с так называемой технологией «блокчейн». Использование криптовалют построены именно на этой технологии. Ее суть заключена в распределении реестра, представляющего собой непрерывную цепочку блоков с информацией. Добавление нового блока ведет к дублированию на него всей предшествующей информации из других блоков, а информации из нового блока — на все остальные блоки. Одновременно информация записывается на все устройства, использующие технологию [6].

⁸ О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов: Федеральный закон от 05.12.2017 г. № 362-ФЗ (ред. от 03.07.2018) // СЗ РФ. 2017. № 50 (Ч. I-III). Ст. 7533; 2018. № 28. Ст. 4157.

⁹ О распределении средств краевого бюджета, выделенных Избирательной комиссии Хабаровского края на подготовку и проведение выборов Губернатора Хабаровского края: Постановление Избирательной комиссии Хабаровского края от 26.06.2018 г. № 77/605-7 // URL: <http://www.khabarovsk.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/2017-god/indexdetail.php?ID=188> 14 (дата обращения: 20.12.2018); О распределении средств краевого бюджета, выделенных Избирательной комиссии Хабаровского края на повторное голосование на выборах Губернатора Хабаровского края : Постановление Избирательной комиссии Хабаровского края от 14.09.2018 г. № 98/732-7 // URL: http://ik-vestnik.ru/attachments/article/3773/98_732-7.pdf (дата обращения: 20.12.2018).

¹⁰ S. Bondolfi. Ten arguments for and against e-voting // URL: https://www.swissinfo.ch/eng/politics/electronic-voting_ten-arguments-for-and-against-e-voting/43959200 (дата обращения: 20.12.2018).

Проблема обеспечения всеобщности электронного голосования вполне решаема. Всем гражданам должна быть предоставлена возможность проголосовать через личный кабинет с использованием логина и пароля. Принцип прямого избирательного права электронным голосованием никак не нарушается. Равное избирательное право может быть обеспечено путем использования личных кабинетов.

Обеспечение тайны голосования — наиболее сложный вопрос. Идентификация пользователя в системе означает, что при наличии определенных навыков и знакомства с работой системы можно установить, за кого отдал свой голос избиратель. До недавнего времени практически нерешаемая задача стала решаемой благодаря технологии «блокчейн», которую можно сочетать с так называемой «слепой» подпиской, сущность которой заключается в том, что лицо, осуществляющее, к примеру, перевод денежных средств, удостоверяет свою личность с помощью электронной подписи. Система подтверждает идентификацию, однако банк видит только подтверждение платежа, но не персональные данные лица, что позволяет оставаться ему анонимным. В избирательном процессе лицо получает возможность верифицировать свою личность, оставаясь анонимным для избирательных комиссий и всех третьих лиц. Человек сможет отследить свой голос, но никто не увидит принадлежность данного голоса ему [6]. В том числе и поэтому некоторые доводы Дж. Кинери о недостатках «блокчейн» в настоящее время опровергаемы¹¹.

Преимущества электронного голосования заключаются в экономии бюджетных средств и времени избирателей, росте явки молодых избирателей, исключении человеческого фактора в работе участковых избирательных комиссий, удобстве, отсутствии необходимости посещать избирательный участок в день голосования, упразднении целого ряда институтов, которые в настоящее время вызывают недовольство у оппозиционеров и некоторых субъектов избирательного процесса (досрочное голосование, открепительные удостоверения), автоматическом определении результатов выборов.

Закон об основных гарантиях, юридически определяющий и закрепляющий основы отечественной избирательной системы, является третьим подобным законом с момента принятия Конституции Российской Федерации. Первый вышел в 1994 году¹², второй — в 1997 году¹³, ныне действующий —

¹¹ Online Voting: A Path Forward for Federal Elections // URL: <https://www.canada.ca/en/democratic-institutions/services/reports/online-voting-path-forward-federal-elections.html#toc19> (дата обращения: 20.12.2018).

¹² Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 06.12.1994 г. № 56-ФЗ (ред. от 26.11.1996) // СЗ РФ. 1994. № 33. Ст. 3406; 1996. № 49. Ст. 5498 (утратил силу).

¹³ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 19.09.1997 г. № 124-ФЗ (ред. от 10.07.2001) // СЗ РФ. 1997. № 38. Ст. 4339; 2001. № 29. Ст. 2944 (утратил силу).

в 2002 году¹⁴. Таким образом, Закон 2002 года является «долгожителем» в сравнении с его предшественниками.

Как мы уже отмечали, внедрение технологий электронного голосования дистанционным способом потребует существенного пересмотра норм Закона об основных гарантиях. По нашему мнению, необходимо принятие нового основополагающего избирательного закона. Это связано со следующими обстоятельствами.

Во-первых, электронное голосование в том виде, в котором оно обозначено в Законе об основных гарантиях, осуществляемое через комплексы электронного голосования, не предполагает дистанционного формата. Следовательно, для избирателя ничего не меняется, он по-прежнему должен идти на избирательный участок в день голосования, даже если соответствующие комплексы будут установлены повсеместно.

Во-вторых, голосование через комплексы электронного голосования бесперспективно. Их приобретение и обслуживание — куда более дорогостоящее мероприятие, чем проведение выборов с использованием бумажных носителей. Цена одного комплекса электронного голосования начинается от полумиллиона рублей за штуку [5, с. 46]. На выборах Президента Российской Федерации 18 марта 2018 года на территории всей страны комплексы применялись лишь на 809 избирательных участках¹⁵. Очевидно, что повсеместное введение подобного электронного голосования невыгодно в финансово-экономическом плане. Закупка комплексов электронного голосования на все избирательные участки обойдется бюджету в астрономическую сумму, не считая необходимости постоянного обслуживания самих комплексов и обучения специалистов комиссий для работы с ними. При этом какой-либо выгоды в плане электоральной активности, удобства реализации активного избирательного права гражданами указанные затраты вряд ли принесут.

В-третьих, введение дистанционного электронного голосования по предлагаемому нами варианту приведет к упразднению участковых избирательных комиссий, перераспределению и дополнению функций и полномочий вышестоящих избирательных комиссий, изменению порядка реализации гражданами своих избирательных прав, отмене института открепительных удостоверений, досрочного голосования, а также изменению многих других правил, которые в настоящее время прописаны в действующем Законе об основных гарантиях. Внедрение технологий электронного голосования дистанционным способом потребует существенного пересмотра норм этого закона. Избирательная реформа затронет все нормативные правовые акты,

¹⁴ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 03.07.2018) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; 2018. № 28. Ст. 4148.

¹⁵ Об использовании при голосовании на выборах Президента Российской Федерации комплексов для электронного голосования: Постановление ЦИК России от 17.01.2018 г. № 129/1073-7 (ред. от 14.02.2018) // Вестник Центризбиркома РФ. 2018. № 4; № 8.

относящиеся к выборам и референдумам, в том числе законы о референдумах, выборах Президента, депутатов Государственной Думы, региональные законы о выборах глав и законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, глав и депутатов представительных органов муниципальных образований.

Таким образом, с целью повышения гарантированности конституционных прав граждан избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления требуется принятие нового федерального закона об основных гарантиях избирательных прав граждан, основой которого станет дистанционное электронное голосование. Ведущие концептуальные положения указанного закона могут быть сведены к следующим: внедрение единой системы электронного голосования на всей территории страны; упразднение участковых избирательных комиссий; право граждан осуществлять волеизъявление с любого электронного устройства, подключенного к Интернету, вне зависимости от места нахождения гражданина (даже за пределами территории страны); упразднение институтов досрочного голосования и открепительных удостоверений; введение институтов IT-специалистов, наблюдателей за электронными выборами; открытая автоматическая система подсчета голосов.

Список литературы

1. Савченко М.С. Правовое регулирование и практика электронного голосования в зарубежных странах // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 117(03). URL: <http://ej.kubagro.ru/2016/03/pdf/17.pdf>.
2. Курячая М.М. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11. С. 31–35.
3. Антонов Я.В. Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов // Российская юстиция. 2017. № 12. С. 38–41.
4. Телешина Н.Н. Электронные формы взаимодействия населения и органов местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 68–71.
5. Матренина К.Ю. Проблемы сопровождения электронного голосования на выборах: российский и зарубежный опыт // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 1. С. 43–48.
6. Зворыкина Е.В. Опыт и перспективы проведения электронного голосования в России и зарубежных странах: внедрение технологии блокчейн // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 4. С. 179–183.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ НА ВЫБОРАХ

***Аннотация.** В статье анализируются правовые проблемы назначения наблюдателей на выборах в Российской Федерации, показывается их непосредственное влияние на качество процесса наблюдения и мотивацию наблюдателей. Рассматривается зарубежный опыт противодействия данным проблемам и выделяются удачные положения зарубежного избирательного законодательства в данной сфере. В качестве решения сложившейся ситуации предлагаются изменения федерального законодательства, заключающиеся в принципиально новом подходе к назначению наблюдателей посредством деятельности специальной комиссии.*

***Ключевые слова:** избирательный процесс, гласность, наблюдатели, назначение наблюдателей, сравнительное правоведение.*

LEGAL PROBLEMS OF APPOINTING ELECTION OBSERVERS

***Abstract.** The article analyzes the legal problems of appointing observers at elections in the Russian Federation, shows their direct impact on the quality of the observation process and the motivation of observers. Foreign countries experience of resistance these problems are revied. Successful provisions of foreign legislation in this field were highlighted. As a solution to the current situation the article offers changes of federal legislation consisting in a fundamentally new side to the appointment of observers through the working of a special commission.*

***Keywords:** election process, publicity, observers, appointment of observers, comparative law.*

Надлежащее правовое обеспечение избирательного процесса в демократических странах априори является одной из важнейших задач, стоящих перед органами государственной власти и местного самоуправления. Таким образом, существование правовых проблем в избирательном праве имеет потенциальную возможность стать не только препятствием для осуществления свободного волеизъявления граждан и участников референдума, но также одним из факторов, не позволяющим определить Российскую Федерацию в качестве правового демократического государства.

Актуальность указанной темы обеспечивается уровнем доверия к избирательной системе Российской Федерации со стороны ее граждан, которое

находится на недостаточно высоком уровне, что иллюстрируется практически повсеместно низкой явкой (особенно на муниципальных выборах).

Одним из источников данной проблемы и одновременно одним из проблемных институтов в российском избирательном праве остается институт наблюдателей, недостаточная правовая разработанность которого не позволяет последним надлежащим образом исполнять свои обязанности в сфере обеспечения гласности избирательного процесса.

Существующий в настоящее время институт наблюдателей лишь порождает антагонизм между последними и избирательными комиссиями, а также приводит к большому количеству споров и судебных разбирательств [1, с. 15], хотя изначально цель создания и функционирования у них совпадает в виде надлежаще проведенных с правовой и организационных точек зрения, а также легитимизированных со стороны населения выборов и референдумов.

Внесение изменений в данный институт, естественно, является непростой задачей, однако основы изменений лежат на поверхности: изучение положительной практики тех зарубежных государств, наработки которых с наибольшей степенью вероятности могут быть воспроизведены в нашей правовой системе, а также элементарный логический анализ избирательного права Российской Федерации в своей совокупности могут послужить источником такого понимания предназначения и возможного функционирования института наблюдателей, которые бы наиболее полно отвечали поставленным перед ним задачам.

Парадоксален факт, что данная проблемная область остается практически без внимания научного сообщества, сконцентрированного на иных проблемах избирательного права и процесса. Однако автор считает такое явление закономерным логическим последствием установленного законодателем места наблюдателей в отечественной избирательной системе, находящихся ввиду порядка своего назначения «вне» последней, что и объясняет низкий уровень качества правового регулирования указанного института, а также практически полное отсутствие научных трудов, посвященных его проблемам.

Основы правового статуса наблюдателей на выборах закреплены в Федеральном законе от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях).

Конкретно в пункте 42 статьи 2 указанного ФЗ закреплено, что наблюдателем является гражданин Российской Федерации, уполномоченный осуществлять наблюдение за проведением голосования, подсчетом голосов и иной деятельностью комиссии в период проведения голосования, установления его итогов, определения результатов выборов, референдума, включая деятельность комиссии по проверке правильности установления итогов голосования и определения результатов выборов, референдума¹.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации РФ, 2002. № 24, ст. 2253.

Уже исходя из определения становится понятно, что на данных субъектов возложены обязанности по обеспечению общественного контроля над процессом волеизъявления граждан Российской Федерации, ввиду которых они наделяются законодателем особым правовым статусом, включающим порядок их назначения, права при проведении наблюдения, а также обязательные для соблюдения запреты.

Основную проблему правового статуса наблюдателей автор видит в порядке их назначения. Данный порядок содержится в Законе об основных гарантиях, положения которого развиваются специализированными актами, закрепляющими порядок проведения тех или иных выборов (референдума).

По общему правилу при проведении выборов наблюдателя может назначить:

- 1) зарегистрированный кандидат;
- 2) избирательное объединение, выдвинувшее зарегистрированного кандидата;
- 3) избирательное объединение, зарегистрировавшее список кандидатов.

Также Закон об основных гарантиях закрепляет возможность назначения наблюдателей иными общественными объединениями или субъектами общественного контроля.

При проведении референдума по общему правилу наблюдателей вправе назначить либо инициативная группа по проведению референдума, либо общественное объединение соответствующего уровня².

При проведении выборов Президента Российской Федерации, согласно одноименному Федеральному закону, наблюдателей могут назначить:

- 1) каждый зарегистрированный кандидат;
- 2) его доверенное лицо;
- 3) политическая партия, выдвинувшая зарегистрированного кандидата;
- 4) Общественная палата Российской Федерации и общественные палаты субъектов Российской Федерации (согласно ФЗ «Об основах общественного контроля»³)⁴.

При проведении выборов депутатов Государственной Думы наблюдателей назначают:

- 1) политические партии, зарегистрировавшие федеральный список кандидатов;
- 2) каждый кандидат, зарегистрированный по соответствующему избирательному округу;
- 3) Общественная палата Российской Федерации и общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные палаты (советы) муниципальных образований, общественные советы при федеральных органах исполнительной власти, общественные советы при законодательных

² Собрание законодательства Российской Федерации РФ, 2002, № 24, ст. 2253.

³ Собрание законодательства Российской Федерации 2014, № 30, ст. 4213.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 2, ст. 171.

(представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации (согласно ФЗ «Об основах общественного контроля»⁵)⁶.

Стоит упомянуть о порядке назначения наблюдателей при проведении референдума, закрепленном в Федеральном конституционном законе от 26 июня 2004 года «О референдуме в Российской Федерации», согласно статье 36 которого наблюдателей вправе назначить:

- 1) инициативная группа по проведению референдума;
- 2) политические партии;
- 3) общероссийские общественные объединения;
- 4) инициативные агитационные группы⁷.

Вышеуказанные положения федерального законодательства в большинстве своем подтверждают тезис о «внешнем» характере деятельности наблюдателей, который ведет к нескольким негативным последствиям:

1) во-первых, при проведении выборов (референдума), наблюдатели, ввиду порядка своего назначения, занимают надзорное положение по отношению к организаторам выборов, что неминуемо ведет к антагонизму первых со вторыми.

2) во-вторых, возможность назначения наблюдателей напрямую различными кандидатами, общественными объединениями различного толка и т.д. вынуждает каждого конкретного наблюдателя действовать исходя не из общих целей общественного контроля за проведением выборов и референдумов, а из интересов того субъекта, решением которого он был назначен (как правило, конкретного кандидата или политической партии).

Указанные проблемы ведут к подрыву доверия к избирательной системе Российской Федерации со стороны института, который по смыслу и духу законодательства должен оказывать на общественное мнение противоположный эффект.

Небольшим удачным исключением является возможность назначения наблюдателей Общественной палатой Российской Федерации, которая ввиду порядка формирования своего состава представляет интересы широкого круга лиц, действительно заинтересованных в надлежаще проведенных выборах (референдуме) в общем, а не относительно какой-либо из политических сил⁸.

Выход из сложившейся проблемной ситуации возможен путем внесения изменений в действующее законодательство, закрепляющих ряд положений касательно правового статуса наблюдателей, содержание которых будет представлено ниже. Вопрос об изучении и возможном использовании зарубежной практики в целях решения той или иной правовой проблемы всегда

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации, 2014, № 30, ст. 4213.

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации, 2014, № 8, ст. 740.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации, 2004, № 27, ст. 2253.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 15. Ст. 1277.

являлся довольно острым. Как говорит, Председатель Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, «не зазорно и заимствовать чужой опыт, выдержавший проверку многовековой практикой» [2].

Однако заимствование стоит проводить очень осторожно, сразу отсекая те положения зарубежного законодательства и практические наработки других стран, которые изначально не могут существовать в нашей правовой системе.

Зарубежный опыт демонстрирует, что закрепление правового положения наблюдателей проводится как на законодательном уровне, так и на подзаконном уровне [3, с. 42], но в рассматриваемых ниже системах основное регулирование правового статуса наблюдателей осуществляется с помощью законов.

Начать стоит с описания систем, не предусматривающих участие наблюдателей на выборах как правового института в принципе. Например, такая система имеет место в Федеративной Республике Германия, и эта ситуация отнюдь не свидетельствует о неполноценности демократии в данной стране: по данным британской организации Economist Intelligence Unit ФРГ занимает высокую четырнадцатую строчку в классификации «Индекс демократии»⁹. Институт наблюдателей на выборах здесь действительно отсутствует, и единственное упоминание о зачатках такой формы общественного контроля содержится в Акте о Федеральных выборах от 23 июля 1993 года, в параграфе 31 которого гласит: «Выборы проводятся публично. Избирательная комиссия имеет право предложить лицам, нарушающим порядок и спокойствие, покинуть избирательный пункт»¹⁰.

Данное положение можно трактовать с позиции отсутствия необходимости в наблюдателях, так как во время голосования на избирательном участке может находиться любой гражданин, не нарушающий общественный порядок. Вопрос лишь в его правах при обнаружении нарушений в порядке проведения выборов, а также возможности членов избирательной комиссии удалять с избирательного участка лиц по своему усмотрению. Эти обстоятельства и делают немецкую систему уязвимой для критики с точки зрения отсутствия механизма воздействия гражданского общества на лиц, организующих процесс выборов.

В случае с Германией такая система оправдана тем, что отсутствие наблюдателей компенсируется порядком формирования участковых избирательных комиссий, основной состав которых представляет собой выборку из рядовых немецких граждан, обладающих активным избирательным правом и осуществляющих свою деятельность на общественной основе и безвозмездных началах. Актом о Федеральных выборах закреплено положение о

⁹ Индекс демократии. [Электронный ресурс]-URL: https://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=DemocracyIndex2011 (дата обращения: 26.05.2019 года).

¹⁰ Federal Elections Act (1993) / Акт о Федеральных выборах от 23 июля 1993 года — [Электронный ресурс] — URL: www.legislationline.org/documents/id/21725 (дата обращения: 26.05.2019 года).

том, что в состав участковой избирательной комиссии входит назначенный правительством соответствующей Земли (субъекта федерации) председатель, а также назначенные им (или по необходимости иным органом) несколько членов комиссии, единственным требованием к которым является обладание активным избирательным правом¹¹. Таким образом, существующая в ФРГ избирательная система отнюдь не ограничивает общественный контроль за проведением выборов, а лишь придает ему другую форму, вводя представителей общественности в состав организаторов выборов и заставляя их взять на себя часть ответственности за надлежащее проведение голосования, что существенным образом повышает доверие граждан к избирательной системе в целом.

Все же сомнительно, что эти положения можно воплотить в отечественных реалиях, так как российская избирательная система развивается по пути формирования участковых избирательных комиссий на профессиональной и оплачиваемой основе, а также существования института наблюдателей как такового. Одновременное изменение общего порядка наблюдения позитивного результата не принесет.

В иллюстрируемой системе существуют и такие положения, заимствование которых может стать полезным. В частности, имеется в виду принцип, согласно которому часть ответственности за проведение выборов (референдума) ложится на широкую общественность, что существенно уменьшает антагонизм, о котором говорилось выше¹², а также дает толчок к развитию индивидуальной правовой культуры.

Удачным можно считать принцип назначения участковых избирательных комиссий, согласно которому при проведении этого процесса учитывается влияние той или иной политической партии в данном регионе в целях недопущения ситуации, при которой одна из них будет иметь существенный перевес во влиянии на граждан, назначенных на общественную работу по проведению выборов¹³. Указанное положение значительно уменьшает возможность появления конфликта интересов, что можно использовать и при назначении наблюдателей в форме, которая будет описана ниже.

Распространены избирательные системы, при которых институт наблюдателей на выборах существует, однако круг лиц, который их назначает, резко ограничен, что в свою очередь является очень важным моментом, ведь именно от порядка назначения зависит, — чьи интересы будет отстаивать тот или иной наблюдатель.

В Органическом законе Испании об Общем избирательном режиме от 1985 года закрепляются положения о «лице, осуществляющем контроль за проведением выборов», наделяющие его соответствующими правами, в

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

частности правом на присутствие на участке в день голосования, участие в работе избирательной комиссии и так далее¹⁴.

Опять же стоит остановиться на порядке его назначения. Согласно указанному выше акту, полномочиями по назначению наблюдателя на конкретный избирательный участок обладают лишь кандидаты на соответствующих выборах¹⁵, то есть либо политические партии, выдвинувшие список кандидатов, либо конкретные кандидаты. Такой порядок назначения наблюдателей на выборах уже рассматривался выше относительно Российской Федерации, и данная система имеет такую же проблему — проблему цели, руководящей деятельностью конкретного наблюдателя, который, отстаивая интересы того или иного кандидата (что, несомненно, носит позитивный характер), теоретически в деле контроля за надлежащим порядком проведения выборов также может руководствоваться лишь интересами назначившего его субъекта (здесь встает вопрос, будет ли он предпринимать какие-либо действия, если нарушения избирательного процесса будут иметь потенциальную возможность пойти на пользу его кандидату).

Поскольку мы ставим целью показать альтернативу такому порядку назначения наблюдателей, останавливаться на такой системе нет необходимости, стоит лишь заметить, что одну черту, свойственную данному процессу в избирательном праве Испании, можно считать очень удачной и обладающей потенциальной возможностью прижиться в российских правовых реалиях.

Речь идет о требовании к лицам, которых кандидаты на выборах назначают в качестве наблюдателей, закрепленному в пункте 3 статьи 78 Органического закона, предусматривающем возможность назначения в конкретную участковую избирательную комиссию в качестве наблюдателя лишь того лица, которое содержится в ее списках избирателей¹⁶. То есть в данном случае присутствует требование к оседлости наблюдателя, что предполагает его заинтересованность в правильном проведении выборов не только с позиции своего кандидата, но и как жителя соответствующей территории, что чрезвычайно удачно может быть использовано в практике Российской Федерации. К тому же такой принцип является препятствием для создания неких «мобильных групп наблюдателей», а также мотивирует политические силы на более активную работу вне крупных городов и густонаселенных субъектов Российской Федерации.

В Дании институт наблюдателей (polling supervisors) также существует. Их правовой статус закреплен в пункте 29 Акта о парламентских выборах от 2014 года (Parliamentary Election Act of Denmark). В частности, они наделены правами по контролю за проведением выборов, а также обязанностью вести

¹⁴ The Organic Law of General Electoral Regime (1985) / Органический закон об Общем избирательном режиме от 1985 года — [Электронный ресурс] — URL: <https://www.legislationline.org/documents/action/porup/id/21440> (дата обращения: 26.05.2019 года).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

соответствующую книгу (poll book), в которую по ходу процесса наблюдения вносится вся существенная информация о голосовании на конкретном участке, его результатах и замеченных нарушениях¹⁷.

Отдельно стоит остановиться на порядке назначения наблюдателей в Дании, так как он является ключевым для данной статьи исходя сразу из двух своих характеристик:

– Наблюдатели избираются напрямую государственными органами. В частности, местным советом, который помимо назначения наблюдателей также обладает полномочиями по непосредственному проведению выборов. Как указано в Акте: «Местный совет избирает для каждого избирательного участка не менее пяти и не более девяти наблюдателей за порядком голосования и подсчетом голосов»¹⁸. Данное положение явно иллюстрирует попытку избежать конфликта интересов, а также сделать наблюдателей более независимыми от политических сил путем предоставления им государственных гарантий их деятельности.

Такой вариант назначения наблюдателей для Российской Федерации сразу стоит признать неприемлемым, так как в нашей стране уже сложилась практика «внешнего» по отношению к государству характера назначения наблюдателей, и такой резкий переход к датскому варианту явно не принесет позитивных результатов. Однако в датской системе существуют положения, на которые определенно стоит обратить внимание отечественному законодателю.

– Наблюдатели избираются местным советом из числа лиц, проживающих в соответствующем муниципалитете пропорционально его численности¹⁹.

Похожая формулировка содержится в Органическом законе Испании, который также предусматривает для наблюдателей некоторый «территориальный ценз», что, повторюсь, имеет положительное влияние на выполнение наблюдателем своих обязанностей ввиду дополнительной заинтересованности в правильности проведения выборов.

Таким образом, рассмотрев несколько избирательных систем в части закрепления правового статуса наблюдателей и проиллюстрировав их примерами конкретных государств, можно прийти к выводу о практической возможности прямого заимствования для использования в Российской Федерации их тех или иных положений у различных правовых и исторических путей развития института выборов. Однако использование определенных наработок европейских государств в совокупности с существующей избирательной системой нашей страны могут в обозримом будущем значительно усовершенствовать рассматриваемый правовой институт.

¹⁷ Parliamentary Election Act of Denmark (2009) / Акт о Парламентских выборах от 2014 года – [Электронный ресурс] – URL: www.legislationline.org/documents/id/15814 (дата обращения: 26.05.2019 года).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

Остановимся и на удачных положениях зарубежного права, заимствование и некоторая переработка которых в условиях нашей правовой системы могли бы принести положительные результаты. Во-первых, это принцип «причастности» членов общества к организации и проведению выборов в качестве наблюдателей, обладающий реальной возможностью повысить не только доверие граждан к избирательной системе в целом, но и общий уровень их правовой грамотности и культуры. Такой принцип в противовес существующему «внешнему» характеру деятельности наблюдателей, с нашей точки зрения, более полно будет соответствовать заявленным целям данного института.

Во-вторых, это практика «косвенного» назначения наблюдателей, исключая конфликт интересов в рамках процесса наблюдения и ситуацию, при которой наблюдатель контролирует правильность проведения выборов исходя не из общих интересов общества, а из интересов конкретной политической или общественной силы.

В-третьих, закрепление в качестве требования к наблюдателям некоторой вариации территориального ценза, заключающемся в возможности назначения последнего лишь на конкретный избирательный участок, что значительно повысит заинтересованность наблюдателя в соблюдении надлежащей процедуры проведения выборов и мотивирует политические силы распространять свою деятельность на всю территорию Российской Федерации.

Основываясь на вышеуказанных характеристиках, можно заключить, что в нашей стране логичным путем решения существующих проблем в институте наблюдателей является внесение изменений в существующее законодательство о выборах и референдумах. А также, учитывая тенденции к созданию единого Избирательного кодекса, целесообразно было бы посвятить данному институту отдельную главу, в которой будут закреплены следующие положения:

1. Наблюдение за порядком выборов должно быть представлено в качестве почетной обязанности каждого гражданина Российской Федерации, обладающего активным избирательным правом.

2. Все дефиниции, используемые в тексте указанной главы, такие как «наблюдатель», «комиссия по назначению наблюдателей» и другие, должны быть отражены в одной из первых статей соответствующей главы кодекса в виде списка определений, что обеспечит их правильное понимание всеми участниками избирательного процесса.

3. Права наблюдателей и запреты, связанные с их деятельностью, существующие в настоящее время в законодательстве нашей страны, должны остаться в таком же виде. Их перечни также должны содержаться в данном кодексе.

4. Порядок назначения избирателей подлежит кардинальному реформированию в соответствии с нижеуказанными положениями:

а) наблюдатели должны назначаться косвенным способом специально создаваемой для этой цели комиссией по назначению наблюдателей.

б) ее состав из пятнадцати членов, будет формироваться следующим образом: пять членов комиссии назначается избирательной комиссией субъекта Российской Федерации, пять членов комиссии — политическими партиями, допущенными к распределению депутатских мандатов в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации (по одному от каждой из пяти партий, получивших большинство мандатов), оставшиеся пять членов комиссии — Общественной палатой субъекта Российской Федерации и иными общественными объединениями.

в) срок полномочий комиссии должен составлять один год, причем должно быть предусмотрено, что для избрания наблюдателей на федеральных выборах (Президента, Государственной Думы), а также на общероссийском референдуме данная комиссия будет формироваться отдельно и лишь на период их проведения.

г) деятельность комиссии будет заключаться в избрании наблюдателей путем открытого голосования из списков и посредством случайной выборки сформированных из списков избирателей на конкретных избирательных участках. Данный процесс будет осложнен процедурой немотивированных отводов, которые каждый член комиссии будет иметь право использовать трижды.

Указанная процедура будет происходить следующим образом: из соответствующих списков избирателей путем случайной выборки будет формироваться список кандидатов в наблюдатели в количестве, позволяющем каждому из членов комиссии трижды использовать свое право на отвод, однако предварительно из данного списка должны быть исключены граждане, не соответствующие требованиям к наблюдателям.

Затем, оставшиеся после данной процедуры кандидатуры должны быть открытым голосованием назначены в количестве четырех человек (двух основных наблюдателей и двух запасных) в каждую участковую избирательную комиссию, расположенную на территории соответствующего субъекта Российской Федерации.

Предлагаемый порядок наиболее полным образом позволит удовлетворить общественные и государственные интересы, так как эта процедура, во-первых, даст значительный толчок развитию правовой грамотности и культуры на индивидуальном уровне ввиду существования потенциальной возможности каждого гражданина стать наблюдателем; во-вторых, наделит процесс наблюдения характеристикой подчиненности общим интересам по контролю за порядком проведения выборов (референдума), а не интересам конкретных кандидатов и их партий; в-третьих, послужит толчком к развитию политической и общественной деятельности на местах, так как политические партии и иные общественные объединения будут чувствовать

необходимость в привлечении на свою сторону наибольшего количества сторонников из числа потенциальных наблюдателей.

5. Требования к наблюдателям, ввиду возможности наделения данным правовом статусом практически каждого, также должны претерпеть ряд изменений.

Первый критерий — возрастной, должен предусматривать возможность наделения статусом наблюдателя лиц от 18 до 70 лет, обладающих полной дееспособностью, что вызвано необходимостью постоянного (хотя и чередуемого со вторым наблюдателем) присутствия на избирательном участке, что может стать тяжелым с физической точки зрения для лиц, выходящих за рамки указанных возрастов.

Второй критерий — медицинский, также связанный с первым и относящийся к лицам, страдающим заболеваниями различного толка (психическими, заболеваниями опорно-двигательного аппарата и т.п.), а также находящимся в иных физических состояниях, затрудняющих или делающих невозможным исполнение обязанностей наблюдателя (например, беременность).

Третий критерий — критерий несовместимости, связан с занятием потенциальными наблюдателями определенных должностей или связанный с их работой в политически-ориентированных структурах. В частности, это касается членов избирательных комиссий, госслужащих, муниципальных служащих, кандидатов на выборах, их доверенных лиц, сотрудников их избирательных штабов, а также лиц, имеющих снятую или непогашенную судимость.

Четвертый критерий также касается профессиональной деятельности кандидатов в наблюдатели, однако лишь в день проведения голосования. От исполнения обязанностей наблюдателя могут быть освобождены лица, занятые на работах по обеспечению безопасности государства и его жизнедеятельности (к примеру, работы на трубопроводах), а также иные лица, мотивированные заявления которых подлежат рассмотрению комиссией по назначению избирателей.

Вышеуказанные обстоятельства должны быть установлены комиссией по назначению наблюдателей непосредственно перед процессом избрания последних, в ином же случае должны подтверждаться непосредственно избранными наблюдателями в заявлениях о невозможности исполнения ими своих обязанностей по тем или иным причинам.

Целесообразно коснуться и вопроса стимулирования наблюдателей, который имеет две стороны: моральную и материальную. Человек, вовлеченный в систему организации выборов и несущий ответственность за свою часть работы, да еще и занимающийся этим на своем «родном» участке, должен быть предельно мотивированным. Материальное же их обеспечение справедливым было бы вменить в обязанность органам государственной власти из расчета среднего дневного дохода конкретного наблюдателя (в случае безработных — из расчета среднего дохода по стране).

Теоретически возможны ситуации отказа избранного наблюдателя от исполнения данной почетной обязанности без уважительных причин. В применении каких-либо негативных санкций нужды нет, так как, во-первых, выраженный правовой нигилизм такого лица — это одна из тех проблем, которую вышеописанная система призвана решить, а не усугубить мерами отрицательного воздействия. Во-вторых, ущерб, нанесенный таким отказом, вполне может быть устранен путем назначения вместо несостоявшегося наблюдателя запасного наблюдателя, число которых, в зависимости от распространенности проблемы, может быть увеличено.

Естественно, внесение указанных изменений должно быть одновременным для всех нормативно-правовых актов, составляющих основу избирательной системы Российской Федерации. В частности, в федеральные законы «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О выборах Президента Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», а также в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации».

Также в рамках указанной реформы должен предполагаться «переходный период», согласно которому в первые годы введения указанной системы в российском законодательстве будет допустимо сохранение некоторых пережитков старой системы назначения наблюдателей, но лишь в ограниченном числе ситуаций: в частности, при наблюдении за голосованием вне избирательного участка (на выезде), а также в случае создания участковой избирательной комиссии в специализированных учреждениях (воинских частях, закрытых административно-территориальных образованиях, больницах, санаториях, домах отдыха, местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых).

В целом, по нашему мнению, используя указанные рекомендации можно добиться положительных результатов в долгосрочной перспективе, предполагающей постепенный отказ от института наблюдения за выборами ввиду высокого уровня доверия граждан к избирательной системе.

Список литературы

1. Ищенко Е.П., Ищенко А.Е. Избирательные споры: возникновение, разрешение, предупреждение. М.: РЦОИТ, 2002. 160 с.
2. Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html>
3. Маркин А.А. Общее и особенное в подходах избирательного законодательства к правовому регулированию статуса наблюдателей в сравнительно-правовом контексте // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 2. С. 40–44.

А.В. ДЕМЧЕНКО
А.А. ШАЛАЕВА

СТАТУС ЧЛЕНА УЧАСТКОВОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ОРГАНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

***Аннотация.** Авторы подробно исследуют правовой статус члена участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса, включая гарантии и ответственность. С этой целью рассматривается не только проблема правового регулирования деятельности члена УИК в России, но и проводится сравнительный анализ отечественного и зарубежного законодательства. В статье также представлена характеристика участковых избирательных органов в иностранных государствах. Не ограничиваясь общими фразами о необходимости совершенствовать избирательное законодательство, авторы выделяют основную проблематику и формулируют конкретные предложения, способствующие совершенствованию статуса члена участковой комиссии с правом решающего голоса в России.*

***Ключевые слова:** избирательная комиссия; участковая избирательная комиссия; член избирательной комиссии; член участковой избирательной комиссии; член участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса; гарантии члена избирательной комиссии; ответственность члена избирательной комиссии; статус члена избирательной комиссии.*

STATUS OF THE MEMBER OF THE REGIONAL ELECTORAL BODY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE

***Abstract.** The article is devoted to the improvement of the mechanism of protection of the status of a member of the Precinct election commission with the decisive vote. The authors do not limit themselves to general phrases about the need to improve the electoral legislation, but highlight the main issues and formulate specific proposals. This article describes the characteristics of precinct election authorities in foreign countries. The authors examine the status of a member of the precinct election Commission with the decisive vote, the legal regulation of its activities in the Russian Federation. They consider in detail the guarantees*

ДЕМЧЕНКО Алина Викторовна — студент юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС), г. Санкт-Петербург
ШАЛАЕВА Арина Алексеевна — студент юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС), г. Санкт-Петербург

and responsibilities of a member of the precinct election Commission with the decisive vote, comparing Russian and foreign legislation.

Keywords: *election Commission; precinct election Commission; member of the election Commission; member of the precinct election Commission; member of the precinct election Commission with the decisive vote; guarantees of a member of the election Commission; responsibility of a member of the election Commission; the status of a member of the electoral Commission.*

На сегодня во многих странах сложился индивидуальный подход в отношении избирательной системы. Одной из ее особенностей является сложная система и структура избирательных органов. Избирательная система нашей страны отличается неоднородной структурой избирательных комиссий. Один из ее элементов — *участковые избирательные комиссии* (далее — УИК). Данная работа посвящена анализу статуса члена УИК с выделением присущих ему особенностей.

На наш взгляд, прежде чем исследовать статус члена УИК, следует обратиться к этимологии лексемы «статус». Данное понятие имеет латинское происхождение (лат. status) и означает положение, состояние кого- или чего-либо, в частности, положение личности, человека, гражданина. Государственно-правовой терминологический словарь определяет «статус» как характеристику природы органа, объединения, должностного лица, личности, их места в системе общественных отношений, важнейшие права и обязанности, формы их реализации и принимаемых при этом актов или совершаемых действий [1, с. 593]. В зависимости от того, какой субъект правоотношений исследуется, ученые предлагают свои определения его статуса. Так, например, Л.Б. Ескина и Е.В. Тарибо выделяют уникальный и весьма динамичный для каждого человека «индивидуальный правовой статус личности». Подобное состояние лица включает права и обязанности, вытекающие из всех правовых отношений, в которых индивид находится в конкретный момент времени [2, с. 151].

Если определение понятия «избирательной комиссии» законодательно установлено в статье 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — ФЗ № 67), то понятия «участковая избирательная комиссия», «член участковой избирательной комиссии» и «член участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса» не имеют нормативного закрепления. В научной литературе большинство работ посвящено статусу избирательных комиссий различного уровня, например, труды: Р.Т. Биктагирова и О.Ю. Вельяшева [3] — статусу ЦИК России; Ю.Ф. Петуховой [4], Е.В. Демидова [5] — статусу избирательной комиссии субъекта Российской Федерации; С.Д. Князева [6], А.Ю. Бузина [7], Н.Ю. Турищевой [8], Т.Т. Алиева [9] — статусу избирательной комиссии в России; В.В. Игнатенко [10], Л.В. Рыковой [11], В.Н. Белоновского и В.Ф. Калина [12] — статусу УИК.

Нельзя обойти вниманием работы И.Г. Верзилиной [13], С.А. Подъяпольского [14], посвященные статусу члена УИК с правом совещательного голоса.

Однако в юридической науке практически отсутствуют фундаментальные труды, с объектом изучения которых стал «правовой статус члена УИК с правом решающего голоса», под которым подразумевается закрепленный на законодательном уровне объем прав, обязанностей, гарантий и ответственности, которым наделяется член УИК.

Составной частью теоретической базы проведенного исследования особенностей, характеризующих избирательные органы иностранных государств, на основании которых можно определить их место и роль в сложившейся избирательной системе, является научная работа В.И. Лысенко [15]. В данном труде выделены критерии, использование которых при классификации участковых избирательных органов позволяет выявить общие черты, различия между избирательными органами иностранных государств и провести их обоснованную системную оценку. Так, *по названию*, выделяются участковые избирательные органы, именуемые «комиссиями» в таких странах, как Российская Федерация, Монголия, Италия, Франция, Китай, Япония; а также «совета́ми», — например, в Германии; «органами» — в Великобритании, Пакистане, Непале; «комитетами» — в Афганистане; «бюро» — в Княжестве Андорра.

Помимо этого, *число* участковых избирательных органов зависит от площади страны и ее административно-территориального деления. Например, десятки тысяч избирательных органов насчитывается на территории Российской Федерации, Германии, Италии, Великобритании. Во Франции располагается 189 комиссий, а Княжество Андорра насчитывает всего 14 бюро.

Следующий критерий — *срок полномочий* участковых избирательных органов. В связи с этим различают государства, в которых участковые избирательные органы образуются только на период проведения конкретных выборов (например, Австрия, Белоруссия, Великобритания, Франция, ФРГ), и государства, в которых участковые органы действуют на постоянной основе в течение определенного законом срока (Киргизия, Лихтенштейн, Российская Федерация, Казахстан, Азербайджан).

По *численному составу* можно выделить участковые избирательные органы, предельный состав членов которых не установлен (в Чехии); установлен с определенным промежутком (от 5 до 15 человек в Туркменистане; до 4, 6, 10 человек в Австрии, Греции, Эстонии соответственно); или конкретным числом (в Казахстане исключительно 7 человек).

Гендерный признак отчетливо проявляется в Афганистане, где создаются отдельно мужские и женские избирательные комиссии, а также в Пакистане, где при голосовании женщин в городах формируется отдельный участок с женским составом.

Следующий критерий — *обязательность участия* — связан с гражданской обязанностью лица принимать участие в деятельности участкового избирательного органа. Это характерно для избирательной системы Австрии.

Обязательность обучения членов избирательных органов также можно выделить как отдельный критерий. Так, членом избирательного органа может быть назначено только лицо, прошедшее соответствующее обучение, в ходе которого оно получило необходимые знания в соответствии с международными документами. Такое обязательное обучение установлено в законодательстве Великобритании, Нидерландов, Румынии, Швеции, Франции.

В Великобритании, председатель и клерки избирательного участка проходят *краткосрочное дистанционное обучение с последующим прохождением тестирования*. Однако по заявлению ряда председателей избирательных участков они вынуждены постоянно консультироваться с представителями муниципалитета и получать соответствующие разъяснения и указания. Поэтому можно предположить, что такой уровень подготовки персонального состава избирательного участка не высок.

В качестве критерия следует отметить процедуру *подсчета голосов* после проведения голосования, которая у каждого государства — своя и обладает рядом особенностей. Во Франции подсчет производится после голосования непосредственно самими избирателями, отобранными случайным образом. Избиратель может не исполнить возложенную на него обязанность только при наличии уважительной причины.

Отдельным критерием выступает и организация *штатного состава участкового избирательного органа*, при котором осуществляется его деятельность. В Великобритании, как и во Франции, система избирательных органов является децентрализованной. На уровне избирательного участка в составе участкового избирательного органа имеется, как правило, председатель и два клерка, назначаемые муниципалитетом из числа служащих. Состав участкового избирательного органа назначается только на период проведения голосования избирателей. В целом избирательные органы являются бюрократическими, поскольку в их деятельности законодательно отсутствуют коллегиальные начала: все решения принимает руководитель избирательного органа единолично.

В Германии при проведении выборов и референдумов предусмотрено образование участковых избирательных советов (далее — УИС), в состав которых входят: председатель, являющийся электоральным чиновником, заместитель председателя, а также от трех до семи членов, назначаемых из числа избирателей. На практике федеральные и земельные парламентские политические партии имеют своих представителей в составе УИС. Кроме того, в соответствии с законодательством, муниципалитеты также наделены правом назначения в состав участковых избирательных советов из числа представителей различных федеральных и земельных органов и учреждений.

В Италии установлена сложная система избирательных комиссий, состоящая из постоянно действующих на национальном уровне органов. В ней главенствующее, руководящее, контролирующее все уровни выборов и референдумов место занимает Департамент по выборам при Министерстве внутренних дел страны. Структуру Департамента составляют избирательные органы, включенные также в исполнительную ветвь власти. Судебную ветвь власти в структуре избирательных органов иерархично составляют Центральное общенациональное избирательное бюро при Высшем Кассационном суде; окружные, районные и участковые избирательные комиссии.

Если система избирательных комиссий Итальянской Республики состоит из органов, включенных в исполнительную и судебную ветви власти, то из анализа российского законодательства следует, что система избирательных комиссий не включена ни в одну из ветвей власти. Помимо этого, в сравнении с электоральной структурой Российской Федерации, избирательные комиссии Италии составляют разветвленную и довольно сложную в своей соподчиненности систему.

Обращаясь к правовому регулированию статуса члена УИК с правом решающего голоса, прежде всего, обратимся к части 1 статьи 20 ФЗ № 67, согласно которой в России с целью организации и проведения выборов создаются избирательные комиссии, комиссии референдума, одними из которых являются УИК. Выступающие в роли организационного фундамента всей отечественной избирательной систем, УИК в своем статусе не определены и, по своей сути, представляют собой особый вид комиссий, обладающих рядом признаков и являющихся неким общественным органом, что влечет за собой и особенности статуса члена данной избирательной комиссии [16, с. 127], что исключает возможность УИК заключать трудовой договор со своими членами.

В состав УИК входят члены комиссии с правом решающего голоса (от 3 до 16 членов). Кроме этого кандидатами, общественными объединениями могут быть направлены члены УИК с правом совещательного голоса. Число членов УИК с правом решающего голоса определяется Территориальной избирательной комиссией (далее — ТИК), которая формирует УИК, исходя из числа избирателей, зарегистрированных на территории избирательного участка (ч. 3. ст. 27 ФЗ № 67).

Согласно части 1 статьи 28 ФЗ № 67, деятельность комиссии осуществляется коллегиально. В составе УИК предусмотрено наличие председателя, назначаемого на должность из числа членов УИК с правом решающего голоса и освобождаемого от должности соответствующей ТИК; его заместителя и секретаря, избираемых тайным голосованием членами УИК, обладающими решающим голосом. Срок полномочий членов УИК с правом решающего голоса заканчивается со сроком работы участковой комиссии.

Статус членов УИК с правом решающего голоса регламентируется статьей 29 ФЗ № 67. В него входит установленный законодателем объем прав,

обязанностей, гарантий и ответственности, который закреплен за членом УИК с правом решающего голоса, который осуществляет свою деятельность в соответствии с предоставленными ему полномочиями, установленными в части 6 статьи 27 ФЗ № 67, одно из которых — составление протоколов об административных правонарушениях (ч. 21.2 ст. 29). Данное право предоставляется члену избирательной комиссии избирательной комиссией и оформляется в виде ее решения. Таким образом, у членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, при определенных условиях появляется право и обязанность принимать самостоятельно и независимо от избирательной комиссии единоличные решения в рамках Кодекса об административной ответственности Российской Федерации (далее — КоАП РФ), что выходит за пределы принципа коллегиальности работы избирательных комиссий [17, с. 42]. Согласимся с мнением, что законодателю целесообразно было бы уточнить данный момент, а именно исключить право составления протокола об административных правонарушениях уполномоченным членом УИК, например, в законах, касающихся организации и проведения федеральных выборов, притом, что при проведении региональных или местных выборов члены избирательных комиссий любого уровня могут составлять протоколы об административном правонарушении [18, с. 44].

Основания для преждевременного освобождения члена УИК с правом решающего голоса от обязанностей предусмотрены в части 6 статьи 29 ФЗ № 67. Член комиссии с правом решающего голоса освобождается от обязанностей члена комиссии до истечения срока своих полномочий по решению органа, его назначившего, в случае: подачи членом комиссии заявления в письменной форме о сложении своих полномочий; появления несовместимости статуса в связи с получением нового.

Основания немедленного прекращения полномочий членом УИК с правом решающего голоса предусмотрены в части 8 статьи 29 ФЗ № 67: вступление в отношении члена комиссии в законную силу обвинительного приговора или решения (постановления) суда о назначении административного наказания за нарушение законодательства о выборах и референдумах; смерть члена комиссии и т.д. С целью обеспечения гарантий электоральной деятельности избирательная комиссия, осуществившая назначение члена УИК (вышестоящая комиссия), должна назначить нового члена комиссии взамен выбывшего в течение месяца, а в период избирательной кампании — не позднее чем через 10 дней с момента выбытия.

Для осуществления членом УИК своей деятельности законодательством предусмотрены соответствующие правовые гарантии, под которыми выступает совокупность правовых средств, направленных на обеспечение беспрепятственного осуществления членом участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса его прав и обязанностей в избирательном процессе [19, с. 54].

Одной из гарантий, предусмотренной избирательным законодательством России, является *выплата* членам УИК при определенных условиях дополнительной оплаты труда, то есть вознаграждения. За членом комиссии с правом решающего голоса, освобожденным на основании представления комиссии от основной работы на период подготовки и проведения выборов, *сохраняется основное место работы* (должность), и ему выплачивается компенсация за период, в течение которого он был освобожден от основной работы.

Члены УИК с правом решающего голоса до окончания срока своих полномочий *не могут быть уволены* с работы по инициативе работодателя (ч. 19 ст. 27 ФЗ № 67), при этом согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации¹, если нарушение трудового порядка не было связано с исполнением общественно значимой функции члена избирательной комиссии, то увольнение допускается.

Гарантиями является и *защита* члена УИК с правом решающего голоса *от перевода* на другую работу без его согласия (ч. 19 ст. 29 ФЗ № 67), которая действует на весь срок работы УИК, и возможность *освобождения от работы* (ч. 17 ст. 29 ФЗ № 67) с сохранением за ним места работы (должности) на время исполнения им государственных или общественных обязанностей (ч. 1 ст. 170 ТК РФ), что гарантируется установлением административной ответственности в отношении работодателя в случае отказа им в предоставлении отпуска на период исполнения членом УИК с правом решающего голоса своих обязанностей (ст. 5.7 КоАП РФ). При этом законодатель не возлагает на работодателя обязанности по выплате средней заработной платы либо компенсации отсутствия заработной платы какими-либо денежными выплатами.

В связи с освобождением члена УИК от работы, ему может быть предоставлена *денежная выплата (компенсация)*, а также *дополнительное вознаграждение* за непосредственную деятельность в комиссии, за счет средств, выделяемых на организацию и проведение выборов. В качестве примера можно привести сравнительно недавнее постановление ЦИК России «О размерах и порядке выплаты компенсации и дополнительной оплаты труда (вознаграждения), а также иных выплат в период подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации»². В соответствии с ним члену УИК с правом решающего голоса компенсация за период, в течение которого он освобождался от основной работы, устанавливалась в размере его среднего заработка, исчисленного за последние 12 месяцев

¹ Определение КС РФ от 28.02.2017 г. № 280-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ажеганова Владимира Вадимовича на нарушение его конституционных прав п. 19 ст. 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

² Постановление ЦИК России от 20.12.2017 № 116/948-7 «О размерах и порядке выплаты компенсации и дополнительной оплаты труда (вознаграждения), а также иных выплат в период подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации».

работы. Однако она не должна превышать размера, предусмотренного постановлением. Для всех субъектов Российской Федерации максимальный размер компенсации различен.

Интересным представляется постановление ЦИК России 2011 года³, согласно которому по решению председателя УИК в день проведения голосования членам УИК с правом решающего голоса могли быть выплачены *средства на питание*. В постановлении ЦИК России 2017 года⁴ об этом вообще ничего не сказано. Считаем, что целесообразно данный пункт вернуть, а также увеличить продолжительность его действия, например, не только на день проведения голосования, но и на весь период подготовки и проведения выборов и референдума.

* * *

Рассматривая зарубежный опыт, можно отметить, что аналогичные нормы содержатся в законодательстве Австрии, согласно которым члены избирательных органов не получают денежного вознаграждения за исполнение электоральных обязанностей, кроме *незначительной компенсации* по оплате расходов на питание с учетом количества времени исполнения своих должностных полномочий.

Согласно законодательству Кыргызской Республики, за председателем и членами избирательной комиссии, освобожденными от своей основной работы на период подготовки и проведения выборов, *сохраняется средний заработок* по месту основной работы (независимо от форм собственности)⁵. Также предусмотрена возможность членам участковых избирательных комиссий, не освобожденным от основной работы, кроме основного трудового отпуска предоставлять *дополнительный поощрительный отпуск*, продолжительностью в одну рабочую неделю.

В Германии на некоторых выборах в качестве частичного возмещения потерь, понесенных в результате исполнения гражданского долга, членам участковых комиссий может выплачиваться *поощрение* за период, в течение которого член УИК был освобожден от основной работы (выплачивается избирательной комиссией за счет средств бюджета).

Согласно Избирательному кодексу Азербайджанской Республики, получаемая по месту работы заработная плата избранного в состав участковой избирательной комиссии члена, служащего в финансируемых из

³ Постановление ЦИК России от 08.12.2011 № 68/571-6 «О размерах и порядке выплаты компенсации и дополнительной оплаты труда (вознаграждения) членам избирательных комиссий с правом решающего голоса, работникам аппаратов избирательных комиссий, а также выплат гражданам, привлекаемым к работе в комиссиях, в период подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации».

⁴ Постановление ЦИК России от 20.12.2017 № 116/948-7 «О размерах и порядке выплаты компенсации и дополнительной оплаты труда (вознаграждения), а также иных выплат в период подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации».

⁵ Постановление Правительства Кыргызской Республики от 23 июня 2003 года № 368 «О соглашении на проект Кодекса Кыргызской Республики «О выборах в Кыргызской Республике».

государственного или муниципального бюджетов органах, предприятиях, учреждениях и организациях, *полностью сохраняется* (ст. 38.1).

Еще одной гарантией обеспечения деятельности членов УИК с правом решающего голоса в России является то, что по отношению к ним решение о возбуждении уголовного дела, привлечении его в качестве обвиняемого принимаются руководителем следственного органа Следственного комитета России по соответствующему субъекту. Также член участковой комиссии с правом решающего голоса не может быть подвергнут административному наказанию, налагаемому в судебном порядке, без согласия прокурора субъекта Российской Федерации. Исходя из перечисленных гарантий, уже можно говорить об определенной неприкосновенности члена УИК с правом решающего голоса.

Несмотря на то, что законодатель предусмотрел материальные гарантии, у члена участковой комиссии с правом решающего голоса отсутствуют пенсионные гарантии. Федеральным законом «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» от 17.12.2001 № 173-ФЗ (далее — ФЗ № 173) определены периоды, подлежащие включению в страховой стаж пенсионера вне зависимости от уплаты за него (или им) страховых взносов (ст. 11 ФЗ № 173), однако к ним не относится время, когда член УИК выполняет свою деятельность, которая считается лишь общественно полезной. Также суммы, выплачиваемые членам УИК с правом решающего голоса, не подлежат обложению страховыми взносами на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхования [20, с. 21].

Подводя итог, можно отметить, что члену участковой избирательной комиссии предоставлен ряд гарантий в России. Однако, обладая ими, он лишен определенных благ, которые предусмотрены в зарубежных законодательствах. В связи с этим для мотивации осуществления членом УИК с правом решающего голоса своих полномочий надлежащим качеством предлагаем внести следующие изменения в российское законодательство: *оставить* за членом УИК с правом решающего голоса *заработную плату* в размере, исходя из ее среднего значения по месту работы; по окончании осуществления полномочий в качестве поощрения *выделять* ему оплачиваемый *отпуск* продолжительностью 7–10 дней по усмотрению работодателя.

* * *

Рассматривая ответственность, установленную в отношении членов участкового избирательного органа с правом решающего голоса в законодательстве зарубежных государств, отметим, что за рубежом в большей степени склонны их привлекать к уголовной ответственности за нарушение норм избирательного законодательства, чем по отечественному законодательству.

Законом о выборах в *Германии* установлена административная ответственность с взысканием штрафа за уклонение от почетной должности члена участковой избирательной комиссии. Уголовным кодексом установлено

8 преступлений против избирательных прав граждан, совершение которых влечет лишение свободы, возможности реализовывать в дальнейшем свое активное и пассивное избирательное право и *публичную дисквалификацию*, то есть лишение права осуществлять публичные функции при проведении выборов [21, с. 154].

В *Великобритании и Франции* [22, с. 89] предусмотрено привлечение членов участковых комиссий по закону о народном представительстве к уголовной ответственности за злоупотребления, связанные с документами о выдвижении кандидатов и избирательными бюллетенями (ст. 64); искажение документов и ложные свидетельства в них (ст. 65); взяточничество (ст. 113); угодничество, угощение (ст. 114). Однако уголовная ответственность за *мошенничество* с бюллетенями или иными документами, относящейся к выборам, законом Великобритании от 1983 года дифференцируется по субъекту совершенного преступления (общий или специальный) — гражданин страны или должностное лицо. Если подобное деяние совершено избирателем, его действия квалифицируются в суммарном порядке; должностное лицо преследуется за преступные действия по обвинительному акту, что может повлечь при привлечении к ответственности к *более строгому наказанию* (ст. 65). В случае мошенничества с документацией посредством использования компьютерной техники, виновный по совокупности преступлений должен быть привлечен и к ответственности на основании Закона 1990 года о злоупотреблении компьютером за незаконный доступ к материалам и их видоизменение на компьютерах.

Итальянское уголовное законодательство устанавливает ответственность членов участковой избирательной комиссии только за преступления коррупционной направленности, то есть за злоупотребление своим служебным положением, превышение полномочий, взяточничество, хищение, халатность, что обусловлено приобретением членом избирательной комиссии статуса государственного служащего. Следовательно, они привлекаются к уголовной ответственности за злоупотребление служебным положением в дополнение к конкретным преступлениям, предусмотренным законодательством о выборах [23, с. 81].

Российским административным законодательством предусмотрена ответственность в отношении членов УИК с правом решающего голоса по следующим статьям — нарушение права гражданина на ознакомление со списком избирателей (ст. 5.1 КоАП); нарушение прав установленных в ст. 5.6 КоАП субъектов избирательного права; нарушение порядка и сроков уведомления избирательной комиссии о факте предоставления помещений и права на предоставление помещений для встреч с избирателями (ст. 5.15 КоАП) и другие нарушения, установленные ст. 5.24, 5.25, 5.47 и 5.56 КоАП.

Уголовным законодательством Российской Федерации определено пять статей, регламентирующие посягательства на избирательные права гражд-

дан — статьи 141, 141.1, 142, 142.1, 142.2 *Уголовного Кодекса* (далее — УК), касающиеся воспрепятствования осуществлению избирательных прав, нарушения порядка финансирования избирательной кампании, фальсификации избирательных документов, итогов голосования и незаконной выдачи бюллетеней. Следует отметить, что в последних трех статьях УК субъектом ответственности является исключительно член избирательной комиссии.

Из приведенного анализа следует, что члены участковых избирательных органов за рубежом могут быть привлечены к более строгой мере ответственности за широкий спектр своих действий в связи с тем, что им присвоен статус должностного лица. В России же в отношении членов УИК как «специальных субъектов» предусмотрена и уголовная и административная ответственность, что при квалификации деяния неизбежно влечет конкуренцию норм КоАП и УК РФ.

Так, согласно пункту «а» части 2 статьи 141 УК, устанавливается уголовная ответственность за совершенное с подкупом воспрепятствование осуществлению избирательных прав граждан или работе избирательных комиссий; в свою очередь, статья 5.16 КоАП устанавливает административную ответственность за подкуп избирателей, если такое деяние не предусмотрено ранее упомянутой уголовно-правовой нормой. Уголовная ответственность по статье 141 УК наступает, если будет доказано, что виновный путем подкупа намеревался воспрепятствовать в осуществлении гражданами своего избирательного права. При правоприменении судами и правоохранительными органами данных конкурирующих норм грань между ними стирается.

* * *

Предлагаем исключить квалифицированные составы преступления, предусматривающие «подкуп» как средство его совершения, то есть пункт «а» части 2 статьи 141 и часть 2 статьи 142 УК, а также состав административного правонарушения, предусмотренный статьей 5.16 КоАП, и ввести новую статью, например, статью 141.2 УК — «Подкуп избирателей, участников референдума либо осуществление благотворительной деятельности с нарушением законодательства о выборах и референдумах», установив в ней четкий перечень действий, совершение которых может квалифицироваться как «подкуп избирателя», как это сделано в пункте 2 статьи 56 ФЗ № 67. Введение такой статьи в УК ужесточит и персонифицирует ответственность физических лиц, в частности и членов УИК с правом решающего голоса, за посягательства на избирательные права граждан.

Следует также обратить внимание на часть 1 статьи 5.22 КоАП и часть 1 статьи 142.2 УК, которые непосредственно устанавливают ответственность членов УИК за незаконную выдачу избирательных бюллетеней, бюллетеней для голосования на референдуме. Существенное отличие данных конкурирующих норм в количестве незаконно поданных голосов в ходе одного

и того же голосования: административная ответственность — более одного раза, уголовная — более двух раз.

Также предлагаем исключить из КоАП часть 1 статьи 5.22, а в диспозиции части 1 статьи 142.2 УК изменить объем негативных последствий на «возможность проголосовать более *одного* раза в ходе одного и того же голосования», что под угрозой уголовного наказания заставит в частности членов УИК задуматься — «а стоит ли даже один раз незаконно выдавать бюллетени?».

* * *

В заключение отметим, что в данной статье была предпринята попытка провести анализ деятельности участковой избирательной комиссии на основе норм зарубежного и отечественного законодательства. С этой целью были рассмотрены различные критерии для классификации участковых избирательных органов иностранных государств. Предпринята попытка исследовать правовой статус члена УИК с правом решающего голоса в России.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в России член УИК с правом решающего голоса, в отличие от члена участковых избирательных органов в европейских странах, не является должностным лицом. Хотя при исполнении им своих непосредственных полномочий, в частности, при подготовке помещения к процедуре голосования; информировании граждан о месте, времени проведения голосования; контроле за проведением предвыборной агитации; организации голосования, подсчете голосов, составлении протокола об итогах, рассмотрении жалоб на нарушения и т.д. на него возлагается большая ответственность.

Анализируя статус члена УИК, можно отдельно выделить члена участковой комиссии с правом решающего голоса, на которого возложено полномочие составлять протокол об административном правонарушении. С позиции административного права его можно назвать должностным лицом. Согласимся с мнением, что законодателю целесообразно исключить право составления протокола об административных правонарушениях уполномоченным членом участковой избирательной комиссии, например, в законах, касающихся организации и проведения федеральных выборов. При том, что при проведении региональных или местных выборов, члены избирательных комиссий любого уровня могут составлять протоколы об административном правонарушении [18, с. 44].

Проанализировав гарантии осуществления членом УИК с правом решающего голоса своей деятельности, можно выделить следующее. Члены УИК с правом решающего голоса до окончания срока своих полномочий *не могут быть уволены* с работы по инициативе работодателя (ч. 19 ст. 27 ФЗ № 67-ФЗ.) в течение срока своих полномочий (5 лет). Также члену УИК с правом решающего голоса гарантируется: выплата компенсации за

период, в течение которого он был освобожден от основной работы; защита от его увольнения с работы по инициативе работодателя; защита от перевода на другую работу без его согласия; дополнительное вознаграждение за непосредственную работу в комиссии; невозможность быть подвергнутым административному наказанию, налагаемому в судебном порядке без согласия прокурора субъекта государства; привлечение в качестве обвиняемого по уголовному делу исключительно руководителем следственного органа Следственного комитета России в субъекте Федерации.

Подытоживая исследование правового статуса члена УИК с правом решающего голоса, отметим, что совершенствование этого статуса необходимо осуществить, опираясь на позитивный зарубежный опыт.

Так, очевидно, что невключение в страховой стаж периода времени исполнения членом комиссии своей общественно полезной деятельности грозит неверным определением права человека на пенсию и ее размера. Также за время выполнения полномочий члена УИК и получения им денежного вознаграждения за данную работу не начисляются платы в Фонд обязательного медицинского страхования Российской Федерации, что может повлиять на расчет выплат по больничному листу, по беременности и родам.

Считаем, что необходимо между комиссией, сформировавшей УИК, и членами УИК заключать трудовой договор, в котором будет подробно прописан срок его полномочий (в соответствии со ст. 58 ТК РФ). Указанный срок будет учитываться при расчете ежегодного оплачиваемого отпуска и трудового стажа. Также следует включить пункт о размере заработной платы труда, как это делается в большинстве европейских стран.

В силу важности осуществляемой членом комиссии деятельности на избирательном участке, обеспечивающей соблюдение «всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании» (ч. 1 ст. 3 67-ФЗ), считаем необходимым ужесточить ответственность члена УИК за такие деяния, как «подкуп» и «незаконную выдачу бюллетеней». Одновременно с закреплением данных новелл законодательно разумным будет нормативное закрепление таких вспомогательных гарантий для члена УИК, как оставление заработной платы по его основному месту работы и выделение ему дополнительного оплачиваемого отпуска. Ко всему прочему предлагаем «вернуть» в постановление ЦИК России «О размерах и порядке выплаты компенсации и дополнительной оплаты труда (вознаграждения), а также иных выплат в период подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации» пункт, касающийся предоставления членам УИК с правом решающего голоса средств на питание.

Отдельного внимания требует вопрос защиты персональных данных члена участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса. Согласно ФЗ № 67, при формировании участковой избирательной комиссии выносится решение об утверждении ее состава, а вместе с ним утверждается приложение, в котором обнародуется перечень лиц, входящих в нее,

с указанием таких важных персональных данных, как фамилия, имя, отчество члена УИК, год его рождения, должность и место основной работы. Считаем, что это небезопасно для членов УИК, так как может привести к угрозам, шантажу, провокациям и прочим инсинуациям со стороны третьих лиц, желающих добиться нужного для них результата по итогам выборов, референдума незаконным путем. В связи с этим предлагаем оставить для публикации только информацию об их фамилии, имени и отчестве (с целью уменьшения возможного давления на них).

Полагаем, что внедрение данных предложений сможет оказать положительное влияние на процедуру проведения выборов, референдумов в стране, с учетом того, что их нормативное закрепление на федеральном уровне будет способствовать увеличению заинтересованности в совершаемой членами УИК деятельности, ее осуществлению более качественным образом.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.
2. Конституционное право России: учебник для бакалавров / отв. ред. Л.Б. Ескина. СПб.: СЗИУ – филиал РАНХиГС, 2017. 768 с.
3. Биктагиров Р.Т., Вельяшев О.Ю. Государственно-правовой статус Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. М.: РЦОИТ, 2006. 124 с.
4. Петухова Ю.Ф. Особенности правового статуса избирательной комиссии субъекта Российской Федерации в условиях реформирования избирательного законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 23 с.
5. Демьянов Е.В. Избирательные комиссии в субъектах Российской Федерации: проблемы конституционно-правового статуса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2017. 22 с.
6. Князев С.Д. Правовой статус избирательных комиссий в Российской Федерации: перспективы развития // Журнал российского права. 1999. № 10. С. 36–45.
7. Бузин А.Ю. Проблемы правового статуса избирательных комиссий в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.
8. Турищева Н.Ю. Актуальные вопросы правового статуса избирательных комиссий // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 19–28.
9. Алиев Т.Т., Аничкин И.М. Правовой статус избирательных комиссий в Российской Федерации // Современное право. 2012. № 5. С. 61–65.
10. Игнатенко В.В. Участковая избирательная комиссия: правовой статус, порядок формирования и компетенция. М., 2003. 133 с.
11. Рыкова Л.В. Участковые избирательные комиссии в Российской Федерации: конституционно-правовые гарантии организации и функционирования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Орел, 2017. 22 с.
12. Белоновский В.Н., Калина В.Ф. Проблемы совершенствования правового статуса участковых избирательных комиссий в системе избирательной власти

- России // Материалы III международной научной конференции «Проблемы регионального и муниципального управления». М., 2001. С. 207–211.
13. Верзилина И.Г. К вопросу о совершенствовании правового статуса членов избирательных комиссий с правом совещательного голоса // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 3. С. 75–79.
 14. Подъяпольский С.А. Проблемы реализации правового статуса члена комиссии с правом совещательного голоса // Избирательное законодательство и практика. 2017. № 1. С. 10–14.
 15. Лысенко В.И. Участковые избирательные органы в иностранных государствах // [Электронный ресурс] URL:<http://www.rfsv.ru/law/informirovanie/uchastkovye-izbiratelnye-organy-v-inostrannykh-gosudarstvakh>.
 16. Сборник нормативных правовых актов зарубежного избирательного законодательства / отв. ред. А.А. Вешняков. М.: Издательство: «Весь мир», 2004. 464 с.
 17. Зарубежное избирательное право: учеб. пособие. М.: НОРМА, 2003. 288 с.
 18. Кадомцева Е. А. Избирательные органы зарубежных стран: сравнительно-правовой аспект // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 2316–2320.
 19. Алехина И.С. Система избирательных комиссий в Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2014. № 4 (64). С. 127–134.
 20. Алехина И.С. Правовой статус членов избирательных комиссий, комиссий референдума, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях // Управленческое консультирование. 2013. № 7. С. 39–46.
 21. Игнатенко В.В. Место и роль участковых избирательных комиссий в системе избирательных комиссий в Российской Федерации // Избирательное право. 2013. № 2. С. 47–58.
 22. Алехина И.С. Правовой статус члена избирательной комиссии с правом решающего голоса: понятие, совершенствование гарантий деятельности // Российский конституционализм: уроки истории и современность: материалы региональной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 14 ноября 2018 года. СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 16–24.
 23. Пашенко И.Ю. Ответственность за нарушение избирательных прав в европейских государствах: сравнительно-правовой аспект // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. № 4. С. 150–166.

УЧАСТИЕ СТУДЕНТОВ В РАБОТЕ УЧАСТКОВЫХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЫХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

***Аннотация.** Автор анализирует нестандартный способ повышения правовой и политической грамотности молодых избирателей — привлечение студентов средне-специальных и высших учебных заведений к организации выборов и референдумов в качестве членов участковых избирательных комиссий с правом решающего голоса. В работе изучаются варианты мотивации обучающихся к работе в избирательных комиссиях, указываются субъекты просветительской деятельности, выявляются достоинства и недостатки указанной практики. Кроме того, по мнению автора, привлечение студентов к организации и проведению демократических процедур является эффективным способом противодействия коррупции в избирательном процессе.*
Ключевые слова: выборы, студенты, правовая культура, участковые избирательные комиссии, антикоррупционное просвещение.

PARTICIPATION OF STUDENTS IN THE WORK OF SECTIONAL ELECTION COMMISSIONS AS A WAY TO INCREASE THE LEGAL CULTURE OF YOUNG VOTERS

***Abstract.** The author analyzes a non-standard way to improve the legal and political literacy of young voters — to attract students from secondary special and higher educational institutions to organize elections and referendums as members of precinct election commissions with decisive voting rights. The study examines options for motivating students to work at election commissions, identifies subjects of educational activities, identifies the advantages and disadvantages of this practice. In addition, according to the author, the involvement of students in the organization and conduct of democratic procedures is an effective way to counter corruption in the electoral process.*

Keywords: elections, students, legal culture, precinct election commissions, anti-corruption education.

Молодежь в истории России традиционно считалась самой активной частью населения, где очень быстро возникали и распространялись пере-

довые социально-политические идеи. Молодые люди первыми воспринимали проекты Конституций Российского государства, говорили об отмене крепостного права, узнавали о воззрениях К. Маркса и Ф. Энгельса, были готовы к достаточно радикальным общественным преобразованиям. Студенты при значительной поддержке высших учебных заведений в полной мере проявляли свои таланты и морально-психологические качества.

Однако в современной российской реальности наблюдается негативная тенденция, заключающаяся в распространении индифферентного отношения молодых избирателей (лиц в возрасте от 18 до 30 лет включительно, в том числе студентов) к политическим процессам. Она выражается как минимум в уверенности в незначительности своего голоса, в «постановочном» характере выборных процедур в понимании молодежи, разнообразных вариантах уклонения от участия в политической жизни муниципального образования, региона или даже всей Российской Федерации; как максимум — в отрицании легитимности выборов, призывах к их бойкоту, стремлении организовать провокации в течение избирательной кампании и в день голосования.

В настоящее время лица, обучающиеся в средне-специальных и высших учебных заведениях, могут выполнять достаточно широкий спектр ролей в рамках демократических процедур. В соответствии с российским избирательным законодательством достигшие совершеннолетия граждане (в частности, студенты) вправе участвовать в предусмотренных законом и проводимых законными методами избирательных действиях, а также действиях по подготовке и проведению назначенного референдума. К примеру, они могут участвовать в избирательной кампании в качестве избирателей, наблюдателей, агитаторов, волонтеров, представителей средств массовой информации, членов избирательных комиссий (комиссий референдума) с правом совещательного либо решающего голоса.

Стоит также отметить, что в соответствии со статьей 4 Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — ФЗ № 67) гражданин, которому исполнилось 18 лет, может быть кандидатом в депутаты представительного органа муниципального образования, а если он достиг 21 года — быть кандидатом в депутаты Государственной Думы (часть 1 статьи 97 Конституции Российской Федерации). Указанные положения распространяются в том числе и на лиц, получающих среднее профессиональное или высшее образование.

Дополнительной ролью студентов в избирательной кампании является их участие в молодежных избирательных комиссиях, образованных при избирательных комиссиях большинства субъектов Российской Федерации.

Учитывая методические рекомендации, утвержденные Постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 17.02.2010 № 192/1337-5 «О Методических рекомендациях о порядке формирования территориальных избирательных комиссий, избирательных комиссий муни-

ципальных образований, окружных и участковых избирательных комиссий», которыми поощряется участие молодежи в деятельности избирательных комиссий, мы полагаем, что одним из способов решения проблемы низкой правовой и политической культуры молодых избирателей является их вовлечение в выборные процессы для повышения интереса к политической жизни общества. В глобальных масштабах такой подход может стать одним из шагов к формированию гражданского общества в России.

В данном аспекте максимально эффективным видится предоставление студентам полномочий членов участковых избирательных комиссий (далее — УИК) с правом решающего голоса, поскольку в таком случае молодые избиратели смогут лично участвовать в организации выборов и референдумов, почувствовать ответственность за их проведение и осознать ход политических процессов в муниципальном образовании в регионе и в масштабах всей страны. Кроме того, присущие молодому возрасту личностные особенности (энергичность, активность, общительность) прекрасно вписываются в перечень деловых качеств как члена участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса, так и руководящего состава — секретаря, председателя и его заместителя.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляет привлечение к работе в УИК в качестве их полноценных членов студентов юридических факультетов либо специализированных юридических вузов всех уровней обучения — бакалавриат, специалитет, магистратура. Так, становясь членами УИК, студенты-юристы приобретают возможность первой юридической практики, совершенствуют коммуникативные навыки, получают представление о сущности демократических процедур. Однако приобретаемые в процессе работы в УИК навыки, несомненно, окажутся полезными и для лиц, обучающихся по другим направлениям подготовки.

Таким образом, в качестве целей нашего исследования мы выдвигаем следующие положения:

- 1) Популяризация института молодежного участия в организации и проведении выборов;
- 2) Демонстрация практической эффективности приобщения студентов к избирательному процессу в качестве членов участковых избирательных комиссий с правом решающего голоса.

Кроме того, мы полагаем, что при достижении указанных целей повысится эффективность работы избирательных комиссий и избирательной системы в целом на всей территории Российской Федерации.

Прежде всего необходимо отметить, что подбором и подготовкой обучающихся, желающих и способных принимать участие в деятельности участковых избирательных комиссий, могут заниматься члены профессорско-преподавательского состава учебного заведения и (или) представители вышестоящих (территориальных избирательных комиссий, избирательных комиссий субъектов Российской Федерации) избирательных комиссий пу-

тем взаимодействия с конкретным учебным заведением в виде тренингов, мастер-классов, открытых лекций.

Перед началом работы по привлечению студентов к работе в УИК требуется определить наиболее эффективные формы их мотивации. При этом стоит учитывать, что мотивация сугубо индивидуальна, следовательно, со студентами необходимо работать, исходя из их личностных особенностей. На наш взгляд, целесообразно предлагать участвовать в работе УИК не всем студентам группы, потока или курса, а наиболее активным и положительно проявившим себя на лекционных и семинарских занятиях, во внеучебной деятельности. Помимо этого, желательно наличие у данных студентов хотя бы начального уровня интереса к конституционно-правовым дисциплинам, если они предусмотрены образовательной программой.

Можно выделить следующие формы мотивации студентов юридических вузов к работе в УИК:

1) Нематериальная мотивация предполагает воздействие на личность студента, рассчитанное исходя из индивидуальных особенностей мотивируемого лица (мотивируемых лиц). Так, к этой форме могут относиться следующие стимулы, способные привлечь студентов к работе в УИК:

- особенности статуса члена УИК с правом решающего голоса (наличие специального удостоверения, отдельных управленческих полномочий, повышающих уровень ответственности студента за принимаемые им решения и т.д.);
- стремление «собственноручно» обеспечить чистоту и прозрачность выборных процедур;
- развитие интереса (в том числе научного) к политическим аспектам жизни государства;
- самореализация в рамках системы избирательных комиссий;
- возможность прохождения юридической практики;
- получение дополнительных углубленных знаний по таким дисциплинам, как конституционное, муниципальное, избирательное, административное право, избирательный процесс, административное судопроизводство;
- совершенствование навыков социального взаимодействия, умение работать с документацией, приобретение уверенности в себе.

2) Материальная (финансовая) мотивация является практически универсальной. В соответствии с пунктом 17 статьи 29 ФЗ № 67 члену комиссии с правом решающего голоса может производиться дополнительная оплата труда (вознаграждение) за работу в комиссии по подготовке и проведению выборов, при этом размеры выплат устанавливаются комиссией, организующей соответствующие выборы, за счет и в пределах бюджетных средств, выделенных на проведение этих выборов. Чаще всего студенты, особенно иногородние, нуждаются в средствах, необходимых для покупки одежды, предметов быта, технических средств для обучения.

Участие в работе УИК в период выборов может улучшить финансовое положение студента.

Конкретный вид стимула необходимо определить в процессе индивидуальной работы со студентами, которых планируется привлечь к работе в УИК. Кому-то покажутся более подходящими перспективы личностного роста, для отдельных студентов избирательный участок станет «стартовой площадкой» для научных разработок (статей, диплома, магистерской или кандидатской диссертации), кто-то пожелает зарекомендовать себя в системе избирательных комиссий и продолжить карьеру в данной сфере. Безусловно, ценными для студентов, особенно для будущих юристов, окажутся навыки общения с гражданами и работы с документами, которые будут применяться ими и после окончания вуза.

Исследуя участие студентов в работе УИК как одно из направлений повышения правовой и политической культуры, необходимо учитывать, что студенты будут являться не только членами УИК, но и избирателями. Соответственно, деятельность, направленная на совершенствование правосознания обучающихся, должна носить комплексный характер.

Поскольку студенты в процессе деятельности в УИК будут исполнять ряд нормативных предписаний, сопровождать проведение демократических процедур, взаимодействовать с населением, находиться в субординационных отношениях с руководством УИК и членами вышестоящих комиссий, необходимо привить студентам уважение к нормам права, способствовать формированию интереса к политической жизни государства и активной гражданской позиции.

Так, в аспекте вовлеченности студентов в деятельность УИК в качестве членов комиссии с правом решающего голоса элементами правового воспитания будут являться:

1) Правовая пропаганда, выражающаяся в распространении определенных идей и ценностей, заложенных в нормах права [1]. Такими базовыми положениями могут выступать нормы Конституции Российской Федерации, принципы проведения выборов и референдумов, обозначенные в статье 3 ФЗ № 67 (добровольность участия, открытость и гласность, недопустимость постороннего вмешательства в деятельность избирательных комиссий и другие). Поскольку члены УИК с правом решающего голоса в период избирательной кампании регулярно проходят обучение в вышестоящих избирательных комиссиях, указанные ценности преподаются им в рамках семинаров и тренингов. Студенты, усвоившие их, могут руководствоваться данными идеями в процессе работы в УИК и иной юридической деятельности, рассказывать о них в своем окружении.

2) Антикоррупционное просвещение, под которым можно понимать «деятельность компетентных субъектов, направленную на правовую подготовку и систему убеждений по реализации антикоррупционного воспитания и образования граждан путем соблюдения антикоррупционных стандартов

поведения, формирования антикоррупционного мировоззрения и повышения общего уровня правосознания и правовой культуры граждан» [2]. В нашем случае основными субъектами антикоррупционного просвещения, осуществляющими данное просвещение, за исключением преподавателей образовательного учреждения, не связанных с деятельностью избирательной комиссии, будут являться члены вышестоящих избирательных комиссий, а также руководящий состав УИК, членами которой являются студенты. В процессе работы в УИК у обучающихся должно быть сформировано четкое убеждение в недопустимости и необходимости пресечения любых форм коррупции в ходе организации и проведения выборов. Кроме этого, им необходимо усвоить механизмы юридической ответственности за те или иные нарушения, в том числе коррупционного характера. Таким образом, молодые граждане, исполняя роль членов УИК с правом решающего голоса, обязаны принимать активное участие в предупреждении, пресечении и борьбе с коррупционными правонарушениями в избирательном процессе. Кроме этого, студенты, являясь не только членами УИК, но и избирателями, должны противостоять противозаконной манипуляции своим голосом со стороны других представителей электората, недобросовестных кандидатов, политических партий, а иногда и членов других избирательных комиссий твердым личным и коллективным отказом от участия в противоправных избирательных схемах (к примеру, «вброс», «подкуп»), а также путем взаимодействия с правоохранительными органами.

3) Получение информации о текущей и прогнозируемой политике государства, субъекта Российской Федерации, муниципального образования, осведомленность об изменениях избирательного законодательства тоже должны положительно сказаться на уровне правовой и политической культуры студентов. Данные знания способствуют расширению кругозора; обучающиеся смогут применить их не только непосредственно в работе в УИК, но и в образовательной, научной и общественной деятельности.

4) Самовоспитание студентов будет проявляться уже непосредственно при их участии в организации и проведении выборных процедур. Самодисциплинируясь и ориентируясь на грамотные действия руководства УИК, студенты привыкают находиться в отношениях непосредственного подчинения, исполнять законодательные предписания и положения локальных актов, узнают о наличии процессуальных и иных сроков, приобретают навыки заполнения избирательной документации.

5) Совершенствование навыков взаимодействия с правоохранительными и контролирующими органами. Эти умения, несомненно, окажутся полезными для обучающихся в их дальнейшей практической деятельности. Студенты смогут осознать роль сотрудников правоохранительных и контролирующих органов в процессе подготовки ко дню голосования и в день проведения выборов, поймут, куда и в каком порядке можно обратиться в

случае возникновения проблем или вопросов, связанных с организацией избирательного процесса, а также защитой избирательных прав.

б) Распространение правовой информации наряду с совершенствованием коммуникативных навыков — обучающиеся, находясь в роли членов УИК, получают возможность консультировать обратившихся в комиссию граждан по различным аспектам избирательного права и процесса, тем самым способствуя повышению не только собственной юридической грамотности, но и просвещению избирателей, одновременно с этим формируя такие качества, как дипломатичность, стрессоустойчивость, терпимость.

Однако при привлечении студентов к работе в УИК, а также при формировании УИК, где более половины членов будут являться учащимися, можно выявить специфическую проблематику.

В частности, у руководящего состава могут возникнуть затруднения при формировании графика дежурств членов комиссии таким образом, чтобы время дежурства распределялось равномерно и не причинялся ущерб учебному процессу. Кроме того, регулярно может происходить ротация кадров в связи с трудоустройством студентов в структуры, деятельность которых несовместима с работой в УИК в силу ведомственного регулирования (Следственный комитет Российской Федерации, Прокуратура Российской Федерации и др.). Члены комиссии, желающие найти основное место работы и при этом заинтересованные в том, чтобы оставаться в УИК в дальнейшем, вынуждены обращать внимание на совместимость предложенной вакансии и своей деятельности в избирательной комиссии, учитывать ограничения, распространяющиеся на государственных и муниципальных служащих. Однако специфика труда в тех местах, где работа в УИК не провоцирует конфликта интересов, не всегда отвечает запросам и склонностям студента.

Разумеется, члена УИК, получившего, к примеру, должность в силовых структурах, можно заменить человеком, находящимся в резерве. Однако новому члену УИК с правом решающего голоса, включенному в ее состав вместо более опытного, зачастую требуется некоторое время на адаптацию, а также повышенное внимание руководителей, направленное на его обучение.

Таким образом, в привлечении студентов к организации выборов и референдумов в качестве членов УИК с правом решающего голоса имеются как бесспорные достоинства, так и некоторые недостатки. В частности, положительными аспектами данной практики можно назвать:

1) Правовое и политическое просвещение обучающихся, расширение их кругозора;

2) Совершенствование коммуникативных и иных навыков, необходимых в юридической работе;

3) Содействие обеспечению чистоты выборов любого уровня;

4) Дружелюбная атмосфера, располагающая к совместной продуктивной деятельности, поиску единомышленников и продолжению общения вне рамок избирательной кампании, и учебной деятельности;

- 5) Развитие института наставничества;
- 6) Раскрытие научного потенциала студентов;
- 7) Привлечение на избирательный участок дополнительных избирателей, в том числе голосующих по месту нахождения;
- 8) Упрощенная по сравнению с другими УИК возможность потенциального внедрения и апробирования новых информационных технологий, применяемых в избирательном процессе;
- 9) Обеспечение занятости молодежи в свободное от учебы время;
- 10) Формирование доверия граждан к организаторам выборов путем активного взаимодействия с населением, например, в виде консультаций избирателей в дни дежурства.

Проблемами, которые предстоит решать в процессе организации деятельности УИК, часть членов которой являются студентами, можно назвать следующие факторы:

- 1) Достаточно частая ротация кадрового состава;
- 2) Необходимость постоянного пополнения резерва кандидатурами из числа студентов-юристов, имеющих склонность и желание к работе в УИК;
- 3) Сложность составления графика дежурств с максимальным учетом учебного расписания членов УИК, проведения у них контрольных работ и зачетов;
- 4) Недостаток жизненного опыта у некоторых студентов.

Представляемые нами положения были апробированы в участковой избирательной комиссии № 1440 Кировского района города Екатеринбурга, где на момент создания настоящего исследования 9 из 12 членов участковой избирательной комиссии с правом решающего голоса, в том числе секретарь и заместитель председателя, являются студентами Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет». В ходе организации и проведения избирательных процедур работа данной УИК в целом, а также отдельных ее членов зарекомендовала себя как весьма эффективная. Выборы в УИК № 1440 проходят при отсутствии нарушений, а также отличаются стабильной явкой.

Таким образом, обобщая изложенное выше, мы можем сформулировать следующие выводы:

- 1) Федеральным законодательством не предусмотрено привилегий для граждан в возрасте от 18 до 30 лет, в том числе студентов, желающих стать членами УИК с правом решающего голоса, однако ЦИК России рекомендует привлекать представителей молодежи к работе в избирательных комиссиях.
- 2) Участие студентов в деятельности УИК значительно повышает чистоту и прозрачность выборных процедур, всесторонне способствует правовому и политическому просвещению молодых избирателей, совершенствованию коммуникативных и иных навыков, их самодисциплине.

3) Ведущей формой мотивации студентов является нематериальная. Другие стимулы следует подбирать в процессе индивидуальной работы с обучающимися.

4) Привлекать к работе в УИК следует студентов, обладающих определенными качествами: активность в учебной и внеучебной деятельности, стрессоустойчивость, коммуникабельность, способность нестандартно мыслить, усидчивость, внимательность, быстрая обучаемость.

Список литературы

1. Ган Н.Ю. Научно-теоретические основы формирования правовой компетентности личности // [Электронный ресурс] URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21yuridicheskie/46751-1-udk-3438-gan-shadrinsk-nauchno-teoreticheskie-osnovi-formirovaniya-pravovoy-kompetentnosti-lichnosti-state-rassm.php>.
2. Хайрутдинова Л.Р. Антикоррупционное просвещение: понятие, цели и значение // Гуманитарные научные исследования. 2015. №1. [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/01/8490>.

НИЗКАЯ ЯВКА ИЗБИРАТЕЛЕЙ В РОССИИ: НЕСТАНДАРТНОЕ РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

***Аннотация.** В статье анализируются проблемы современного абсентеизма российских избирателей. Несмотря на то, что в доктрине избирательного права найдены и обоснованы причины неучастия граждан в голосовании, вопрос до сих пор остается нерешенным. Автор предлагает качественно новый подход для привлечения населения к участию в голосовании — введение материального поощрения, которое будет служить весомым стимулом для прихода граждан на выборы. В работе аргументируется необходимость введения материального поощрения, а также высказана точка зрения о совершенствовании системы российского законодательства с целью эффективного влияния поощрительных мер на граждан.*

***Ключевые слова:** абсентеизм граждан, активное избирательное право, выборы, материальное поощрение, Кодекс избирателя.*

LOW TURNOUT OF VOTERS IN RUSSIA: NON- STANDARD SOLUTION OF THE PROBLEM

***Abstract.** The article analyzes the problems of modern absenteeism of Russian voters. Despite the fact that the reasons for the non-participation of citizens in voting were found and justified in the doctrine of electoral law, the issue still remains unresolved. The author proposes a qualitatively new approach to attracting the population to participate in voting — the introduction of material incentives, which will serve as a powerful incentive for citizens to come to the polls. The paper argues the need for the introduction of material incentives, and also expressed a point of view on improving the system of Russian legislation in order to effectively influence incentive measures on citizens.*

***Keywords:** absenteeism of citizens, active suffrage, elections, material encouragement, Voter Code.*

Для современного правового государства важно проведение выборов с достаточно высокой избирательной явкой, поскольку это говорит, во-первых, о демократическом характере общественных отношений, развитых в стране; во-вторых, подчеркивает легитимность избранной власти; в-третьих, высокий уровень голосовавших показывает заинтересованность народа в управлении и развитии своего государства. При этом для свободных выборов характерен абсентеизм — и выборы в Российской Федерации не являются исключением.

Уровень пассивности избирателей в нашей стране достаточно высок. Стоит вспомнить выборы в Государственную Думу в 2016 году, когда явка избирателей составила 48 процентов¹. Как полагает К.И. Аринина: «абсентеизм — естественноисторический феномен, появившийся ... с предоставлением права участвовать в политической жизни группам, которые не были в этом заинтересованы» [1, с. 216]. Данная проблема существует во всех государствах, в которых проходят периодические и добровольные выборы. По мнению З. Баумана, кризис политического участия связан со снижением интереса к совместным общим делам, размыванием политических убеждений [2].

Последствия абсентеизма катастрофичны: власть теряет свою легитимность и поддержку народа, как следствие, пропадает связь государственной власти с населением, становится неэффективным регулирование общественных отношений и отсутствие в их развитии. Исходя из этого, можно сделать вывод о необходимости грамотной политики по привлечению населения к голосованию, включающей повышения уровня политической культуры и престижа выборов, проведения соответствующей пропаганды в этой сфере и так далее.

Низкая явка избирателей на выборы порождает разного рода недоумения, в числе которых возникает и такой вопрос: почему в советское время явка избирателей была достаточно высокой? В современном российском обществе распространен стереотип, что выборы в СССР были профанацией, людей насильно заставляли приходить и голосовать за одного кандидата, исход выборов был ясен, и весь избирательный процесс носил лишь формальный характер. Однако для нас важно установить: только лишь запугивание и страх избирателей является ключевым фактором в высокой явке?

Еще в середине 70-ых годов XX века советскими правоведами делается вывод о важности избирательного права в правовой системе государства. Так, А.И. Ким считает, что выборы являются важнейшей формой воспитания и проявления организованности человека и общества [3, с. 17–19]. А народовластие означает отсутствие разрыва между конституционно декларируемой и реальной волей народа, которое достигается на основе фактического и широкого участия граждан в решении общественных и публичных проблем [4]. Мы уверены, что феномен высокой явки избирателей в советский период нуждается в отдельном научном исследовании. Как полагает Э.С. Юсубов: «Причины большого числа голосующих граждан находятся в глубине общества, в сложных процессах взаимодействия и столкновения публичного и частного интересов» [5, с. 202]. Следовательно, не стоит делать как негативных, так и положительных поспешных выводов о советском периоде проведения выборов.

Говоря о высокой избирательной активности граждан в Советском Союзе, можно проследить тенденцию на проведение демократических выборов

¹ См.: <http://www.cikrf.ru/opendata/index.php>.

(начиная с середины 1930-х годов, как бы это парадоксально не звучало). Так, число лиц, принимавших участие в обсуждении, достигло 42 372 990 человек, при этом было сделано 169 739 предложений, замечаний, дополнений в исходный текст Конституции 1936 года². Разве эти цифры не показатель вовлеченности народа в решении государственных вопросов? Это признак огромного энтузиазма со стороны простого населения, его заинтересованности в принятии Основного акта страны, который должен эффективно регулировать общественные отношения. Та Конституция стала одной из первых конституций в мире, где были закреплены положения о том, что выборы являются всеобщими, тайными, равными и прямыми. Такого рода принципы были важны для советской правовой системы, так как придавали ей демократический характер. Участие в выборах после принятия Конституции 1936 года можно рассматривать как «почетный гражданский долг» всех людей. Так, например, в отношении выборов в Верховный Совет 1937 года подчеркивалось: «Не должно быть ни одного избирателя, который не использует своего почетного права избирать депутатов»³. При этом властью велась широкомасштабная агитационная деятельность по привлечению граждан к участию в выборах.

Однако есть и обратная сторона медали: как многие полагают, несмотря на все демократические принципы построения института выборов и избирательной системы в целом, не было альтернативности голосования — граждане голосовали только за одну партию. При детальном анализе введения в действие Конституции 1936 года и нового порядка выборов можно с уверенностью сказать, что лично И.В. Сталин и часть Политбюро ЦК ВКП(б) выступали за введение альтернативных выборов [6]. «Говорят, что это опасно, так как могут пролезть в верховные органы власти враждебные советской власти элементы, кое-кто из бывших белогвардейцев, кулаков, попов и так далее. Но чего тут, собственно, бояться? Волков бояться — в лес не ходить. Во-первых, не все бывшие кулаки, белогвардейцы и попы враждебны советской власти. Во-вторых, если народ кой-где и изберет враждебных людей, то это будет означать, что наша агитационная работа поставлена плохо, а мы вполне заслужили такой позор»⁴. Однако вопреки сложившемуся в нашем обществе мнению о всесильности и могуществе И.В. Сталина, ему и его команде не удалось внедрить альтернативность на выборах вследствие несогласия пленума ЦК ВКП(б).

В последующем, во времена правления Л.И. Брежнева, которые принято называть периодом «застоя», явка избирателей достигала 99 процентов⁵.

² История КПСС. В 6 томах. Том 4. Книга 2. М.: Политиздат, 1971. С.513.

³ См.: http://www.rcoit.ru/elect_history/1918-1990/17084/

⁴ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.: Государственное издание политической литературы, 1939. С. 531–532.

⁵ Union of Soviet Socialist Republics, Date of Elections: June 14, 1970 // Report / Inter-Parliamentary Union, UN.

С чем это связано? Прежде всего стоит сказать, что произошел эволюционный шаг в области советского избирательного права. Появился институт наказов избирателей, подразумевающий под собой поручения от простых граждан, которые должен был выполнить советский депутат. В случае неисполнения он непременно должен был отчитаться перед выбравшими его людьми, объяснить причины нереализации. Думается, что наказания были достаточно эффективной связью между населением и органами власти. Также в СССР для граждан существовала возможность обсуждения кандидатов в депутаты. Избиратели непосредственно были знакомы с кандидатом, знали не только про его публичную — официальную деятельность, но и обладали сведениями о его личности. Можно сказать, что депутат был человеком из народа. Как полагает А.А. Фокин: «Партийно-государственный аппарат переходит к выстраиванию и интенсификации каналов политической коммуникации, организации пространств и ниш вовлечения индивида в поле сотрудничества и соучастия в осуществлении власти» [7, с. 45].

Думается, что в Советском Союзе существовало доверие к выборам. Граждане стремились реализовать свое избирательное право, поскольку знали, что их позиция будет учтена представителями властью. Высокий показатель явки избирателей можно объяснить и тем, что общество голосовало не за конкретных лиц, а за саму коммунистическую систему в целом [8, с. 56]. Но в то же время у избирателей было реальное право не голосовать именно за КПСС, они могли выбирать беспартийных кандидатов либо поставить галочку в графе «против всех» — таковы были реалии советской демократии.

Естественно, было бы абсурдом идеализировать советскую систему проведения выборов и подсчета голосов. Имел место, конечно, и административный ресурс, и отсутствие альтернативы в лице других партий. Оппонентами КПСС, как уже говорилось выше, были только беспартийные. Кроме того, нарушались личные и политические права и свободы граждан: уровень свободы слова и мысли желал оставлять лучшего, тайна переписки была недоступна в полной мере. Партия и советское чиновничество вследствие своего доминирования и отсутствия политической конкуренции «забронзовели» — партократия тормозила развитие советского избирательного права и процесса. Но все же, несмотря на все недостатки, советская система имела и плюсы. При назревшей необходимости внедрить различные инструментари для повышения уровня избирательной явки современным российским властям стоит внимательно изучить прежний опыт проведения избирательной кампании. Главное осознавать, что субъективное избирательное право — это прежде всего публичное право, в том смысле, что его реализация влияет на развитие всего общества и государства.

Возвращаясь к нынешней реальности и проблеме абсентеизма, нельзя не упомянуть известные избирателю «грязные» технологии, которыми пользуются кандидаты и иные заинтересованные в результатах выборов

лица. Говоря о количестве такого рода технологий, С.О. Елишев насчитал их порядка девяти [8]. Итогами применения «грязных» избирательных технологий являются недоверие большого числа населения результатам голосования и институту выборов вообще.

Государство старается пресекать попытки нарушения выборов. В связи с цифровизацией нашей жизни в избирательный процесс активно внедряются электронные технологии. На выборах Президента России 2018 года все территориальные избирательные комиссии были оснащены видеонаблюдением⁶. В стране активно проводится политика привлечения международных наблюдателей на выборы различных уровней. По заявлению члена ЦИК России Н.В. Левичева, в 2016 году на выборах в Государственную Думу было аккредитовано 774 международных наблюдателя из 10 международных организаций и 63 стран⁷. Стоит сказать, что в период предвыборной кампании присутствует дух состязательности: кандидаты стараются не допустить превосходства своих противников. И в случае каких-либо нарушений сторонники кандидатов готовы сообщить в уполномоченные правоохранительные органы или в соответствующую избирательную комиссию о них.

Органы власти предпринимают усилия для повышения явки на выборах: осуществляется активная агитация в СМИ и Интернете в пользу реализации активного избирательного права. ЦИК России постоянно совершенствует процедуру голосования, стремясь повысить доверие избирателей. Однако, на наш взгляд, предпринимаемые действия явно недостаточны. Мы считаем, что необходимо внутренне стимулировать человека для того, чтобы он пришел на выборы. Возникает вопрос: «Как это сделать?» Для этого нами разработан проект Кодекса избирателя. Главной целью создания такого нормативного акта является привлечение избирателя к участию в голосовании. В Кодексе юридически неподкованным гражданам на простом и понятном для них языке будут разъяснены их права и обязанности. Мы убеждены, что доходчивое объяснение людям всех их правомочий даст положительный толчок развитию правовой культуры и грамотности населения. При этом акт не ограничивается одним перечислением вышеуказанных категорий. Считаем необходимым и правильным введение поощрительных мер: памятные подарки, знаки отличия, благодарственные письма, а главное — денежное вознаграждение избирателей. Такого рода меры могут достаточно быстро решить искомую задачу — проблему низкой явки избирателей.

Стоит сказать и о том, что такое нововведение станет радикальным шагом в области российского избирательного права: обязательно найдутся скептики и ярые противники предложенных преференций. Давайте посмотрим

⁶ См.: <https://rg.ru/2018/03/17/cik-videonabludenie-na-vyborah-budet-rabotat-na-43-tysiachahuchastkov.html>.

⁷ См.: <https://utro.ru/news/2016/09/19/1297903.shtml>.

на сегодняшнее положение дел в других сферах и проведем аналогию. Так, матерям предоставляется материнский капитал в качестве экономической основы для воспитания и развития малыша. Разумеется, из этого не следует, что женщины рожают ради денег. Донорам, пожертвовавшим свою кровь, выплачивается определенная денежная сумма. И почему-то такое положение ни у кого не вызывает негативной реакции, мол, человек помогает другому не только из высоко моральных побуждений, но и из-за денег.

И в нашем случае будет действовать принцип: «сделал определенное дело — получи деньги», «пришел на выборы — молодец! — получи деньги». При этом стоит оговориться, что свобода, тайна, альтернативность голосования и иные демократические принципы проведения выборов будут, конечно же, сохранены. Любые случаи шантажа должны будут пресекаться правоохранительными органами. При введении Кодекса избирателя в действие необходимо будет внести изменение в действующее административное и уголовное законодательство, ужесточив ответственность за фактический шантаж и подкуп избирателя, которые подразумевают голосование именно за определенного кандидата.

У оппонентов нашего предложения может возникнуть другое возражение: человек придет на выборы только ради денег и поставит галочку в бюллетене наугад, лишь бы поскорее забрать «заслуженное» вознаграждение. Отвечаем: во-первых, это не наше дело, что и как в кабинке для голосования будет отмечать избиратель, мы просто не имеем права в это вмешиваться. Во-вторых, действительно, чтобы гражданин сделал именно осознанный выбор, нужно его к этому подготовить. В-третьих, стоит задать фундаментальный вопрос: а кто виноват в том, что современный избиратель будет приходить на выборы только ради денег, и никакими высокоморальными идеями его не заставишь прийти на избирательный участок? Скажем прямо: виноваты власть и общественность, растлившие российского гражданина и уронившие его правовое сознание на столь низкий уровень, при котором ничто кроме денежного поощрения не заставит человека прийти и проголосовать за собственное благополучие и будущее. Это не беда отдельного человека — это беда всего общества. Как известно, клин клином выбивают, поэтому необходимо привлечь гражданина — привлечь именно тем, что ему сегодня нужно: деньги.

Одновременно с этой новеллой надо восстанавливать моральный облик российского избирателя. Для повышения уровня правосознания недостаточно просто говорить дежурные фразы, что выборы — это хорошо, что от нас и нашего голоса зависит будущее страны. Только путем качественной агитации, конструктивной пропаганды мы можем добиться увеличения уровня правовой, а главное — политической культуры. Для этого необходимо, начиная со школьной скамьи, внедрить в процесс обучения программы, которые помогут подрастающему поколению освоить основы политики.

14 мая 2019 года в стенах Центральной избирательной комиссии Российской Федерации были представлены высококлассные пособия для педагогов⁸, помогающие вовлечь ребенка в политический и избирательный процессы, а также вызвать в нем интерес к участию в выборах⁹.

Вознаграждение, получаемое избирателем, не будет «подачкой с барского стола» или милостыней со стороны государства бедному российскому народу, а будет обязанностью власти: человек имеет право получить поощрение за приход на выборы. В мире не так много стран, в которых за то, что человек воспользовавшись своим правом, реализация которого носит общественно полезный характер, получает довольствие. Проблема может возникнуть только с действующим административным законодательством. В диспозиции статьи 5.16 Кодекса об административных правонарушениях России сказано, что не допускается подкуп избирателей. Но на наш взгляд, значение этой нормы состоит в том, что избирателя подкупают, когда он приходит на выборы и голосует за «нужного» кандидата. Еще раз повторимся: мы предлагаем ввести материальное поощрение за то, что человек просто пришел на выборы и проголосовал так, как считает нужным. Следовательно, считаем важным изменить нормы административного и уголовного законов во избежание неверного толкования этих статей при введении в действие предложенных нами мер.

Однако на нашем пути встретится еще один «подводный камень» в виде извечного вопроса «где взять деньги?». Эта проблема, как и само ее решение выходит за рамки избирательного права и процесса. Можем только лишь сказать, что деньги в стране есть: по данным Счетной палаты России в 2018 году выявлено нарушений на сумму 772,7 миллиарда рублей, а в 2017 году — 1,865 триллиона рублей (согласно данным отчета о работе Счетной палаты РФ)¹⁰. Поэтому, не вдаваясь в глубокий анализ сущности коррупции и борьбы с ней, скажем, что денежных средств в нашей стране хватит. Если мы хотим качественно улучшить избирательную систему России, нужно использовать комплексный и системный подход: изменение не только избирательного, но других отраслей законодательства (в частности, бюджетного, административного), поскольку введение в действие только одной нормы без изменения пласта нормативной базы не будет иметь должного эффекта, а может еще и навредить сложившимся общественным отношениям.

Таким образом, Кодекс избирателя является, по своей сути, революционным актом, который, конечно же, вызовет немало вопросов и критических рассуждений. Можем ли мы ошибиться, введя такие поощрительные санкции за участие в выборах? Конечно можем, гарантии от этого никто не дает. Но,

⁸ Мы надеемся, что предложенные методические рекомендации будут поддержаны Министерством просвещения России и в дальнейшем внедрены в школьную программу.

⁹ См.: <http://www.rcoit.ru/about/application-atmosphere>.

¹⁰ Там же.

как известно, не ошибается тот, кто ничего не делает. Поэтому нужно менять избирательное законодательство, подстраивая его под нашего российского избирателя и создавая для него все необходимые условия.

Список литературы

1. Арина К.И. Абсентеизм в политике: причины и последствия // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарной науки. 2014. № 1. С. 214–220.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. Ким А.И. Советское избирательное право. М.: Юридическая литература, 1965. 210 с.
4. Ким А.И. Государственная власть и народное представительство в СССР. Томск: Издательство Томского университета, 1975. 215 с.
5. Юсубов Э.С. Научное наследие А.И. Кима и вопросы избирательного права России // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 200–205.
6. Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы СССР в 1933–1937 гг. М.: Концептуал, 2018. 368 с.
7. Фокин А.А. «Депутат — слуга народа»: Принципы выдвижения кандидатов как элемент советской демократии в 1960–1970-х гг. // Управление в современных системах. 2014. № 3. С. 45–53.
8. Юрчак А.В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
9. Елишев С.О. О реформе избирательной системы Российской Федерации // Пространство и время. 2011. № 2. С. 201–208.

М.Ю. КОШМАРОВ

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ

Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. Москва: Горячая линия-Телеком, 2018. 496 с.

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию А.В. Манойло «Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию».

Ключевые слова: информационные войны, гибридные войны, психологические операции, цветные революции, международный терроризм, рейдерские захваты, пропаганда.

INFORMATION WARFARE AND PSYCHOLOGICAL OPERATIONS

[Review of the book: Manoylo A.V. Information warfare and psychological operations. Guide to action. Moscow: Goryachaya Linia-Telekom. 2018. — 496 p. (In Russ.)]

Abstract. The article is a review of the monograph of Manoylo A.V. «Information warfare and psychological operations. Guide to action».

Keywords: information wars, hybrid wars, psychological operations, color revolutions, international terrorism, raider attacks, propaganda.

Очевидно, что книга А.В. Манойло «Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию», вышедшая в 2018 году, создавалась как учебник и руководство для подготовки специалистов в соответствующей области — офицеров спецслужб и сотрудников министерства иностранных дел, но безусловно будет весьма интересна и полезна «смежникам» — политикам, политологам, журналистам, специалистам по связям с общественностью.

В эпоху Интернета многие понятия стали более мобильными, текучими, начали видоизменяться, подвергаться диффузии и взаимодополняться идеями из смежных областей. Не стал исключением феномен информационных войн — последние два десятилетия нередко случается, что виртуальная составляющая конфликта значительно превосходит реальную как по действиям, так и по последствиям. Сегодня накоплен значительный объем данных в этой области, требующий тщательного научного анализа, классификации

КОШМАРОВ Михаил Юрьевич — кандидат технических наук, директор по инновационным технологиям фонда Российский общественно-политический центр (РОПЦ), г. Москва

и терминологического единообразия. Научный труд А.В. Манойло — это значительный шаг в данном направлении. Из оглавления книги ясно, что автор собрал и препарировал все эпизоды информационных войн последних лет. В таких войнах «Идеальным считается результат, когда противник добровольно подчиняется воле агрессора, признав его превосходство, приняв его ценности, нормы, стандарты, мировоззрение и идеологию» [1, с. 122.]. В этой формулировке совмещен прагматичный и одновременно философский подход к изучению феномена информационных войн. Прослеживается эволюция идей Карла фон Клаузевица, изложенных двести лет назад в трактате «О войне»: «Итак, война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю. [...] нельзя считать, что война прекратилась, пока не сломлена воля противника, т. е. его правительство и союзники не принуждены подписать мир или народ не приведен к покорности...» [2, с. 27, 51].

Рецензируемая работа представляет собой 500-страничную книгу, состоящую из 11 частей, и охватывает весь спектр информационных войн и психологических операций. Собственно, части 2, 3, 4 и 6 можно издавать отдельными изданиями: такие брошюры-методички весьма полезны для соответствующих специалистов. Для анализа современной западной информационной военной доктрины и терминологии в качестве фактуры в исследовании используется значительное количество документов из официальных источников США: директивы министерства обороны, оперативные тактические руководства, армейские наставления, полевые инструкции.

Часть 1 «Международные конфликты и гибридизация мировой политики» описывает современную расстановку сил на геополитической шахматной доске, природу, структуру и виды политических конфликтов и методы их урегулирования. Заслуживает особого внимания тезис о том, что видоизменение мировой политики происходит вследствие гибридизации международных конфликтов. И, следовательно, гибридные (прокси), информационные войны и гибридные («цветные») революции становятся основными политическими инструментами разрешения противоречий. Международные конфликты вступили в новую межцивилизационную фазу и стали конфликтами ценностей. «Это ведет к тому, что на смену институциональным методам урегулирования конфликтов приходят культурно-цивилизационные модели внешнего управления, основанные на технологиях информационно-психологического воздействия на систему ценностей и мировоззрение конфликтующих сторон» [1, с. 49].

Часть 2 «Информационные войны и психологические операции» содержит подробнейший структурный анализ этих актов воздействия. Здесь в первых главах приводится эволюция понятий и терминов, разобраны методология выбора целей и средства достижения этих целей, приведена наглядная, практически великолепная с точки зрения преподавания таблица-схема четырехуровневой структуры информационной войны. Далее

следуют главы, подробно описывающие техники и механизмы различных информационных операций. В заключение автор иллюстрирует свои тезисы наиболее громкими информационными операциями последних лет.

В частях 3 и 4 — «Практика организации и проведения информационных операций» и «Операция вторжения. Вмешательство США в выборы в РФ в ходе кампаний 1996–2018» приведены и подробно исследованы практически все, заслуживающие внимания информационные операции в указанный период: «Панамское досье», «Допинговый скандал», «Кокаиновое дело» и многие другие. Особенного внимания заслуживает глава «Дело Скрипалей». Автор классифицирует эту информационную операцию, как серию вбросов с «пошаговым повышением ставок» и подробнейшим образом исследует все ее детали. Эти главы, деконструирующие информационные операции, делают прозрачными методы и цели информационной войны, ведущейся против Российской Федерации.

Часть 6 посвящена «цветным» революциям. Весьма вероятно, что ключевой тезис автора о «цветных» революциях, как об «отмычках демократии», будет неоднократно цитирован и в дальнейшем. Но стоит привести его целиком: «Цветные» революции — это не мягкая сила. Это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов незападными странами, которые имеют признаки имитационности. Можно утверждать, что американцы не только придумали модель демократического устройства государства, ориентированную “на экспорт”, но и позаботились о создании специальных инструментов, предназначенных для ее слома и демонтажа, если в этом вдруг возникнет необходимость» [1. с. 272]. Особенно отметим главу о методах организации массовых беспорядков (конфликтной мобилизации) с использованием социальных сетей.

В части 5 «Основные направления формирования пространства коллективной кибербезопасности стран БРИКС. Российский подход» обосновывается создание специальной международной организации для обеспечения электронной безопасности стран БРИКС с возможным включением в нее новых членов. Автор предлагает пятикомпонентную структуру информационной безопасности с описанием компонентов и «дорожную карту» ее создания. В данной части книги очерчены области сотрудничества между странами-союзниками и возможные проблемные зоны их совместной деятельности; отдельно рассмотрен проект российского центра в рамках данного проекта.

Отдельная, довольно объемная часть книги посвящена борьбе с международным терроризмом. Часть 7 «Международный терроризм» неслучайно начинается с аллюзии на коммунистический манифест 1848 года. Исследуя эволюцию террористических организаций от национальных и региональных (ИРА, ЭТА, «Талибан») к сетевым, трансграничным, интернациональным —

«Аль-Каида», «Братья-мусульмане» и далее к ИГИЛ¹, автор приходит к выводу, что в лице подобных организаций мировое сообщество столкнулось с «международным террористическим интернационалом». И если сетевые террористические организации копируют методы конспирации и организационную структуру старинных криминальных международных структур — итальянской мафии, китайских триад и т.д., то следующая — нынешняя — итерация терроризма выступает именно как неомошевиcтский, неотроцкиcтский интернационал, по природе своей, требующий постоянного расширения экспансии.

«Центральной установкой новой идеологии террористов стало создание нового “царства добра и справедливости”, общества всеобщего равенства, примером которого может служить создаваемый террористами ИГ на территории Сирии и Ирака “всемирный исламский халифат”. Противниками современных террористов выступают правительства любых национальных государств, поддерживающих социальное неравенство, независимо от их национальной принадлежности» [1, с. 300].

В этой части подробно разобран и кейс «Шарли Эбдо», иллюстрирующий опасность масштабного восстания мигрантов в Европе. Существующие в европейских столицах иммигрантские анклавы с фактической экстерриториальностью рассматриваются как готовые опорные базы террористов или штабы восстания в рамках «освободительного движения». Это очень трезвый и верный подход к проблеме.

Отдельного внимания заслуживает глава, где подробно описана схема вербовки молодежи террористами. В ней исследуются «гравитационные» силы социальных сетей в виде поведенческих шаблонов. Рассматриваются принципы использования соответствующих паттернов уголовными преступниками в пространстве интернет-коммуникаций, проводятся параллели с механизмами протестной мобилизации и подробно разбираются техники «рекрутинга» молодежи в ряды террористических организаций. Это логическая цепь выявляет очевидную тождественность интернет-техник криминалитета, «цветных» революционеров и террористов.

Часть 8 «Техники эффективной коммуникации в политике» не будет лишней для молодых политиков и управленцев в коммерческих структурах. В ней изложены теория и практика психологических аспектов общения, доступно описаны основные техники коммуникации на переговорах и в публичных выступлениях. Приведены советы и указания, как такие выступления лучше выстроить и провести. Возможно, некоторые техники покажутся несколько сложными в реализации, но надо понимать, что ознакомление с ними может помочь в тех случаях, когда они применяются оппонентами.

Удачным ходом видится включение в книгу отдельной части о рейдерских захватах. В часть 9 «Психология рейдеров», препарировав это криминальное

¹ Запрещены в Российской Федерации.

явление современной жизни, автор высвечивает на первый взгляд неочевидную аналогию. Сравнительный анализ технологий рейдерских захватов и «цветных» революций позволяет говорить об их схожести: «...предательство одного из собственников — точка входа рейдеров на объект и основное условие перехвата управления» [1, с. 414]. В «цветных» революциях таким «предателем-собственником» обычно выступают компрадорские элиты или религиозные меньшинства.

Замыкает книгу часть «Политические портреты» в четырех главах о Трампе, Путине, Кастро и Бжезинском. Как и вся книга, эта часть содержит интересные тезисы и наблюдения.

В заключение нужно сказать, что рецензируемый труд написан живым языком четких логических построений (без псевдоакадемических жонглирований малоупотребительными терминами), легко читается и усваивается; содержит по-военному четкие и понятные формулировки; каждый тезис в нем иллюстрируется примерами из новейшей международной политики. Отдельные части книги самодостаточны и имеют право на самостоятельное существование, что никак не принижает значение остальных ее разделов, охватывающих весь арсенал методик, применяемых в информационных войнах.

Список литературы

1. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия - Телеком. 2018. 496 с.
2. Клаuzeвиц К. О Войне. Избранное. М.: АСТ. 2017. 320 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

OUR AUTHORS

БОРМИНЦЕВА Александра Сергеевна, студент ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»; BORMINTSEVA Aleksandra Sergeevna, student, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University; 79092182344@yandex.ru

ВАЩЕНКО Галина Борисовна, магистрант Института юстиции Уральского государственного юридического университета; VASHCHENKO Galina Borisovna, master of the Institute of Justice, Ural State Law University; galinahabibi@mail.ru

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); VEDENEEV Yuri Alekseevich, doctor of law, professor of the department of theory of state and law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); vedpol45@gmail.com

ГОЛОВИН Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук; GOLOVIN Aleksei Gennad'evich, candidate of law; aggolovin@mail.ru

ГОЛОВИНА Анна Александровна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; GOLOVINA Anna Aleksandrovna, candidate of law, senior researcher of the Department of the Theory of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; aagolovina@mail.ru

ГРИГОРЕВСКИЙ Виктор Андреевич, магистрант Института экономики и права Петрозаводского государственного университета; GRIGOREVSKIY Viktor Andreevich, master of the Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University; yearmac@mail.ru

ДАШКЕВИЧ Никита Германович, студент юридического факультета Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина; DASHKEVICH Nikita Germanovich, student of the Faculty of Law, Pushkin Leningrad State University; dashkevich0801@gmail.com

ДЕМЧЕНКО Алина Викторовна, студент юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС); DEMCHENKO Alina Viktorovna, student of the Faculty of Law, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (NWIM RANEPА); demchenkoalina@yandex.ru

ЖЕЛТИКОВ Никита Витальевич, студент ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»; ZHELTIKOV Nikita Vladimirovich, student, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University; zheltikov.nikita@mail.ru

КАРЯКИН Владимир Васильевич, кандидат военных наук, преподаватель кафедры военного регионоведения Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; KARYAKIN Vladimir Vasil'evich, candidate of military sciences, lecturer of Military Region Studies Department, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; vladimirkaryakin41@gmail.com

КОШМАРОВ Михаил Юрьевич, кандидат технических наук, директор по инновационным технологиям фонда Российский общественно-политический центр (РОПЦ); KOSHMAROV Mikhail Yur'evich, candidate of technical sciences, Director of innovative technologies, Fund RPPC; mk69@yandex.ru

МАТЮШЕНКО Дмитрий Викторович, студент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова; MATYUSHENKO Dmitry Viktorovich, student of the Department of Socio-Political Theories, P.G. Demidov Yaroslavl State University; dimas2897@mail.ru

МИРОНОВА Светлана Владимировна, студент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова; MIRONOVA Svetlana Vladimirovna, student of the Department of Socio-Political Theories, P.G. Demidov Yaroslavl State University; S.mironova97@mail.ru

ОФИЦЕРОВ Андрей Сергеевич, председатель избирательной комиссии Тамбовской области; OFITCEROV Andrey Sergeevich, Chairman of the Election Commission of the Tambov Region; ofas68@mail.ru

ПОЛЕЖАЕВА Татьяна Юрьевна, магистрант социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; POLEZHAIEVA Tatyana Yur'evna,

master of the Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University; tatyana.polezhaeva@yandex.ru

ПОТУЖНЯЯ Маргарита Александровна, студент Юридического института Тихоокеанского государственного университета; POTUZHNYAYA Margarita Aleksandrovna, student of the School of Law, Pacific National University; sanna4328@bk.ru

СИДОРУК Татьяна Николаевна, студент ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»; SIDORUK Tatyana Nikolaevna, student, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University; sidoruk1996@mail.ru

ФАТЕХОВ Александр Маратович, студент кафедры социологии Московского государственного лингвистического университета; FATEKHOV Aleksandr Maratovich, student of the Sociology Department, Moscow State Linguistic University; fatekhov.alexander@gmail.com

ШАКУРОВА Наталья Евгеньевна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; SHAKUROVA Natalya Evgen'evna, candidate of political sciences, associate professor, associate professor of the Department of Political Science and Law, Moscow Region State University; natalyapretty@mail.ru

ШАЛАЕВА Арина Алексеевна, студент юридического факультета Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС); SHALAEVA Arina Alekseevna, student of the Faculty of Law, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (NWIM RANEPА); arina_shalaeva@mail.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объём статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков) рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдаётся предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объёма не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках, и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д.... Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] ... Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Литература» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д.... В раздел «Литература» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Литература» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в чёрно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить её таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, учёная степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приёме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии её публикации.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объём, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@tcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**№ 3(13)
2019**

ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 29.08.2019.
Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная.
Печ. л. 13.
Тираж 500 экз. Заказ № 0954

Отпечатано в ООО «Диамант-принт»
394036, г. Воронеж, ул. Трудовая, д. 50, кв. 10